

Виктор Скороходов

16+

Женщины
виноваты!

Рассказы

Виктор Скорыходов

Женщины виноваты!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58105034

SelfPub; 2020

Аннотация

Женщина. Как много мыслей рождаются у нас, когда мы слышим это слово. Никого и никогда оно не оставляет равнодушными: слишком много загадочного и привлекательного в нем. Женщины, как реки: нельзя найти двух одинаковых и нельзя войти в одну и ту же реку дважды. От темного до светлого – вот спектр женских характеров. Можно восторгаться женщинами, можно проклинать их, можно не понимать, но не любить их нельзя. Рассказы этого сборника посвящены женщинам, из зачастую нелегкой судьбе, их любви и счастью. Автор попытался лишь слегка прикоснуться к таинственному женскому характеру без попытки его разгадать – это невозможно. Настолько это прикосновение оказалось удачным – решат читателю.

Содержание

Женщины виноваты	5
Временный муж	14
I	14
II	22
III	34
IV	40
V	44
VI	51
VII	53
VIII	57
IX	62
X	68
XI	72
Графиня	78
*	86
*	89
День рождения кошки	99
Долг памяти	107
Круиз	123
Месть Немезиды	130
I	130
II	135
III	143

IV	148
V	151
VI	155
VII	158
VIII	167
IX	174
X	182
XI	191
XII	196
XIII	201
Ночь Полной Луны	208
Привычка	218
Снова Праздник!	223
Ходики с хромотой	227
Шашлыки из соловьев	246

Женщины виноваты

За что, спрашиваете, я здесь на нарах сижу? А все из-за них, из-за женщин. Из-за любви к ним.

В канун женского дня, значит, выдали нам зарплату. Вот мы и решили поздравить женщин нашей базы с праздником. Поздравили, посидели хорошо. Смекаете? По дороге домой на оставшуюся зарплату я купил жене букетик фиалок. Такие маленькие фиолетовые цветочки. Очень даже симпатичные. Жене нравятся: они ей под цвет глаз подходят.

Вот иду, значит, никого не трогаю, в руке букетик цветов, а навстречу мужичок, такой весь... В шляпе. Идет и так весело через лужи прыгает на своих коротеньких ножках – скок да скок. Подошел к здоровенной луже и через нее – прыг. Распрыгался, козлик... Куда там ему было перепрыгнуть ее: он и до половины не допрыгнул. А тут я стою. Он меня и окатил весенней жижей. Я, конечно, не стерпел и спрашиваю его, но вежливо, без мата: «Куда тебя, падло, занесло? Не мог обойти? Твоими ножками только на стуле болтать, а не через лужи прыгать. Всего меня обдал, козел вонючий». А он вместо того, чтобы попросить прощения, мне так весело: «Да что вы такое говорите? Совсем чуть-чуть обрызгал. Вода весенняя – радоваться надо. Я вот полный ботинок воды набрал и ничего. Даже приятно. Весна. Праздник».

А я ему так культурно, без мата, говорю: «Ты, блин горелый, можешь лечь в эту лужу, если тебе приятно, – сейчас у нас демократия, – но на меня не брызгай. И если ты, огурец маринованный, гнида бледнолицая, сейчас же прощения не попросишь, то я тебе так брызну, что домой не дойдешь». В ответ он меня обозвал алкашом. А я этого не люблю. Я еще больше обиделся и решил его слегка проучить. И так легонько фиалками, которые я держал в руке, ударил его по лицу. Ну я же не виноват, что у него челюсть оказалась слабая и лопнула в двух местах.

Нас на машинах развозили: его в больницу, а меня сюда.

И чего все всполошились из-за поломанной челюсти? Ничего страшного в этом нет. Срастется. Мне самому ломали ее в молодости. Догадываетесь, из-за кого? Из-за женщины! Это когда я еще ухаживал за своей будущей женой. Ребята с ее улицы решили проучить меня, чтобы я не отбивал их девок. Проучили: я, как только из больницы вышел, сразу на ней женился – мужей-то не бьют из-за этого.

Так вот, самое неприятное в поломанной челюсти, это два месяца нельзя раскрыть рта. Нижнюю челюсть привязывают к верхней. И вот все это время можно цедить сквозь стиснутые зубы только жидкость. Но мне повезло: мне тогда выбили два зуба. Вот здесь. Я через эту дырку засовывал мелкие кусочки еды всякой и глотал. Больные с целыми зубами мне страшно завидовали. А как водку пить? Они ее процеживали сквозь зубы, а я пил ее как коктейль. Вставлю один конец

трубочки в дырку между зубами, а другой в стакан, и – ваше здоровье.

Да, всем известно, много неприятностей мы, мужчины, от женщин имеем. Я по себе сужу. Если я один – все нормально, но если с женой – быть беде.

Вот такой, например, случай недавно со мной произошел. Уговорила меня жена к своей матери, т. е. к моей теще, в воскресенье на своей машине съездить. Обычно мы на общественном транспорте ездим. Тогда можно и с тестем посидеть, поговорить, по лампадке антигрустинчика выпить, как он любит говорить. А если на машине, то, сами понимаете, с утра – в воскресенье! – пить нельзя, и разговор с тестем не будет клеиться. Знал я, что не нужно ехать на машине, но – уговорила. А кого они не уговорят? Поехали. Я чуть ли не каждый день по этому переулку «под кирпич» езджу – и ничего. Но это когда без жены. А здесь – сразу же за знаком на гаишника напоролся. Смекаете? Вышел я к нему, предъявил документы, а он мне: «Нарушаете, Юрий Петрович, придется вас наказать».

– Это нестрашно, – отвечаю, – я уже наказан, да еще как. К теще еду. Вот это наказание. Нет, не поймешь ты меня, – говорю я улыбающемуся гаишнику. – Это надо тещу иметь, да еще такую, как моя. Помнишь, как сказал классик:

*Я встретил вас – и все живое
В душе моей оборвалось.*

Это про мою тещу сказано. И вот я еду к ней и везу, – я кивнул на машину и рукой изобразил кобру. – Террариум! И мне нужно будет весь вечер находиться в нем. А ты о каком-то наказании говоришь.

Милиционер, уже не улыбаясь, вздохнул и сказал: «Я вас очень хорошо понимаю. У меня такая же теща. – Немного помолчал. – Ну, вот скажи, зачем это? Ну, как говорится, жена – Богом дана, и деваться здесь некуда, но зачем же нам, мужикам, еще и теща полагается?»

Мы еще немного посочувствовали друг другу, и он меня отпустил.

Нет, здесь я не спорю, все обошлось благодаря женщинам, но ведь все началось из-за того, что в машину села жена.

Или вот еще недавно случай был. Иду я, значит, с работы, настроение хорошее. Вижу на новом кафе «Апшерон» на бумажке объявление: «Всегда имеются свежие люля-кебабы». Смекаете? Вот, думаю, что значит предприниматель на себя работает: уже в кафе женщин предлагают. Да еще как хитро зовут. Нестандартно. Одним нравится, когда женщин девушками называют. Везде объявления: «Требуются девушки до тридцати лет». Другие женщин называют «телками», а здесь – бабы. А что, может, нравится это кому-нибудь – бабы, да еще и свежие. Ну, а «люля-ке», это, наверное, что-то по-французски, чтобы звучало. А основное слово «бабы» – по-русски. Прочитал я и решил зайти. Поинтересоваться, зна-

чит. Денег у меня не было и на сто грамм, не то что на женщин, но я все-таки зашел.

У двери «шкаф» сидит – «вышибала», догадался я. За стойкой бара такой же, но кавказской национальности. Вот я к нему и подошел. Поздоровался и так культурно спрашиваю: «Как у вас насчет девушек?» – «Какой такой девушка?» – бармен сделал вид, что не понял меня. Все он прекрасно понял. Только, видно, догадался, что у меня за душой ни копыя. «Свежий девушка», – ответил я ему, подмигивая. «Мы девушек не продаем. У нас кафе». – «Да я и не собираюсь их покупать. Так, на время. Посидеть, поговорить». – «Нет девушек», – отвечает бармен и подмигивает. Ну, думаю, разговор получается. Хотел я в ответ ему снова подмигнуть, но не успел. Кто-то подхватил меня под мышки, и я очутился на улице. Нет, меня никто не бил, только вот бок после этого почему-то две недели очень болел. Он и сейчас болит, если глубоко вздохнуть. Вот здесь.

Надо признать, что женщины оказывают на нас, мужиков, какое-то гипнотическое воздействие.

Друг у меня есть. Таксистом работает. Здоровый такой амбал. Гаишники всегда просят выйти из машины, чтобы сравнить его с фотографией на удостоверении. Его лицо в окно сразу все не разглядишь – не помещается. Бывает, молодые ребята отказываются платить за проезд, так он с ними такое сделает, что они после этого в два раза больше платят. А какой прекрасный рассказчик. Кажется, что он только три, нет,

четыре слова знает, но рассказывает очень интересно и понятно. Ну, это так, к слову. Так вот, ехал он однажды по улице, и вдруг перед машиной какая-то девка бросилась дороге переходить. Он по тормозам и, конечно, сразу открывает дверь и рот. Телка эта тоже остановилась, мило улыбнулась и так кокетливо пальчиком ему погрозила и пошла дальше. От такой наглости он забыл даже эти четыре слова и минут пять сидел с открытой дверью и ртом, вспоминал их. Потом отошел и все вспомнил.

А какие они, женщины, дают нам советы. «Брось пить». Такой совет может дать только женщина! Даже врач, если он мужчина, не посоветует такого. Это же надо бросить друзей, товарищей. Это же предательство! Я, например, на такое не способен.

Или еще. Жена говорит мужу: «Надень пару кальсон: на улице холодно». Она заботится лишь о том, чтобы муж нечего не отморозил, и ни о чем больше не думает. А если по большой нужде да в спешке он снимет одни кальсоны, а про другие забудет? Нет, женщины любят давать советы, но про последствия не думают.

Ну, а как вы бы относились к своей жене после вот такого случая?

Я пью ... не помню уже с какого возраста, но это неважно. У меня после, скажем так, банкетов никогда голова не болела, сколько и чего бы я ни выпил. Но вот однажды вечером мне жена говорит: «Хотя бы у тебя по утрам голова болела,

может, меньше бы пил». И все. Больше ничего. А на следующее утро просыпаюсь – голова болит. Да еще как! Ну прямо раскалывается, как будто кувалдой по ней двинули. И с тех пор почти каждое утро так. Накаркала.

«Вы хотя бы норму знали», – кричит. А что ее знать? Норма – выпить все, что есть. Кончится – и мы закончим.

Ничего не пропустит, все заметит, на все у нее замечание есть.

Как-то раз на даче, после бани, сижу на скамеечке и спокойно курю – отдыхаю, значит. И тут она: «Постыдился, – шипит, – кругом люди, а ты – в чем мать родила. Все же видно». Весь кайф испортила. Хотел я ей ответить, но подумал и понял, что здесь она права. Да, стыдно, но не потому, что видно, а потому, что ничего не видно. Вздохнул и закурил новую сигарету.

А какие они у нас умные. Жуть! Мою жену недавно назначили директором магазина. До этого она работала бухгалтером в этом же магазине, а теперь – директор. Паршивенький магазин, но – директор. Так она теперь имидж свой ищет. Я говорю ей, что если он есть, то он есть и искать его не надо. «Ты ничего не понимаешь. Ты даже не знаешь, что такое имидж», – она мне.

Может быть я чего-то и не понимаю, но что такое имидж и этот, как его, а вот вспомнил, менталитет – это я для себя уяснил четко. Менталитет – это когда и причины нет, и повода нет, и даже не хочется, но ты напиваешься до поросья-

чьего визгу. Это заложено у тебя внутри. А имидж – это что-то внешнее. Это когда в дымину пьяный, с разбитой мордой, весь в грязи ты изображаешь интеллигентного человека.

Вообще-то у общества, как говорят сейчас, двойной стандарт в отношениях к мужчинам и женщинам. Женщинам многое прощают. Вот, например, у классика есть пьеса, где молоденькая девушка говорит все: «Я – чайка! Я – чайка!». Затем она стала знаменитой, и ее до сих пор помнят. А сколько мужиков вот так вставляли, левую руку за спину, правую на грудь и говорили: «Я – Наполеон! Я – Наполеон!». Где они после этого оказывались? Смекаете? То-то же. А там, в психушке, всегда найдется Кутузов, который каждый день будет устраивать Бородинское сражение. Да, сколько таких Наполеонов пропало в неизвестности.

А разве женщин поймешь? Правильно классики говорили, что женщину до конца никогда не узнаешь.

У жены есть подруга. Ее муж, как говорится, не курит, не пьет и, как бы это покультурнее выразиться, в общем, не гуляет от жены. Как-то раз моя ей говорит: «Счастливая ты. Муж у тебя весь положительный. Все тебе завидуют». Так вы знаете, что она ответила? «Что здесь хорошего? Даже поругать его не за что. Так вот и живу. Скучота».

Вот и угоди им.

Что-что? Меня на свидание приглашают? Мужики, извините, я побежал. Жена пришла!

1998 г.

Временный муж

I

Лена воспитывалась без мужчин в доме – мамой и бабушкой. Дедушку Лена помнила плохо: он умер, когда ей не было и пяти лет. А отца у нее не было совсем. Нет, он, конечно, был где-то, но мать и бабушка об этом старались не говорить никогда. На все вопросы о нем они отвечали всегда односложно и непонятно: «Был, но разошлись», или «Не сошлись характерами». Вот и все, что знала Лена о своем отце. Мама даже вернулась в этот город к бабушке, чтобы быть подальше от бывшего мужа. Она была не оригинальна в своем поступке, а почти повторила путь своей мамы. Бабушка, родив дочь, Ленину маму, развелась с мужем, но они остались в хороших отношениях, и он, когда был жив, часто навещал их.

Воспитанная женщинами, Лена была почти уверена, что все зло от мужчин, и поэтому никогда не пыталась найти отца. Он тоже ее не искал, что успокаивало ее совесть. Как ей казалось, она неплохо жила и в таком обществе – обществе без мужчин. Был определенный круг знакомых, в основном незамужние женщины, были частые встречи с ними,

театры, концерты, музыка, мода; в большом мире с его часто неразрешимыми проблемами был свой маленький, привычный мир. Казалось, что жизнь складывалась прекрасно, но ...

– Послушай меня, тебе давно пора замуж, – очередной раз говорила ей мама.

Она уже давно уговаривала Елену родить ребенка, но только от законного мужа.

– Поженитесь, родите ребеночка и разведетесь. Мы с бабушкой без мужчин прожили – и ничего.

– Зачем же тогда замуж выходить? – возражала Лена. – Свадьба, расходы, а затем суд. Давай уж я так, без мужа, заведу ребенка. Если будет девочка, то известно, как воспитывать. А если мальчик? – Раздраженно. – Не нужны мне ни дети, ни тем более муж.

Лене не очень нравились эти разговоры о ребеночке, но мать была настойчива.

– Правильно, тебе не нужен муж на всю жизнь, потому что без него, поверь мне, лучше. Родишь, и мы выгоним его. Но без мужа рожать – безнравственно. Ты же не гулящая, чтобы без мужа рожать. Бабушка и я родили и разошлись.

– Выгоним ... Вот ты отца выгнала, и я не знаю о нем ничего. Разве это хорошо? Вспомни, сколько слез было в школе. У всех детей были отцы, а у меня – нет. Нет и все. Не умер, не ушел к другой женщине – просто нет. Я даже слова «папа» не знала. И теперь вы хотите, чтобы и мой ребенок

так же вырос, не зная, что у детей есть отцы, – Лена замолчала, вытирая выступившие слезы. – И давай закончим об этом разговор. Надоело.

Лене действительно все это порядком надоело, но вечерами, когда она оставалась дома, такие разговоры были обычным явлением. Сегодня она рассчитывала почитать очередной «розовый роман», – несмотря на нелюбовь к мужчинам, ей нравилась романная любовь мужчины и женщины, – но снова те же разговоры.

– Я его не выгоняла, – немного помолчав, ответила мать. – Мы просто культурно разошлись. Я даже не хотела, чтобы он платил алименты, но присудили, и я их откладывала на сберкнижку целых восемнадцать лет и, если бы не перестройка, ты была бы богатой невестой, – она грустно покачала головой и замолчала.

– А с твоим отцом мы не ругались, – продолжила она. – Просто он не достоин быть твоим воспитателем, – закончила мать и, поджав губы, отвернулась от дочери.

– У вас с бабушкой прямо-таки патологическая ненависть к мужчинам. Почему? Чем они вас обидели? Вы постоянно ими недовольны. Чем мой дед и отец провинились перед вами? Деда я знала: нормальный человек был, бабушке даже квартиру оставил. Я уверена, что и отец такой же. Но ты так его ненавидишь, что даже ничего мне о нем не рассказываешь.

Лена замолчала, искоса поглядывая на мать. Она не ожи-

дала от себя, что сможет высказать матери то, о чем думала давно. Но вот довели, и она высказала.

Мать на первый взгляд казалась тщедушной и слабОВОЛЬНОЙ женщиной, но на самом деле она была упрямой и почти всегда добивалась своего. Не торопясь, изо дня в день, болезненным и тихим голосом она просила, требовала и снова просила. Она не ругалась, не говорила громко, не злилась. Но лучше бы она кричала, била посуду, хлопала бы дверью, чем это тихое, настойчивое, проникающее во все поры тела: «Послушай меня». Оно звучало десятки, сотни раз за вечер и никуда от него нельзя было деться. Лена уговаривала себя не слышать его, убеждала себя, что это обычные слова, что она уже привыкла к ним и что они уже ее не трогают, просила мать, чтобы та их не произносила, но все без толку – они звучали вновь и вновь, и Лена в конце концов соглашалась с матерью.

– Не будем говорить о моем прошлом, о котором ты ничего не знаешь – и слава Богу, – после долгого раздумья мать решила ответить дочери. – Не будем, – и снова замолчала.

Лене стало жаль ее. Действительно, возможно, между родителями произошло что-то такое, о чем ей не следовало знать, но все же у нее отец был, и мать могла бы что-нибудь рассказать о нем.

Мать продолжала молчать, и Лена подумала, что тема о замужестве на сегодня закрыта. Она перевернула назад лист книги, которую пыталась читать, разговаривая с матерью. Но

мать встрепенулась и продолжила, приостановившийся было разговор.

– Послушай меня, ты бы нашла тогда сама мужчину поприличней, чтобы без всяких отклонений, если не хочешь тех, кого мы предлагаем. Например, Миша. Очень хороший человек. И напрасно ты ... – но Лена не дала ей закончить.

– Мама, пожалуйста, прекрати этот разговор. Не нужны мне твои ни Миша, ни Паша и никто мне не нужен.

– И я говорю, что постоянно они тебе не нужны, – подхватила мать.

– Временно, как оказалось, мне тоже не нужны, – сказала Лена и с шумом закрыла книгу.

Ее большие черные глаза наполнились влагой, и, чтобы не потекли слезы, она откинула голову на спинку кресла и молча уставилась в потолок. Мать внимательно смотрела на нее, осмысливая сказанное.

– Что ты этим хочешь сказать? – Помолчала, не отрывая глаз от дочери. – Ты хочешь сказать, что ты уже спала с мужчинами?

– Мама, мне уже двадцать шесть лет. – Лена еще внимательней принялась разглядывать потолок.

– Ну и что? Я вышла замуж девушкой в двадцать девять лет. Все было прилично.

– Тогда время было другое. Общество другое.

– Послушай меня, те, кто собирался замуж, всегда хранили свою честь. – Мать поджала губы и отвернулась от дочери.

– Но я же не собираюсь выходить замуж.

– Тем более надо блюсти себя.

Помолчали, думая каждый о своем. В такие минуты неплохой мир, в котором жила Лена, тяготил ее, и хотелось его изменить, но решимости и сил не было, и она просто молча плакала, глотая слезы.

– Так это правда, что ты уже не девушка? – вновь вернулась к разговору мать, искоса поглядывая на дочь.

– Я пошутила, мама. Успокойся, – горько усмехнулась Лена.

– Ну, слава Богу. Я уж подумала, что плохо воспитала свою дочь.

Заверения дочери, которые мать хотела услышать, успокоили ее, и, боясь, что это не так и при дальнейших расспросах все станет ясным, она окончила разговор.

– Пойду прилягу. Устала что-то я. Спокойной ночи, – попрощалась она с дочерью.

– Да, мама, я уже спала с мужчинами, но мне это не доставило никакого удовольствия, – прошептала она, вытирая слезы подвернувшейся салфеткой.

Она вновь раскрыла книгу, но читать о чужой любви почему-то не хотелось. Посидев бездумно несколько минут, она встала, подошла к окну и долго смотрела на окна соседних домов. За каждым окном была своя жизнь: кто-то веселился, а кто-то плакал, как она, где-то ссорились, а где-то мирились, объяснялись в любви или ненависти; кто-то уходил из

дома, а кто-то возвращался; где-то, конечно же, занимались любовью, зачинали ребенка. Ребенок... Она не испытывала материнских чувств, и ей было все равно будет у нее ребенок или нет. Но противиться матери уже не хватало сил. Надо было что-то решать, иначе ее жизнь с каждым днем будет становиться все хуже и хуже. Сегодня еще не было бабушки. Когда приезжала бабушка или они ездили к ней, то выступающие одним фронтом мама и бабушка всегда доводили ее до истерики.

Лена вспоминала свои связи с мужчинами, которые всегда быстро заканчивались в основном по ее инициативе. Ничего хорошего в этих знакомствах она не находила. Возможно, она не опытна в этих делах, и здесь какой-то особый подход нужен? Ведь некоторые мужчины были интересными, но все равно уходила от них она. «Самой, видно, мне не справиться», – думала она. Воспользоваться услугами подруг из «малого общества» она не хотела, да и не могли они ей помочь: сами в таком же положении.

«Здесь нужен опытный человек», – сделала вывод она.

– Мама, – Лена заглянула в спальню, – я схожу на полчасика к Даше.

– Что ты там забыла у этой гулящей девки? Всех мужиков к себе переводила, а замуж никак не выйдет. Да кто ее возьмет такую?! – слышался недовольный голос матери.

– Нормальная женщина. Это ты просто ее не любишь, вот и придираешься. Мне надо с ней по работе поговорить. Я

ключ взяла, так что звонить не буду.

II

Даша жила этажом выше. Жила весело, и мать была права. Мужчины бывали у нее часто и разные. Но Лена в личные дела Даши старалась не вникать. До сегодняшнего вечера.

Даша и Лена работали на одном предприятии, и столы их стояли рядом. Близкими подругами они не были, но общительный и доброжелательный характер Даши располагал к себе, и их отношения были хорошими. Однако вопросов, с какими шла Лена сейчас к ней, они не касались: Лена – следуя своим принципам, а Даша – зная отношение Лены к мужчинам. Сейчас, поднимаясь к ней по лестнице, Лена пыталась сформулировать свою просьбу так, чтобы она не выглядела смешной и не унижала бы ее. Но все оказалось значительно проще – Дарья была понятливой и опытной в этих вопросах. Она с первых же слов все поняла: для нее не было секретом желание мамы и бабушки Лены.

– Ты давай расскажи мне все. Нам, женщинам, чтобы облегчить душу, надо кому-нибудь поплакаться в жилетку. Вот ты мне и поплачься – сразу станет легче, – говорила Даша, расставляя чашки для чая на кухонном столе.

Немного полноватая, но стройная ее фигура, не останавливаясь, быстро перемещалась по кухне. Дашу нельзя было назвать красавицей, но русые от природы волосы, светлая

матовая кожа, серые глаза, полные губы делали ее привлекательной. Ее слегка полноватое лицо, чуть раскосые глаза, выразительный рот излучали такую доброту и участие, что обязательно задержишь взгляд на ее доброй улыбке, на приветливых глазах. И сама она имела привычку подолгу всматриваться своими светлыми глазами, окаймленными густыми, черными ресницами, в глаза и лицо собеседника, чем часто приводила того в замешательство.

Скоро чай был готов, и они уселись за стол. Даша не торопила Лену с рассказом, болтала о всяких пустяках.

– Ты знаешь, что от меня требуют мама и бабушка, – наконец начала Лена. – Мне нужен временный муж, чтобы родить ребенка. Потом надо будет развестись. Тогда в нашей семье будет все прекрасно.

– Да, конечно, знаю. Все соседи, наверное, об этом знают. – Даша отпила немного чая. – А плюнуть на их уговоры ты не можешь?

Лена отрицательно покачала головой, как-то жалобно улыбнулась и сказала:

– Бесхарактерная я. Все боюсь обидеть кого-нибудь. Мне спокойнее, когда я сама страдаю от этого, а не кто-то другой.

– Ты что, святой мученицей хочешь стать? Много же тебе придется терпеть.

Посмотрев на готовую заплакать Лену, Даша смягчила свои слова.

– Извини. Я не хотела тебя обидеть. А вот слезы в тво-

ем деле не помогут. Ты себя не ценишь: фигурка точенная, глазки – чернослив сладенький, губки алые – мечта мужчин. Давно бы замуж вышла, но ты настолько положительная, что ребята тебя опасаются. У тебя, наверное, в школе по поведению «пять с плюсом» было. На уроках ты держала руки на парте, а на переменах тихо стояла у стеночки, сложив руки на груди. Ведь так было? – Дарья весело, не изменяя своей привычке, смотрела прямо в глаза гостье.

– Да, примерно так и было, – улыбнулась та. – Я была отличницей, а по поведению все учителя меня в пример ставили. Мне, правда, попадало от ребят за это, но я на них никогда не жаловалась и никого не выдавала, если что натворят. Мне и сейчас никто не нужен: я бы сидела дома одна, читала бы книжку или вязала – и чтобы меня никто не трогал.

Сказав это, Лена как-то испугано посмотрела на Дашу. Та, вопреки своему обыкновению, сейчас смотрела в окно, подперев голову рукой, и вид у нее был совсем невеселый.

– Знаешь, раньше я не могла долго быть одна, – проговорила Даша, не отрывая глаз от уже посеревшего окна. – Мне всегда хотелось в компанию, к друзьям или просто к знакомым, где шум, веселье, мужчины, а сейчас все чаще и чаще хочется побыть одной. – Вздохнула: – Старею.

– А почему ты не замужем? – спросила Лена у приумолкнувшей хозяйки.

– Почему? Да разные причины. Сразу и не скажешь. – Она вновь замолчала, делая глоток уже остывшего чая. – Навер-

ное, я очень мужчин любила. Всех сразу. А меня, как оказалось, по-настоящему никто не любил. Такая, видно, судьба у нас, у натуральных блондинок: ты любишь, а тебя нет. Хотят только переспать с тобой – и все. Но вообще-то я была замужем. Недолго. Банальная история: перед свадьбой клялись в любви до гроба, а потом оказалось, что жена круглая дура, а муж – полный идиот, да еще и пить начал. Меньше чем через год разошлись. Встречались и еще такие, которые не прочь были жениться, но как-то все не складывалось: то я не спешила, то они. С одним уже в ЗАГС собрались, но он передумал: узнал, что у меня детей не может быть – неудачный аборт. Видно, он и не хотел жениться, а здесь такой повод отказаться. Не знаю. – Снова глоток чая. – Сначала меня это особо не волновало, а теперь даже страшно становится – одна остаюсь. Совсем одна.

– Ну вот, – перебила ее Лена, – уговаривала меня поплакаться, а сама слезу пустила. Ты еще молодая и еще найдешь мужа. И детей нарожаешь. Сейчас и не такие болезни лечат. Или в пробирке вырастят, а если не получится, то из детдома возьмете, – говорила Лена, поглаживая Дашины руки, безвольно лежащие на столе.

За окном уже совсем стемнело, а на востоке из-за домов поднималась немного ущербленная луна. Небо было безоблачным, и луна, только что поднявшаяся над горизонтом, была уже настолько яркой, что заглушала свет города.

– Полная луна всегда наводит меня на грустные мысли, а

здесь еще жизнь складывается не так, как хочется. – Даша неотрывно смотрела на луну. – Бывает такое настроение, что выть хочется, хотя я и не собака. – Даша вздохнула и уже веселей добавила: – А в молодости я любила полную луну. Она на меня мысли «окаянные» навевала, и я бегала к своему парню на свидание. Любовью занимались, как говорят сейчас. Видишь, какая я была беспутной. А сейчас отбегалась: луна только грусть нагоняет. Счастлива бываю, если кто-нибудь зайдет. Давай выпьем что-нибудь покрепче, – сменила она тему. – Ты что будешь, вино или водку? Вино. А мне водочка нравится. Мои гости больше о себе заботятся: водку не забывают приносить – вот я и привыкла. Но ты не смотри на меня так. Я пью только в компании и немного, хотя иногда так хочется напиться.

Дарья достала начатую бутылку водки и не откупоренную бутылку вина.

– Вино уже давно стоит, и я даже забыла, кто его принес. Где здесь нож? – Она срезала полиэтиленовую пробку и налила Лене, несмотря на ее протесты, полную рюмку. – Ничего страшного. В случае чего отнесу тебя домой. А мне горькую. Вот так.

– Меня мама убьет в случае чего. И тебе достанется, – засмеялась Лена, представив сцену встречи мамы с пьяной дочкой в сопровождении Даши.

– Ты меньше обращай внимание на маму. На то она и мама, чтобы следить за дочкой. Ну, за что выпьем? Давай за на-

ше бабушке счастье. Удачи нам. Будь здорова. – Дарья опрокинула содержимое рюмки в рот, зажмурилась. – Ух! – Открыв глаза, она подхватила вилкой кусочек колбасы. – Сколько ее пью, а все равно передергивает.

Лена сделала несколько маленьких глотков и взяла конфету.

– Ты ешь больше, не бойся, не поправишься. У тебя фигура, как говорят врачи, не склонна к полноте. Даже я никаких ограничений не придерживаюсь – и ничего. Хотя есть у меня места, которые могли бы быть и поменьше, но они-то и привлекают мужчин. Это, наверное, природа обо мне заботится: фигуру поддерживает в таком состоянии уж много лет. Как у животных: хотят или нет того самцы и самки, но природа их в брачный период, для привлечения друг друга, разукрашивает. Так и моя фигура привлекает самцов в их брачный период. А я самка, и ничего с этим поделать не могу.

Луна поднялась выше, и теперь ее серебристый свет заглушал даже свет уличных фонарей. В тени домов была ночь, а на площадках дворов, залитых лунным светом – день. Сюда, на девятый этаж, с улицы через открытое окно доносился слабый шум вечернего города. Ветра не было. Душная ночь сменяла жаркий день.

– Луна, луна, – глядя в окно на чарующую таинственность лунной ночи, проговорила Даша. – Ужасно короткие ночи. Посмотри, какая луна, а через несколько часов она исчезнет – солнце взойдет. Луна, а следом солнце, – и неожиданно

продекламировала:

Молодая Луна

Вслед за Солнцем спешит.

Постареет – она

От Светила бежит.

– Вот так и в жизни. Сначала увлечешься кем-то, а затем, разобравшись, убегаешь.

Лена молчала, пытаясь понять, к чему эти стихи. Но Даша внезапно прервала свой монолог, словно вспомнила что-то важное. Несколько секунд луна удивленно рассматривала притихших женщин.

– Выпьем еще? – очнулась Даша.

– Нет, что ты! – испуганно пододвинула к себе рюмку Лена. – Мне хватит. В голове уже зашумело.

– А я еще немного выпью. Да, быстро жизнь пролетела, – после минутной паузы, связанной с закуской, продолжила Даша. – Ты извини меня за мою разговорчивость. Я и так люблю поговорить, а если выпью, то меня не остановишь.

– Ну что ты? Ты так интересно про все рассказываешь. Я тебе всегда завидовала, особенно тому, как ты при разговоре смотришь в глаза собеседнику – не все выдерживают.

– Это старая история. Меня этому научил руководитель школьного драмкружка. «Нечего бегать глазами по сцене, – говорил он, – привыкайте смотреть на лицо того, с кем вы

ведете диалог». Вот я и привыкла. Сначала на сцене, а потом и в жизни. Даже понравилось: ребята часто смущались, а мне это очень интересно было, и солгать трудно, когда тебе прямо в глаза смотрят.

Даша встала, включила электрический чайник, задумчиво постояла, держась за крышку.

– Что-то мы с тобой заболтались о пустяках. Давай к делу перейдем. Чайник уже нагрелся. – Она налила чаю себе и Лене.

– Тебе когда-нибудь мужчина подавал кофе в постель? – поинтересовалась Даша. – А мне подавал. Ты знаешь, очень приятно. Утром, только откроешь глаза, он подходит к тебе, нежно целует и спрашивает: «Милая, тебе сегодня кофе со сливками или просто кофе?». Ну какая разница, какой кофе, но ты, подумав, спрашиваешь: «А какая нынче погода? Ах, дождь. Тогда просто черный кофе и покрепче», – заявляешь. И он приносит тебе кофе с бутербродом – я от них никогда не отказывалась. Ах, какая это прелесть, пить поданный мужчиной кофе в постели. Но, к сожалению, у меня это продолжалось недолго. Скоро он перестал мне предлагать кофе, и я поняла – любви конец. Так и вышло. Разбежались. Но, знаешь, воспоминания остались. Не о нем, а о кофе, который он подавал в постель. Ну да ладно, что было, то прошло.

Даша, глядя в окно на луну, тихо помешивала ложечкой чай. Затем вернулась к основной теме:

– Значит, мама хочет, чтобы ты вышла замуж, родила и

развелась. Зачем такой огород городить? Это раньше было принято рожать от мужа, а сейчас никто не спросит, от кого.

– Бабушка и мама так воспитаны. Меня тоже так воспитывали, но, по правде говоря, мне все равно: буду я замужем или нет, будет ребенок или нет. Но я не могу идти против их воли. Если я рожу без мужа, то это убьет бабушку – у нее плохое сердце.

– Ничего с ними не случится. Переживут. Ты бы о себе подумала: тебе с мужем нужно не меньше года прожить. Как ты с нелюбимым мужиком жить будешь? Это таким бабам, как я, не страшно, а ты создание нежное, хрупкое. Тебе любовь подавай. На работе к тебе ребята боятся подходить: так строго на них смотришь. У нас же есть хорошие неженатые мужики, вот и выбрала бы кого-нибудь. – Она усмехнулась. – Хотя, если мужчина в тридцать лет не женат, то, как бы помягче выразиться, у него, наверное, не все в порядке. У нормального мужчины в таком возрасте должна быть жена. Правда, многие из них говорят, что не хотят потерять свободу, а поговоришь с ними, и ясно: они просто боятся. Боятся изменить жизнь, боятся ответственности за семью, просто боятся женщин. Вот и придумали они эту отговорку. Ты пей чай, а то остынет. – Она пододвинула к ней коробку конфет и продолжила: – Проще всего выйти замуж в восемнадцать лет. Где-нибудь в подворотне обнялись, поцеловались, голова закружилась: все – это любовь. Можно свадьбу справлять. А в тридцать надо все обдумать, взвесить. «Ведь так?» —спро-

сила она у притихшей Елены, думавшей о том, что правильно ли она поступила, обратившись с такой проблемой к Даше.

– Да, было, – очнулась Лена. – В шестнадцать лет, но тогда замуж было еще рано. Потом все прошло, и больше я не позволяла обнимать себя никому – старалась быть строгой. Да и никто мне не нравился, – оправдывалась она. – А сейчас, действительно, никто не подходит на должность мужа. Вот я пришла к тебе за советом, хотя и не знаю, какой ты совет можешь дать в таком личном деле.

– Все правильно. К кому-нибудь все равно ты бы обратилась. Можно в клуб «Кому за тридцать», можно по объявлению. Самой трудно определиться, а тебе нужно еще маме и бабушке угодить. Здесь должен быть большой выбор мужей, а у тебя его нет. Хотя, какой там у меня выбор? Ходил как-то ко мне мужчина: красивый, высокий, глаза и волосы черные. Все жаловался: жена не удовлетворяет ни морально, ни физически. А потом я узнала, что у него двое детей и парализованная мать, и все это на плечах его жены. Где же ей еще такого кобеля удовлетворять? Другие, наверное, не лучше. Дерьмо всякое ко мне ходит, – сделала вывод Даша.

– Зачем же ты их принимаешь?

– Зачем? Вопрос, конечно, интересный, – Дарья вздохнула, налила себе полрюмки водки, выпила. – Не могу я без мужиков. Так я уж устроена. Своего нет, вот я и принимаю чужих. – Она помолчала, закусывая. – Но и среди них встре-

чались неплохие мужики, – продолжила она перебор своих знакомых. – Всякое бывает. Не сложилась семейная жизнь, а развестись не решается или не может: дети, работа, общественность. Вот они и ищут временных подруг для души и тела. Жаль мне таких. Приходил ко мне и тот, с которым я хочу тебя познакомить. Не женат, так он мне сам сказал. Хороший мужик, особенно в постели. Тебя не шокирует такое знакомство? – поинтересовалась она. – Ну и правильно. Мальчика мы не найдем. Разве что больного, так он не нужен нам. Мне самой он понравился, но я его не интересую, да я и старше его. А тебе самый раз будет. Ты девочка красивая, умная – может, поженитесь. Если понравиться – на всю жизнь, а не захочет, то просто роди от него без замужества – никуда твои старухи не денутся. А если с ним ничего у нас не получится, то подыщем другого. Их много – не пропадем.

Часы показывали за полночь. Чай уже был выпит, и тему на первый раз можно было закрывать.

– Спасибо тебе, Даша, что хочешь помочь. Мне так стыдно было идти к тебе с таким вопросом, но решилась – деваться некуда. Хотя мне не очень верится, что так я мужа найду, но надо попробовать, – говорила Лена, направляясь к двери.

– Не вешай нос. Все зависит от нас. Когда бабы объединятся, то все смогут сделать. Ты только сразу не отвергай его, немного потерпи, присмотришься – возможно, понравится. Я постараюсь договориться с ним о встрече. Да, зовут его Влад. Владислав. Владей славой! Как тебе? – говорила уже в две-

рых она Лене. – До свидания. Встретимся на работе.

– Спокойной ночи, – и Елена направилась вниз по лестнице.

III

Первую их встречу Дарья решила организовать у себя. Елена будет под присмотром и при необходимости можно будет ей помочь.

У Елены ко всему происходящему было двойное чувство. Она не хотела замуж, не хотела нарушать сложившийся и устраивавший ее уют, тот мирок, в котором она пребывала уже много лет. Для себя она решила, что предстоящее знакомство ни к чему не обязывает и ни к чему не приведет. Все останется по-старому. Эта встреча будет чисто формальной: не подводить же Дашу. В то же время она волновалась, ожидая встречи: хотелось понравиться тому «хорошему мужику», которого она еще не знала, но с которым ее уже что-то связывало. Почему? Этого она сказать не могла.

Она сходила в парикмахерскую, приготовила платье, туфли, прокручивала в голове все возможные варианты знакомства, последующие разговоры. Чем меньше оставалось времени до встречи, тем больше ее охватывало волнение, а в самый последний момент, когда она уже одетая стояла в прихожей у зеркала, внося последние штрихи в свой облик, она вдруг решила: «Не пойду. Мне такое знакомство не нужно. Ей он нравится – пусть она его и окручивает. Мужа я как-нибудь найду сама».

С этими мыслями пришло спокойствие. Она сняла туфли и вернулась в комнату. Мать, догадывающаяся о предстоящей встрече и делающая вид, что этот уход ей не нравится, вдруг заволновалась.

– Ты что, передумала идти?

– Да, мама, передумала.

– Почему? Может, это важная встреча. Потом жалеть будешь, что не пошла.

Обе уселись перед телевизором, внимательно разглядывая картинки рекламы, мелькавшие там.

– А кто он? Я его знаю? – спросила, не поворачивая головы, мать.

– Почему ты решила, что я иду к нему?

– Ну, прическа, платье... Сколько волнений. Не для женщины же ты так нарядилась. И если обещала...

– Ты, кажется, не хотела, чтобы я уходила, – начала раздражаться дочь, – а теперь почти что прогоняешь.

– Никто тебя не прогоняет. – Мать еще внимательней стала рассматривать рекламу.

Вечер обещал быть... Но, как часто бывает, вдруг зазвонил телефон. Отвечать на телефонные звонки – обязанность Лены, и, не надеясь, что это правило будет изменено, она сняла трубку.

– Подруга, ты что делаешь? Тебе уже давно пора пить чай у меня, а ты все еще собираешься.

– Даша, прости, но я решила не идти.

– Что? Я такой сценарий расписала, а ты в кусты? Нет. Давай быстро ко мне. Он уже звонил и вот-вот появится. Потом, когда он придет, будет труднее вписаться. Никаких «нет». Быстро иди ко мне. Все. Жду, – трубка щелкнула и запищала.

«Все равно через это надо будет пройти», – грустно подумала Лена.

– Я ухожу, мама.

Та, не зная, что сказать, сделала вид, что увлечена рекламой новых моющих средств и лишь махнула рукой.

Через пару минут Даша встречала Лену.

– Ты что же, испугалась, что ничего не выйдет? Не бойся. Ты вон какая молодая и красивая. Если захочешь, он будет твой: ни один мужик не устоит перед тобой.

– Вот этого я и боюсь, – Лена виновато стояла у двери.

– Радоваться надо, что можешь завлечь мужчину.

– Я не этого боюсь. Я боюсь, наверное, изменить свою нынешнюю жизнь. Хотя, если подумать, какая это жизнь?

Лена прошла вслед за Дашей на кухню, где уже на столе стояли две чашки, пирожное.

– Садись. – Даша указала ей место, а сама принялась разливать чай. – К своей нынешней жизни ты всегда успеешь вернуться. Нужно попробовать новую обрести, – подвинула к Лене пирожное. – Сейчас сделаем так: ты пришла ко мне поболтать без предупреждения, а его я пригласила еще вчера. Вот так «неожиданно» и произойдет ваша встреча. Ты не

бойся его, он сдержанный, культурный, без твоего согласия пальцем до тебя не дотронется, но чтобы его завоевать, особой премудрости не потребуется. Я его немного знаю – меня, старуху, на тебя сразу поменяет. К тому же у нас с ним друг перед другом никаких обязательств нет, так что успех гарантирую, – говорила Даша, не забывая, между прочим, о пирожных. – Ты расслабься немного, а то больно уж ты скованная. Я буду рядом.

Они успели выпить по чашке чая, обсудить какие-то новости по работе. Даша даже слегка заволновалась – где он? Но вот наконец раздался долгожданный звонок. Лена вздрогнула и испуганно посмотрела на Дашу. Та, успокаивая, погладила ее по плечу и пошла открывать дверь.

После короткого перешептывания в прихожей, на кухне появился мужчина в светлых брюках и белой рубашке с короткими рукавами. Черные, немного волнистые волосы и темно-карие глаза поблескивали в свете ламп. На смуглом от загара лице была дежурная улыбка и нескрываемое любопытство. Он подошел к Лене и быстро окинул ее оценивающим взглядом.

– Познакомьтесь, – показалась из-за его спины Даша, – это моя соседка и сослуживица Елена Борисовна, Лена, а это – Владислав Петрович.

– Просто Влад, зачем так официально? – негромко зазвучал его приятный баритон. Он протянул Лене руку. – Рад познакомиться.

– Лена забрела ко мне посудачить. Заодно решили и чай попить, – «извинялась» Дарья.

– Ничего, ничего. И я с вами попью. – Он посмотрел на хозяйку. – Я по дороге заглянул в магазин и купил кое-что.

Он достал из пакета бутылку водки и коробку конфет.

– Мне пора домой, – Лена встала, собираясь уйти.

– Сидите, сидите, – Владислав взял ее за руки и усадил на место. – Вы нам не мешаете, а беседа втроем даже интереснее будет.

Даша поддержала его:

– Сиди. Успеешь домой.

Лена с удовольствием ушла бы домой из-за страха, который все еще не покинул ее.

– Ну, разве что недолго, – тихо проговорила она, усаживаясь на место.

Владислав продолжал держать ее руки, словно боясь, что она вновь захочет уйти. Руки у него были сухими и теплыми: теплыми, наверное, потому что ей было зябко даже в такой жаркий вечер.

На столе появилась знакомая бутылка вина.

– И у меня кое-что в запасе есть, – говорила Даша, ставя на стол приборы, закуску. – Чай допьем потом.

Влад действительно оказался интересным собеседником. Он артистически рассказывал забавные истории, смешные случаи из жизни, знал и умел преподносить анекдоты. Постепенно Лена расслабилась, много смеялась и говорила. На-

конец она решила, что ей действительно пора домой.

– Я провожу тебя, – быстро встал из-за стола Влад. – Даша, ты извини, сегодня я не смогу задержаться. Дела, понимаешь ли, ждут.

Даша пожала плечами и незаметно подмигнула Лене. Та натянуто улыбнулась в ответ – волнение охватило ее вновь: ее будет провожать мужчина, на которого они с Дашей сделали ставку. Как себя с ним вести, она не знала. Но она напрасно боялась: проводив до двери ее квартиры, он на прощание поцеловал ей руку и попросил разрешения позвонить ей завтра. Она не возражала.

IV

На следующее свидание Лена, которое было назначено на ближайший вечер, надела белое платье с глубоким декольте. Это красивое, из тонкой материи платье было куплено давно, но она его еще ни разу не надевала: не было случая. И вот случай, как она решила, представился. Не разношенные, под цвет платья туфли были тесны, но красота требует жертв, и она надела их. Золотая цепочка с небольшим кулоном в виде крестика на слегка загорелой коже груди и золотые сережки дополняли ансамбль.

В тот вечер они просто гуляли по городу, по набережной реки, говорили обо всем, но только не о себе. Когда совсем стемнело, они уселись под «грибок» небольшого кафе у реки, мороженное запивали терпким сухим вином и любовались панорамой противоположного берега широкой в этом месте реки. Неяркий свет фонарей с высокой набережной не достигал воды, и она казалась черной и неподвижной; свет фонарей другого берега змейками добежал до середины реки и пропадал в темноте под набережной, лишь изредка вспыхивая неярким блеском на волнах.

На небе, сквозь рассеянный свет вечернего города, проглядывали неяркие звезды. Их было немного, а матовый свет огромной луны делал их почти невидимыми. Откинувшись

на стуле и запрокинув голову, Влад молча рассматривал их.

– Ты когда-нибудь смотрела на звезды? Нет, не просто смотреть, а пытаться представить себе, что это такое, на каком расстоянии от нас они находятся, и кто мы в этом мире? – спросил он Лену.

– Ну, наверное, они очень далеко от нас.

– Вот, вот. С ума сойти можно, если попытаешься представить себе все это. От самой близкой звезды, не считая Солнца, свет идет к нам четыре года, не встречая на своем пути ничего. Представляешь!? И в таком огромном пространстве лишь две звезды. Остальные звезды еще дальше от нас. Они настолько далеки, что кажутся нам светящимися точками, несмотря на свои гигантские размеры. Одни звезды ярче, другие слабее, но все они для нас – точки. Ты можешь себе представить эту чудовищную бесконечность времени и пространства?

Влад замолчал, глядя на звезды, свет от которых смог пробиться сквозь зарево города, и они тусклыми, слабо мерцающими точками говорили о существовании других миров Вселенной. Лена так же смотрела на эти звезды, пытаясь представить все, о чем говорил Влад.

– У меня и мысли такие не появляются. – Лена оторвала взгляд от звезд и посмотрела на Влада. – Наверное, потому, что я увлекаюсь в основном «розовыми романами», где пишут о любви и чаще всего о несчастной.

– Ну почему? Есть книги и про счастливую любовь. Книги

рождаются из жизни, а в жизни есть все: и счастье, и трагедия, и комедия. Но, наверное, больше всего все же счастья. Ведь у каждого человека свое счастье. В силу знания, или незнания, или каких-то убеждений он сам составляет себе понятие о счастье и стремится к нему. Один всю жизнь чувствует себя счастливым человеком, а другой так и не может достичь счастья. Ведь оно на дороге не валяется. Представление о счастье надо выбирать по своим силам.

– Ты так умно рассуждаешь, – улыбнулась Лена, – а сам ты счастлив?

– Сейчас да, потому что ты со мной.

– Спасибо, что ты обо мне такого высокого мнения, но я не про это. Вообще, ты счастлив?

– Трудно сказать. Наверное, нет. Жизнь складывается не так, как мне хочется. Но не будем обо всей жизни. Нам сейчас хорошо, ну и ладно. – Он посмотрел на часы. – Время позднее – пора домой.

– Ты знаешь, я не могу идти. Ноги растерла. – Она виновато улыбнулась, наклонилась и погладила растертые места.

– А тыними туфли и, как говорил классик, будешь счастлива.

– Я их уже давно сняла, да надеть не могу – больно.

– Ну, это не беда. Я сейчас поймаю «мотор», и мы быстро доберемся домой.

Когда «мотор» был пойман, Влад, несмотря на протесты, легко поднял ее на руки и понес в машину. Чтобы не упасть,

она вынуждена была обхватить его шею руками и невольно прижаться к нему. Сквозь тонкую ткань рубашки она чувствовала его напрягшиеся мышцы, его горячее тело, но это длилось несколько секунд: машина стояла близко. Она даже с некоторым сожалением разжала руки, когда он осторожно опустил ее на сидение машины. То же повторилось и у подъезда, но в лифт она вошла одна.

– Как насчет завтрашней встречи? – спросил он, не отпуская двери.

– Куда же мне с такими ногами? Мне бы на работу да с работы добраться.

– Я позвоню тебе на работу, тогда и договоримся.

Он поцеловал ей руку, и лифт унес ее на восьмой этаж.

V

На следующий день Даша подседа к Лене, и той пришлось все подробно рассказать о прошедшем randevу.

– Так, полдела сделано, – довольным тоном подытожила Даша. – Теперь приглашай домой. Повод есть – растертые ноги. Ты ведь сейчас одна в квартире?

– Да, бабушке нездоровится, и мама уехала ухаживать за ней.

– Вот и хорошо. У него есть машина – пусть тебя отвезет домой. Пить ему нельзя, так как он за рулем, значит, все будет нормально. Ты его еще поддержи на расстоянии, пока не созреет. И ты привыкнешь к нему. А там видно будет. Мы будем встречаться и намечать планы, как полководцы перед битвой. Пока, как я поняла, ты не разочарована.

Как и предполагалось, Влад отвез ее домой, Лена пригласила его выпить чашку кофе, он, конечно, согласился. И вот они сидят за столом, пьют кофе. Он снова много говорит, вспоминает вчерашний вечер, планирует будущие встречи. Она от волнения отвечает невпопад – разговор не клеится.

«Ну почему так? – думала Лена. – Ведь два вечера мы провели хорошо, я не была такой зажатой. И слова находились. Вино, – вдруг осенило ее. – Я была слегка пьяна».

Теперь ее мысли занимала начатая бутылка вина, стояв-

шая в шкафу на кухне. Наконец она решилась.

– Что это мы после работы пьем только кофе? Я сейчас что-нибудь найду поесть.

Влад не возражал. Она пошла на кухню, достала бутылку вина и, немного поколебавшись, налила в рюмку и выпила. Подождала несколько секунд и с бутылкой и закуской вернулась к Владу, лениво листавшему журнал мод.

– Здесь у меня немного вина осталось от какого-то праздника. Ты не возражаешь?

– Вообще-то, я за рулем, но, чтобы тебе не скучно было, поддержу, – сказал Влад, отодвигая в сторону журнал. – Мне чуть-чуть. – Он разлил вино по рюмкам. – За тебя.

От волнения или оттого, что вино не крепкое, но рюмка, выпитая ранее, никакого эффекта не дала, и Лена выпила вторую до дна. Немного насытившись, они возобновили разговор. Теперь Лена более активно участвовала в нем: вино все же было достаточно крепким. Во время разговора Влад взял ее руки в свои, начал их гладить, говоря о нежной коже, о длинных пальцах, о розовых ноготках. Его слова ласкали слух, прикосновения к рукам отзывались во всем теле легкой дрожью. Повернув ладони вверх, он сказал:

– Давай посмотрим, что говорят твои линии. Вот линия жизни – непрерывная, но слегка изогнута. Она говорит о том, что ты будешь жить долго, будут проблемы, но они легко разрешимы.

Далее он в шутливой форме поведал о ее прошлом и буду-

щем, которое он высмотрел в ее линиях. Закончив предсказания, он поцеловал ей руки, каждый палец в отдельности, прижал ее ладони к своему лицу. Ей все это было приятно и волнительно. Она провела ладошкой по его мягким, слегка взлохмаченным волосам, Влад порывисто притянул ее к себе и поцеловал в губы. Она на мгновение притихла, но потом, спохватившись, отодвинулась от него и сказала:

– Ой, мы все съели. Я сейчас принесу еще что-нибудь.

– Подожди, – тихо промолвил он, – Бог с ней, с этой едой.

Подойди ко мне.

Лена приблизилась. Он усадил ее к себе на колени, поправил ей прическу, внимательно посмотрел на нее, словно оценивая.

– Какая ты красивая. Мне так нравятся твои прямые, такие тяжелые волосы, с каштановым отливом. Эта прическа придает тебе строгость, но ведь ты не строгая?

– Не знаю, – прошептала она. – Не знаю.

Она вдруг вспомнила слова, сказанные Дашей, что Влад «хороший мужик в постели», и ей стало любопытно. Ей казалось, что все мужики одинаковы, но этого Даша почему-то выделила.

– А черные глаза, – продолжал Влад, – они такие большие, выразительные. В них отражается твое настроение. Сейчас ты счастлива и немного испугана. Можно, я их поцелую?

Лена не возражала. Она испытывала удовольствие сидеть вот так у него на коленях, одной рукой обнимая его плечи,

а другой приглаживать его непослушные волосы. Все глупости, которые он говорил, были такими милыми и желанными. Не испытываемая ранее истома заполнила тело, голова немного кружилась. «Это от вина», – счастливо подумала она.

– Припухшие губки, – продолжал он, слегка дотрагиваясь до ее губ. – Такие бывают только у маленьких девочек. Они созданы для поцелуев.

Он уже не спрашивал разрешения. Целуя губы, Влад ласкал ее шею; отрываясь на короткое время от губ, что-то говорил ей. Лена уже не разбирала слов: она слышала только музыку его голоса. Но когда он коснулся груди, она вздрогнула, отодвинула его руку и тихо сказала:

– Не надо.

Встала с его колен, одернула платье, подошла к трюмо и расческой стала поправлять прическу.

«Что это я застеснялась? – подумала она. – Разве я не для этого с ним знакомаюсь? Разве не для этого я его пригласила к себе? Днем раньше или позже, но это должно случиться».

Влад подошел сзади и нежно взял ее за плечи.

– Я что-то сделал не так? – спросил он, глядя на нее в зеркало и вдыхая аромат ее волос.

Лена не отвечала, продолжая расчесывать концы волос. Он губами отыскал ее ухо и начал его целовать. Затем он повернул ее к себе, поцеловал ее лоб, глаза, губы. Она, уронив расческу, обхватила его шею руками. Голова кружилась, а по

телу поднималась необъяснимая теплая волна, захватывая ее всю, туманя голову. Теперь она позволяла ему все: его руки обжигали тело, грудь, но это только усиливало охвативший ее дурман. Он начал снимать с нее платье. Ей показалось, что он это делает слишком медленно и неумело, и она молча принялась помогать ему. Наконец оно было снято. Она стояла перед ним в маленьком бюстгальтере и трусиках. Влад ласкал ее тело, целовал грудь, живот, ноги. Она стояла неподвижно, лишь ерошила ему волосы на прикинувшейся к бедрам голове. Только когда он попытался найти застёжки бюстгальтера на спине, она тихо сказала:

– Здесь, – и положила его руку на свою грудь.

Он улыбнулся – оплошал, – расстегнул бюстгальтер и снял его. Небольшие груди удивленно смотрела на него розовыми сосками. Влад немного отстранился и прошептал:

– Какая красота!

Кончиками пальцев обеих рук дотронулся до сосков, погладил темные ободки. Затем он начал их целовать. Голова кружилась, грудь ее непроизвольно высоко поднималась на вдохе, ноги подкашивались, стоять было тяжело. Она оторвала его голову от груди.

– Пойдем на кровать, – тихо произнесла она.

Он подхватил ее на руки и отнес в спальню. Не опуская ее, он сдернул покрывало и, целуя в губы, положил на кровать. Она начала расстегивать пуговицы на его рубашке, но пальцы плохо слушались и он, помогая ей, быстро снял ру-

башку через голову. Снова поцелуи, ласки, тяжесть его желанного тела. Казалось, что на теле уже не осталось ни пятнышка, которого не коснулись его руки, его губы. Губы. Какое наслаждение испытывало тело, когда они касались его, а они, не останавливаясь, проходили по нему сверху вниз, снизу вверх, и каждый раз, когда губы прикасались к бедрам, тело вздрагивало, дыхание перехватывало, волны улады медленно прокатывались от бедер к голове, все сильнее туманя ее. Хотелось большего, но она, вверив себя и свое тело ему, сдерживаясь, молча наслаждалась происходящим с ней. Но скоро она не выдержала и сама начала обнимать его, без стеснения ласкать его всего. Все остальное она помнила смутно. Помнила только свое напрягшееся тело, и как каждое его движение заставляло ее вздрагивать и ей хотелось стонать, но она заставляла себя молчать и лишь время от времени вжимала его сухое, приятно пахнущее, напряженное тело в себя. Затем волны блаженства захлестнули ее, освободив тихие короткие стоны. Словно понимая, что она желает их заглушить, Влад закрыл ее рот своим долгим поцелуем.

Успокоившись, она лежала на спине, пытаясь понять, что с ней происходит, почему с другими мужчинами даже намек на такое сумасшедшее наслаждение не было. Она не могла управлять собой, ее разум был – если он был – где-то далеко. Тело жило своей жизнью, удовлетворяя свои желания.

«Тело. Нужно любить не только головой, душой, но и телом, – медленно появлялись мысли в начинающей светлеть

голове. – Другие мне просто нравилось, но Влада полюбило и тело. Но наслаждалось не только оно. Я сейчас такая счастливая, что плакать хочется. Значит, я вся люблю Влада». – Глупые, счастливые мысли – других сейчас не было.

Влад тихо лежал рядом, подложив ей руку под голову. Она вспомнила, как сжимала его в своих объятиях – где только силы взялись, – как ласкала его тело, как пыталась заглушить порочный стон.

– Я плохо себя вела? – тихо спросила она, повернувшись к нему всем телом.

– Ну что ты, все было прекрасно. Мне кажется, что ты немного боялась. – Он также повернулся к ней, сбросил с нее простыню, немного отстранился, рассматривая ее. Ей почему-то не было стыдно под его изучающим взглядом, ей даже хотелось этого. Хотелось, чтобы он увидел, какое у нее красивое тело, какая мягкая, бархатистая кожа. Ей хотелось, чтобы и он полюбил ее всю.

Свободной рукой он ласкал ей груди, долго задерживался на сосках, спускался ниже на живот, бедра. По телу вновь начали подниматься горячие волны. Теперь она уже знала, что это такое и хотела этого. Его тело было рядом, и она с напускным любопытством начала сначала осторожно, а затем все смелее изучать его. Поглаживала грудь, покрытую мелкими, волнистыми волосами, живот. И вдруг неожиданно для себя сказала:

– Я хочу это еще.

VI

На следующий день Даша подошла к Лене и начала расспрашивать о вчерашнем вечере. Лене можно было и не отвечать: счастливое лицо говорило, что все прекрасно.

– Ну что, все было, как я говорила?

– Да, почти все. Он не пил – я напилась, – отвечала Лена, и темные ее глаза излучали счастье.

– Напилась и не устояла, – резюмировала Даша.

– Это называется «не устояла?» Не знаю, кто не устоял, но я об это ничуть не жалею, – Лена, как-то непривычно для нее, томно улыбалась.

– Он обещал еще встретиться, или сказал «прощай», – насторожилась Даша.

– Обещал. Сегодня после работы.

– Ну, Ленка, ты молодец. Я думала, что у тебя будут проблемы с постельным режимом, а у вас все хорошо и прекрасно. Значит, я могу удалиться?

– Ну что ты, Даша, я тебе очень благодарна, за то, что ты познакомила меня с ним. Я думаю, что ты нам мешать не будешь.

– Ну что ж, я очень рада, что у вас складывается все хорошо. – Даша действительно была довольна собой

– Ничего у нас еще не складывается. Только вечер вместе

провели. В постели. Вот и все, пока, наши отношения.

– Лиха беда начало, как говорится. Ты только не спеши в него влюбляться по уши. Пока слегка можно, но не больше. Не торопись. Ты же его совсем не знаешь. Я тоже его плохо знаю. Побольше расспрашивай его, присматривайся, а то он может оказаться котом в мешке.

– Ты знаешь, сначала я так же думала, а сейчас обо всем забыла и думаю только о встрече. Я уверена, что когда мы встретимся, я все забуду, о чем мы сейчас говорили. – Лена сладко потягивалась, подняв сцепленные руки над головой.

– Ленка, я тебя не узнаю. В один миг изменилась. Я даже не догадывалась, что такое бывает в жизни.

– А я совсем об этом никогда и не думала, – беззаботно отвечала та, – а сейчас вот я не дождусь вечера, когда мы встретимся вновь и останемся одни. Я ничего не соображаю. Как будто мне не двадцать шесть, а шестнадцать лет. Один поцелуй – и все кувырком. Я собой сейчас не управляю. Меня несет куда-то, но желания сопротивляться этому, у меня нет.

– Ой, Ленка, что-то мне на душе тревожно. Не верю я в быстрое счастье. Его надо выстрадать, за него надо побороться. А у тебя – вот оно. И такое большое. Ох, тревожно мне. Дай Бог, чтобы у тебя это счастье было настоящим и долгим.

– Спасибо. Мы как-нибудь зайдем к тебе.

– Вот, уже и «мы». Ну, дай-то Бог.

VII

Прошло больше двух месяцев со дня первой встречи Лены с Владом. Не послушалась Лена, влюбилась и сразу «по уши». Все это время она жила как в тумане; встречи и воспоминания о них заполняли ее жизнь до отказа. Она больше ни о ком не могла думать, кроме как о нем, об их беседах, о совместных прогулках, о его ласках. И он постоянно говорил, что любит ее, что еще больше наполняло ее сердце радостью. По правде говоря, первоначальная цель знакомства была полностью забыта, и она просто наслаждалась жизнью, радовалась тому, что он есть, что они вместе, была счастлива встречами. Все остальное казалось ей таким мелочным, ненужным. Все, кроме его нежных слов, его рук, губ, тела. Ей казалось, что мир ограничен только им, а жизнь состоит только из их свиданий. Это было какое-то наваждение. Иногда она пыталась очнуться, освободиться от этого безумия, но это только заставляло еще больше думать о нем, об их встречах – и она решила не противиться. Ее не волновало то, что он не торопился знакомиться с ее матерью, не предлагал встретиться со своими родными, хотя и много хорошего говорил о них. Все это было где-то далеко. Рядом был он, и этого было достаточно.

Она ходила с Владом в те же театры, что и с подруга-

ми, смотрела фильмы в тех же кинотеатрах, гуляла по тем же улицам. Вокруг было все то же, что и раньше, но мир изменился, границы его расширились, он стал интересным, необъятным. В нем, кроме женщин, появились ранее не замечаемые ею мужчины. Лена смотрела на них и сравнивала с Вадимом – он был лучше. Так ей казалось, и она не хотела убеждать себя в обратном. Теперь она поняла, что не только «без женщин жить нельзя на свете», но и жизнь без мужчин – не жизнь.

О своих радостях она часто рассказывала Даше. Та радовалась за них и немного завидовала.

– Ты вся светишься. Раньше ты была красива грустной красотой, а сейчас – радостной. Посмотришь на тебя, и у самой на душе светло становится, – говорила она Лене.

Лена смущенно улыбалась.

– И улыбка какая-то другая у тебя стала, и вся ты выглядишь немного прибалделой.

– Вот! А я все искала слово, каким можно было выразить мое состояние. Прибалделая! Точно! Только не немного, а совсем обалдела я, Даша, – Лена продолжала улыбаться своим мыслям. – Ты не представляешь, как это хорошо любить. Я так счастлива. У меня совершенно другая жизнь стала, более полная, что ли. – Помолчала. – Мне стыдно признаться, но мне, оказывается, и мужик нужен. Я не могу дождаться встречи, не могу дождаться, когда мы останемся одни. Сколько лет прожила и не знала, что так бывает в жизни. Ду-

мала, что это только в романах фантазируют. Если я начинаю думать о нем, то меня иногда даже в жар бросает, дурно становится от воспоминаний. Это какое-то сумасшествие.

Даша восторженно смотрела на нее.

– Ну, Влад, молодец: быстро разбудил в тебе женщину. Талант, ничего не скажешь.

Лена застенчиво улыбнулась и опустила глаза, передвинула стопку бумаг с одного края стола на другой.

– Ты знаешь, – начала она, не поднимая глаз, – я никогда не думала, что так будет. И не думала, что об этом вот так просто с кем-то можно будет говорить. Для меня всегда это была запрещенная зона – сюда не заходить. А сейчас... Мне даже разговор об этом доставляет удовольствие, и кажется, что я сейчас вот возьму и начну рассказывать, как это происходило между нами. Совсем очумела от счастья. Ты точно подметила – прибалделая я, – последние слова Лена не произнесла, а пропела, и глубоко вздохнула.

– Мне об этом можешь не говорить. Я сама прошла через такое, с той лишь разницей, что ты одного любишь, а я любила нескольких. Дурой была. Одного мне было мало. Ну хорошо, это цветочки, а ягодки будут? О свадьбе разговор был? Может, поженитесь не на время, а навсегда.

– Что ты! Еще рано о свадьбе. Мы ведь только два месяца встречаемся.

– Она говорит, что только два месяца. В постель пошла на четвертый день знакомства, и не считаешь, что скоро.

– На третий, – улыбнулась Лена. – Постель – это проще, чем замужество. Но ты права: сейчас я бы согласилась на всю жизнь.

– Не узнаю я тебя, Ленка. Мне казалось, что для тебя постель сложнее. Как меняет любовь людей. С ума сойти можно!

Помолчали, думая каждый о своем.

– Блаженная ты, Ленка, – Даша вздохнула, посмотрела на счастливую подругу. – Мне бы радоваться надо, что у тебя все хорошо, а не могу. Беспокойно мне.

VIII

Прошло несколько дней. Был поздний вечер, когда Даше позвонил Влад и попросил разрешения зайти к ней. Спустя некоторое время он молча сидел у нее на кухне, дожидаясь, когда она приготовит закуску к бутылке водки, которую он, придя, поставил на стол.

– Со свиданьем, – произнес он тост. – Разговор у меня не простой – без бутылки не разобраться, – продолжал он, закусывая.

– Что случилось? Это касается Елены? – насторожилась Дарья.

– Да, Елены. Ну и меня тоже – сказал он, наливая еще по рюмке.

– Какую-нибудь гадость скажешь. Точно! Ведь ты не будешь меня просить, чтобы я сосватала за тебя Лену? Сам бы справился. – Даша не дотронулась до рюмки.

– Это точно. С этим я бы справился. Твое здоровье. – Влад выпил еще.

– Ну говори, не томи.

– Вообще, дело простое, – он пожевал колбасу, глядя в стену напротив. – Я ведь женат. И давно.

– Как женат? – От неожиданности Даша расплескала водку из своей рюмки. – Ты же говорил, что не женат.

– Это говорил, а так я женат.

– Почему же ты это Лене не сказал? Девке голову заморочил, а теперь пришел ко мне виниться? Кобель здоровый, ты что же, не видел, что она в тебя влюбляется? Надо было сразу сказать об этом и прекращать встречи.

– Откуда же я знал, что так получится? Я думал, что ей хочется поразвлечься, вот ты меня ей и подсунула.

– Ну вот, мальчик нашелся, не понял, кто развлекался. Что, я сама не могла с тобой поразвлечься? Познакомила я вас потому, что на вашей свадьбе хотелось погулять. А ты уже женат! И я, старая дура, поверила тебе. Обвел вокруг пальца, как девчонку! Я думала, что вижу вас, кобелей, насквозь, но нет, недоглядела.

– Она мне тоже понравилась, поэтому сразу бросить не смог. И, больше того, я даже в нее влюбился. Не смотри на меня так. Что, я такой уж законченный подлец, что не могу влюбиться?

– Конечно, подлец. Но я не про это думаю. Я думаю, что мы Лене скажем. Ну, кобель! Тебе жены мало, что по бабам шастаешь? Как она тебя терпит? – вновь напустилась на него Даша.

– Терпит. Я ее, а она меня. Так и живем, если это можно назвать жизнью, – Влад отвернулся к окну.

– Ну это ваши проблемы. Что делать с Леной? Она же на тебя не надышится. В психушку попадет, когда узнает об этом. Говорила я ей, чтобы не торопилась – нет, не послу-

шалась. – Дарья выпила оставшуюся в рюмке водку. – Налей еще, действительно, без бутылки не разберешься.

Они выпили молча, не закусывая.

– Не берет, зараза, – Дарья кивнула на бутылку. – Когда не надо, так только нюхни – в голову шибанет, а сейчас ни в одном глазу. Дети есть? – вернулась она к прерванному разговору.

– Детей нет. Жена не хочет себе обузу заводить. Я бы не прочь, но она категорически против этого.

– Слушай, разведись ты с ней. Зачем такая жена нужна? Женись на Ленке, она нарожает тебе детей – вон какая здоровая: не пьет, не курит. Вы такая красивая пара. Будете прекрасно жить. Хотя, о чем это я говорю? Тебя ничем и возле этой жены не удержишь. Как только представиться случай – сразу налево побежишь. В тебе это уже сидит крепко.

– Что ты меня совсем захаяла? – он обижено отвернулся к окну. Пожевал колбасу. – Не даст она мне развода: ей удобно иметь мужа, – продолжил он разговор. – Пока я ни у кого не задерживался долго, она молчала. А здесь, видно, догадалась, что у меня серьезный роман, и потребовала, чтобы я его прервал. В противном случае обещала поднять шум, а он мне и, тем более, Лене совсем не нужен. Вот я и пришел к тебе за советом. – Он наполнил рюмки водкой, выпил. – Да, действительно ни в одном глазу. Бутылку водки выпили.

– За советом он пришел. Раньше надо было приходиться. Какой я совет тебе могу дать?

– Ну, не совет, а так. Поговори с ней. Объясни. У тебя это лучше получится. К тому же ты нас знакомила, значит, в какой-то мере, ты причастна к этому.

– Я причастна! Может, скажешь, что я и виновата? Хотя, если разобраться – виновата. Приласкала тогда тебя, даже не узнала о тебе ничего и подсунула подруге. Свинью подсунула. Конечно, я виновата.

– Я не хотел бы бросать Лену, но обстоятельства так складываются, что нам нужно прекратить встречаться. Может, на время: не знаю, как пойдут дела. Я попытаюсь что-нибудь придумать.

–«Обстоятельства складываются». «Что-нибудь придумать». Как это знакомо! Ты сейчас наговоришь много, лишь бы отпустили, а там ищи ветра в поле. – Дарья встала, прошла по кухне. – Что, водка кончилась? Всегда принесут одну бутылку, чтобы им только хватило.

– Я могу сбегать еще. – Влад вскочил.

– Сиди. Разбегался. По бабам да за водкой ты горазд бегать. Хватит нам, – помолчала, глядя в темное окно. – Не представляю, как это все я Лене скажу.

Влад отрешенно сидел за столом, вертя в руках пустую бутылку.

– Ох, чуяло мое сердце, что это для Ленки добром не кончится. Уж все ладно и хорошо у вас было. Она последнее время прямо светится вся. И вот ее – помоями из ушата. Тебе бы это понравилось? Девка молодая, не испорченная. Жи-

ла бы у мамы с бабушкой и горя не знала, так нет же, познакомилась с мужчиной – и вот такой поворот. А может это к лучшему? – Она посмотрела на Влада. – Что плечами пожимаешь? Доволен, наверное, что эта мысль у меня появилась? Ну, все, – Дарья решительно встала из-за стола, – давай, вали отсюда. Я тебя найду, если нужен будешь.

– Спасибо тебе, Даша, выручила. Я неделю мучился, не знал, что делать, пока не решил к тебе обратиться за помощью.

– Иди, иди. Рано еще спасибо говорить. Нашел помощницу, мерзавец. Сейчас бы тебя этой бутылкой по голове, да на кладбище – всем бы хорошо было. Я еще не знаю, чем дело кончится.

Даша шумно начала убирать со стола посуду.

IX

Разговор с Леной у Даши на кухне был трудным. Даша долго не решалась сказать о главном, пыталась подготовить ее, но Лена настолько была влюблена и верила Владу, что на «подготовку» никакого внимания не обращала. Когда же Даша сказала прямо, что Влад женат, та сначала не поверила.

– Это шутка, да? Ты хочешь проверить, как я к этому отнесусь? А знаешь, мне все равно: женат он или нет. Он меня любит, и мы будем вместе, и счастливы.

Даша, еще пытаясь смягчить поступок Влада, сказала:

– Но у него жена, и она может потребовать, чтобы он не встречался с тобой.

– Он ее и слушать не будет, – уверенно отвечала Лена. – Он без меня жить не может.

– Леночка, дорогая, ведь тебе же не шестнадцать лет, чтобы верить в это. Ты должна уже понимать, что если он еще не бросил жены, то у него есть на это причины, а у жены всегда найдутся веские основания заставить его перестать встречаться с тобой.

Лена побледнела и, глядя помутневшими глазами на Дашу, спросила:

– Ты хочешь сказать, что Влад меня бросил?

Даша помедлила с ответом, подбирая слова.

– Ну, не совсем так. Он сказал, что сейчас с тобой не может встречаться. Жена догадывается и грозит устроить скандал. А развода не дает, – соврала она, так как знала наверняка, что Влад с женой о разводе не говорил: у них уже сложились определенные отношения, устраивающие обоих, и менять их ни Влад, ни его жена не собирались.

– Почему он мне сам не сказал?

– Побоялся истерики с твоей стороны, наверное.

– Я хочу с ним встретиться. Как мне найти его? Дай мне его адрес, телефон, – быстро говорила она, глядя глазами, полными слез, на Дашу.

– Ну зачем тебе это? Ты ничего не сможешь изменить, если он не захочет. Он не желает даже встречаться с тобой, поэтому и попросил меня сказать тебе о своем решении.

– Я не верю, – шептала Лена, вытирая слезы. – Это ты нарочно говоришь так о Владе, чтобы я отказалась от него. Ведь он тебе нравится – ты сама говорила мне об этом. Я не верю тебе, – она почти выкрикнула последние слова.

– Дурочка. Если бы я рассчитывала на него, то я бы вас не познакомила, а теперь, когда я все это узнала, он мне совершенно не нужен. Не хватало мне драки из-за мужика.

– Прости меня, Даша, я сама не понимаю, что говорю. Голова идет кругом, ничего не соображает.

Лицо ее от горя и слез как-то сморщилось, под глазами было черно от размазанной туши, и она уже была совсем другой Леной: не счастливой и радостной, как несколько минут

назад, а скорбной, разбитой горем женщиной. Даша, глядя на нее, сама готова была разреветься от такой несправедливости.

– Как я буду без него? Я не смогу без него, – прошептала Лена. – Здесь что-то не так. Не мог он от меня вот так просто отказаться. Он же меня любит, а кого любят – от тех не уходят, – она все еще пыталась защитить себя и Влада.

Даша принесла ей валерьянки, воды. Немного успокоившись, Лена продолжала:

– Я же день и ночь думаю о нем. Он весь во мне, понимаешь? И теперь я его не буду видеть, не буду его слышать. Как это? Зачем мне теперь жить? Я не вижу смысла жизни без него.

Даша сжала ей руки, отбросила упавшие на мокрое лицо темно-каштановые волосы, вытерла ладонью слезы. Вспомнились молодые годы, когда она так же страдала после ухода того, кого она любила, но расставаться с жизнью она никогда не думала.

– Успокойся. Все мужики одинаковые – погуляют с нами и бросают. Может, и хорошо, что это сейчас случилось, а не позже. Не переживай: мы найдем получше Влада. Что Влад? Хороший мужик – не более. Как только трудности, так сразу в кусты. Забудь о нем, – говорила она, продолжая гладить плечи Лене. – Давай лучше вина выпьем. По маленькой.

Она встала, принесла бутылку вина, коробку конфет. Протянула наполненную красным вином рюмку Лене.

– Выпей, это лучше всяких успокоительных помогает.

Лена взяла протянутую рюмку.

– Как ты можешь так говорить, что найдем лучше Влада?

Ведь я его люблю, и мне больше никто не нужен.

– Ну, что ты так переживаешь? Я вот так любила с десятков и с каждым расставалась со слезами – и ничего, жива еще, и мужики до сих пор засматриваются на меня. – Даша тряснула русыми волосами.

– Нет, ты так не любила, как я. Я с ума сойду без него.

– Конечно, так, как ты любишь, так никто не любит. Каждый любит по-своему, но когда бросают – больно всем одинаково. Так что давай, выпьем, чтобы несчастной любви было меньше.

Лена поставила рюмку на стол.

– Мне, наверное, пить нельзя. Мне кажется, что я беременная.

– Лена, что я слышу? Ты молчишь об этом, а плачешь о каком-то паршивом мужичке? Да тебе радоваться надо. Это же сразу все меняет. Вот тебе и смысл жизни нашелся. – Даша обняла улыбающуюся сквозь еще не высохшие слезы, Лену. – Зачем нам теперь нужен этот Влад? Он свое дело сделал, и нам от него больше ничего не надо. У тебя будет ребенок! Ты же этого хотела? Подумаешь, большая беда – без мужа. Ну и что? Мама твоя никуда не денется и смиритесь с этим. И все будет прекрасно. – Даша перевела дух. – Теперь нужно, чтобы ты не волновалась. Тебе только радовать-

ся можно, – если слезы, то только слезы радости.

– Ну как я буду радоваться после этого? – Слезы вновь выступили у нее на глазах. – Я не смогу его забыть.

– Забудешь, поверь моему опыту, – Даша подняла рюмку. – За здоровье твое и твоего малыша.

Лена поблагодарила, но, несмотря на все старания Даши, она еще не отошла от потрясения. Ей казалось, что это дурной сон, что скоро он пройдет, Даша скажет, что она пошутила, а из комнаты выйдет Влад, обнимет ее и поцелует, и все будет по-прежнему. Но вопрос Даши снова вернул ее к действительности.

– Лена, а Влад знает о ребенке?

– Нет. Ведь я еще и сама полностью не уверена.

– Что, за все время встреч у вас и разговора об этом не было?

Лена немного помолчала, пытаясь вспомнить, о чем она говорила с Владом последнее время.

– Совсем недавно он интересовался, не боюсь ли я забеременеть. Я ответила, что не боюсь. Больше разговора на эту тему не было. Мы просто наслаждались друг другом. Вот и все. – Лена выжидающе смотрела на Дашу.

– Теперь мне понятно, почему он заторопился: он просто испугался, что ты ему подаришь сына или дочь, а это в его планы не входило.

– О чем ты говоришь? Я уверена, что если он узнает о ребенке, он сразу же вернется ко мне, – у Лены вновь на глазах

показались слезы.

– Подружка моя, поверь мне, старой шлюхе, которая перевидала много таких вот мужиков: если ты не хочешь больших неприятностей, то забудь о Владе раз и навсегда. – Даша погладила Лену по волосам, ладонью вытерла появившуюся слезу. – Ты еще не знаешь, какие концерты они закатывают, чтобы уговорить женщину сделать аборт – и часто уговаривают. Зачем тебе такое нужно? Ведь ты хотела иметь ребенка от здорового мужика – ты будешь его иметь. Как я понимаю, больше тебе и не нужно было. Это ты потом вошла во вкус. Если быть честными до конца, то надо сказать, что наша программа минимум выполнена. Так что забудь о нем. Теперь думай только о будущем ребенке. – Даша встала, давая понять, что разговор на эту тему окончен. – Все, достаточно о нем: с сегодняшнего дня я беру шефство над тобой. Сама я не вынашивала ребеночка, но об этом знаю почти все, правда, понаслышке. Но ничего, справимся. – Она уже вошла в роль шефа. – Как я понимаю, это у тебя уже почти два месяца. Завтра тебе надо сходить в женскую консультацию и встать на учет. Нет, мы пойдем вместе.

X

Мать быстро заметила, что с дочкой творится что-то неладное: вот уже третий вечер сидит дома с распухшим от слез носом и красными глазами; не просит, чтобы она навестила бабушку или сходила вечером в гости к знакомым. Мать понимала, зачем нужно было дочери по вечерам оставаться в квартире одной, но это мало ее беспокоило: дочь уже взрослая. Беспокоило ее другое: почему так долго Лена не знакомит ее со своим молодым человеком? Уже прошло больше двух месяцев с того самого вечера, когда Лена так тщательно собиралась к подруге, а затем пришла от нее возбужденной и, как ей показалось, счастливой. Она тогда не стала расспрашивать Лену, – все было ясно без слов, – а только спросила для приличия: «Все нормально?» Лена тоже не стала вдаваться в подробности и ограничилась кивком – все хорошо. Потом все вечера, за редким исключением, у Лены были заняты. Она уходила гулять или просила уйти мать. И вот прошло уже столько времени, а дочь ничего не рассказывает о своем знакомом, с которым проводила все вечера и выходные дни. Пусть не рассказывает, – ее дело, но познакомиться уже пора. В последнее время мать и дочь вместе были редко, поэтому незнание о нынешней жизни дочери она объясняла для себя этим обстоятельством, но вот уже третий

вечер они проводят вдвоем, а объяснений от дочери она не слышит.

– Послушай меня, – мать оторвала свой взгляд от телевизора, – я все жду, когда ты меня познакомишь со своим... – мать запнулась, не зная, как назвать того мужчину, с которым встречается дочь, – со своим новым знакомым? – закончила она.

– С любовником, ты хотела сказать, – подсказала ей дочь.

– Ну, это тебе лучше знать. Мне все равно, как ты его называешь, но он должен войти в нашу семью, и я хотела бы с ним познакомиться.

– А не с кем знакомиться. Все. Нет его. Я снова одна. – Лена еле сдерживала слезы.

Мать какое-то время растеряно молчала. Она думала, что произошла обычная размолвка, но по тому, как Лена сказала об этом, поняла, что он бросил ее. Довольно свободные отношения двух молодых людей и такая развязка не вкладывались в рамки ее морали. Она прожила достаточно и знала, что так бывает в жизни, но это где-то там, у других, а с ее дочерью такого случиться не может.

– Ты хочешь сказать, что вы уже жили, как муж с женой, и теперь он не хочет на тебе жениться? – строго посмотрела на Лену.

– Не только жениться, но даже встречаться со мной не хочет. – Лена не выдержала и заплакала.

Мать хотела разъяснить дочери, что сначала надо было хо-

рошо узнать мужчину, познакомиться с его родителями, познакомиться его с ней, а потом можно и на шею бросаться, но несчастный вид дочери остановил ее. Она под села к ней.

– Ну, не надо так плакать. Давай вместе подумаем, что надо сделать, чтобы он вернулся. Может, ты не права в чем-нибудь, может, он. Сходим к его родителям, поговорим. Подожди немного: все перемелется, и он вернется.

– Не к родителям надо идти, а к его жене, чтобы та отпустила его, – зло ответила Лена, перестав плакать.

– Как к жене? Он что, женат? И ты с ним встречалась? Это же безнравственно, как по отношению к себе, так и к его семье, – мать встала и отошла от Лены. – Как ты могла так поступить?!

Лена не стала оправдываться. К чему?

Мать молчание дочери поняла как согласие с ней и решила закрепить свой успех в воспитании, пусть, может быть, и немного поздно. Она говорила своим негромким голосом долго, нервно отмеряя шаги по комнате.

Но Лена ее не слушала. Она думала, как сказать о том, что она ждет ребенка. В женской консультации ей сказали однозначно: «Беременна».

– Не хватало еще, чтобы ты от него ждала ребенка, – продолжала говорить мать.

Лена воспользовалась началом разговора на эту тему.

– Да, мама, я беременна, – и, чтобы разговор не перешел на следующий, более высокий виток, добавила: – И аборта

делать я не буду, да и поздно уже, – последнее она добавила, чтобы мать и не пыталась говорить об этом.

Мать застыла возле двери, не зная, что ответить на заявление дочери. Она допускала, что дочь могла быть беременной – два месяца с мужчиной наедине, – но чтобы та, опередив ее, так категорично заявила о неподчинении, это уж слишком. Помолчав еще несколько секунд, словно ожидая продолжения разговора и не дождавшись, она отправилась на кухню пить валерьянку, которую всегда хранили в доме для бабушки. Но сейчас ею решила воспользоваться мать, хотя на сердце она не жаловалась. Выпив, она, не заходя к дочери, отправилась в свою комнату.

Лена вздохнула: самое страшное в объяснениях позади. Дальше будут упреки, слезы, просьбы, но это уже мелочи, нужно будет все это выслушать молча, не возражая: через какое-то время, поняв, что ничего не изменить, мать успокоится. Лена больше волновалась за бабушку. У той действительно большое сердце, – два инфаркта, – и одной валерианой здесь не обойтись.

XI

Даша сдержала слово: она стала лучшей подругой. Они не только на работе были вместе постоянно, но часто встречались и вечерами. Действительно, благодаря заботам Даши Лена почти забыла о существовании Влада, отца будущего ее ребенка. Мать, немного поворчав, также включилась в подготовку к встрече внука или внучки. Она даже позволила Даше бывать у них дома.

Но бывали дни, когда Лена все же вспоминала Влада, их встречи, его слова, его ласки. Ей не верилось, что он больше не придет; казалось, что вот откроется дверь, и он войдет – большой, сильный, красивый, обнимет ее, прижмет к своей груди – и весь этот кошмар забудется. Она даже чувствовала его запах, ощущала движение его рук по своему телу, прикосновение губ. Но он не входил, и она снова была одна. Разыскав его домашний телефон, она однажды вечером решилась позвонить. В трубке послышался женский голос:

– Алло. Я вас слушаю... Опять молчание. Как же вы мне надоели, молчаливые знакомые Владислава Петровича. Хотя бы одна из вас набралась смелости и назвалась.

У Лены не хватило смелости, и она положила трубку, но слова про молчаливых знакомых запомнила.

«Если это так, то нужно прекращать даже думать о нем», –

решила она.

Вскоре о беременности узнали ее подруги из «малого общества», которые уже не надеялись, что она вновь вернется к ним. Но она вернулась, хотя ей это и не хотелось. Снова чисто женское общество, театры, концерты, – все, как прежде, – но Лена уже не была той Леной, которую они знали раньше. Находясь в компании подруг, она была где-то далеко в своих мыслях: как ни старалась она забыть Влада, это ей не удавалось. Даша не была принята в это общество, да она и не стремилась туда: слишком большая разница во взглядах на жизнь.

Гуляя одна или с кем-то из подруг, Лена вольно или невольно всегда шла на набережную и проходила мимо «их кафе», смотрела на «их столик», за которым она часто сидела с Владом. Так было и в эту прогулку с Дашей: прохаживаясь по тихим улочкам, они подошли к кафе на набережной. Там за столиком, который так любила Лена, сидел Влад с другой женщиной. Он держал ее руки в своих и что-то негромко говорил; она, глядя на него восторженно-влюбленным взглядом, смеялась.

– Ты что остановилась? – спросила ушедшая вперед Даша. Посмотрев в ту сторону, куда был направлен взгляд Лены, она все поняла. – Только не вздумай подходить к нему. Пойдем отсюда, – взяла Лену под руку и потащила за собой.

– Нет, как он мог? Как он мог? Ведь он знал, что это мое любимое место. Ведь он здесь объяснялся мне в любви, це-

ловал руки, говорил, что я единственная у него, а теперь он с ней. Как он мог?

– Ну что ты, успокойся. Мужчинам нравятся штампы. Они любят повторяться, и им это доставляет удовольствие: вчера с той, а сегодня с этой – сравнение их вдохновляет. Наверное, и до тебя он уже водил сюда кого-нибудь. Скорее, это его место, а не твое.

– Нет, как он мог? – не могла успокоиться Лена. Остановилась, обернулась туда, к кафе. – Ты обратила внимание, какая она старая и некрасивая. Мымра крашенная.

– Конечно, – поддержала Даша, удивляясь, как Лена сумела разглядеть ту женщину с такого расстояния.

– Дура восторженная, – продолжала Лена. – Ты видела, как она на него пялилась – глаза из орбит вваливались.

– Она здесь не причем, – вступилась за незнакомку Даша. – Он ей лапшу на уши вешает, вот она и восторгается им. Нам, женщинам, это нравится, и тебе это хорошо известно. Это его ругать надо, а не ее.

– Я понимаю, – шмыгнула носом Лена, – но я его люблю и ничего с собой не могу поделать. – Слезы вновь навернулись на ее глазах. – Дура я, да?

– Успокойся. Он не стоит и твоего мизинца. Забудь о нем – думай о ребенке. – Даша силой увела ее с набережной.

Наступила зима с частой сменой погоды: то снег с дождем, то морозы, то выюга. Все чаще Лена проводила вечера дома или у бабушки. Мама просила пока бабушке ничего не гово-

ритель о будущем ребенке, потому что та была совсем плохая. Но время шло, и когда обозначился живот, и больше скрывать уже нельзя было, бабушке рассказали все. Воспитанная в строгой морали, она не смогла понять такого поведения внучки и потребовала, чтобы та к ней больше не приходила. Это было виной, или же неустойчивая зима с постоянными оттепелями, но через две недели после того как она узнала, что станет прабабушкой, она умерла от очередного сердечного приступа. В последний день жизни бабушки Лена не отходила от нее, и та, придя в сознание и узнав внучку, слабо улыбнулась ей – простила. Но все же в ее смерти Лена винила себя. Оставшись вдвоем, мать, конечно же, все простила дочери и даже попросила прощения за свое нетактичное поведение. Поплакав еще немного о бабушке, они перешли к насущным проблемам: нужно было готовиться к встрече нового человека.

Прошло немного времени, Лена с помощью подруг и Даши постепенно успокоилась, и жизнь вошла в свою колею. На работе, среди подруг она выглядела беззаботной и веселой, но дома, оставаясь одна, она часто впадала в меланхолию.

– Ты перестань киснуть, – говорила ей в такие минуты мать, – твое психическое состояние может плохо сказаться на ребеночке.

Нет, Бог миловал, не сказалось. Девочка родилась крепенькой, в меру капризной, хорошо ела, много спала и часто писала.

– Не переживай, – говорили по поводу последнего подружки, – это первый признак талантливости ребенка.

– Вот, мама, как ты и хотела, родила я доченьку, – говорила Лена, любуясь своим чадом. – Опыт по воспитанию девочек у нас есть – будем воспитывать и ее без мужчин.

О Владе она теперь почти не вспоминала, она даже ненавидела его. «В один миг бросил и даже не поинтересовался – как я? Возможно, он интересовался, но Даша ничего мне не сказала? Все равно ненавижу», – думала она.

После рождения ребенка Даша часто заходила проведать молодую маму, помочь ей справиться с новыми и непривычными обязанностями. Уложив девочку спать, они подолгу сидели на кухне за чашкой чая: общих тем для разговора было много.

– Я так и не отведала «кофе в постели», поданного мужчиной, – грустно сказала как-то Лена, зашедшей в гости Даше.

– Ты опять про него думаешь, – возмутилась Даша. – Сколько времени прошло, а ты все вспоминаешь его. Пора забыть.

– Знаешь, я о нем почти забыла. Я не вспоминаю его, но иногда, как вспышкой света на мгновение освещается в памяти какой-нибудь эпизод из той жизни. Я даже не могу понять, почему вдруг вспоминается этот или другой эпизод. Это совершенно не связано с тем, что я сейчас делаю, о чем думаю. Вдруг всплеск – и он передо мной. Может, я сошла с ума, и мне надо лечиться? – Лена грустно улыбнулась.

– Не дури, подруга: все у тебя в норме. Больше думай о своей дочке – вон сколько пеленок надо стирать да гладить, а ты вся в воспоминаниях. Пошли, помогу. – И они отправились в ванную.

Однажды вечером, когда дочь уже спала, а Лена занималась пеленками да распашонками, раздался телефонный звонок. Лена подошла к телефону, подняла трубку и еще до того, как ответили на том конце провода, она узнала его, узнала по дыханию – это был он, Влад.

– Алло, – голос в трубке был его голос.

В голове затуманилось. Мыслей никаких.

– Алло, – его голос вернул ее к действительности.

«Что делать? Бросить трубку? Ответить? После его предательства отвечать нельзя. Бросаю трубку», – путанные мысли в голове.

– Лена, это я, – снова его голос.

Воспоминания нахлынули на нее. Перед глазами промелькнули их встречи, в том числе и последняя на набережной, когда он был с другой женщиной, вспомнились его руки, державшие руки той, другой.

– Да, – неожиданно для себя самой ответила она, – я узнала тебя. Здравствуй. Как долго ты не звонил.

1999 г.

Графиня

Вероника, решительно отмеряя шаги тонкими высокими каблуками, шла по весенней улице, гордо неся красивую голову с темно-каштановыми волосами, блестящими струями стекающими на плечи. Оглядывались ей вслед многие, потому что не восхищаться ею было нельзя: стройная, с длинными ногами, она была хороша в строгом, черном, свободного покроя брючном костюме, с жемчужным ожерельем на шее и с сережками в ушах с капельками такого же жемчуга. На удлинённом лице серые глаза, длинные ресницы, тонкие брови вразлет, полноватые, накрашенные светло-розовой помадой губы, небольшой прямой нос. Знакомые звали ее «графиней»: и в самом деле, этот титул очень подходил к ее строгой красоте. Но она хотела быть королевой. «Графини часто становятся королевами», – вполне серьезно говорила Вероника. Она шла, демонстрируя себя, словно на конкурсе красоты, твердо зная себе цену.

...В школе она была смазливой девочкой, потом красивой девушкой, училась хорошо, любила шумные игры, вечеринки. Как большинство ее подруг, была, как ей казалось тогда, влюблена в одноклассника Павла, Павлушу. Среди сверстников он выделялся ростом, силой, добротой и общительностью.

После выпускного вечера Вера – тогда ее звали так, – как самая решительная девушка первой захватила Павлушу и увела его с собой. В ту ночь он стал ее первым мужчиной, она – его первой женщиной. Они встречались около года. Когда родители и Павел стали говорить о свадьбе, она неожиданно отказала. Вера еще раньше решила, что она не сможет жить той жизнью, которую предлагает ей Павел: сидеть дома с детьми и вертеться на кухне. Нет, такая жизнь не для нее, и, чтобы не совершить ошибки, она под каким-то предлогом порвала с Павлом, чем довела его до нервного срыва. Но через два года, сразу после армии, он уже и не вспоминал о ней, женился на бывшей однокласснице со скромным именем Маша – у нее не только имя, но и вид ее, и характер были скромными. Паша и Маша нашли свое счастье в тишине и покое.

Разорвав отношения с Павлом, Вера начала осуществлять свои планы вхождения в «высшее общество» – общество появившихся богатых и очень богатых людей. В одном из старых советских романов она прочитала, что «девушки милы, полны пленительного очарования, но истинно прекрасными могут быть только женщины». Хотя там был другой случай, но она решила, что это сказано и для нее. К тому же многие женатые мужчины, а именно на них она рассчитывала, мечтают встретить не столько красивую и молодую, сколько умную и понимающую их женщину.

Прежде всего необходимо было из милой, красивой де-

вушки превратиться в привлекательную молодую женщину. С лицом это сделать было несложно: искусный макияж делал ее старше на столько, на сколько она хотела. С одеждой сложнее, так как родители не могли предоставить и малой части того, что ей было необходимо. Этим она решила заняться сама: бросила технический вуз, окончила курсы секретарей и устроилась на работу в небольшую фирму секретарем-референтом. Директор фирмы, мужчина средних лет, сразу же обратил на нее внимание, и вскоре она, теперь уже Вероника, стала носить модную одежду, постепенно вырабатывая имидж зрелой, скупающей женщины.

Фирма была небогатой, и всего ее годового дохода не хватило бы и на малую долю желаний Вероники. Поэтому она решила покинуть ее и найти для себя более богатого спонсора, способного удовлетворить не такие уж и большие, по мнению Вероники, потребности, необходимые для нормального существования такой, как она, девушки. Процветающая фирма вскоре отыскалась, и она устроилась сюда на работу на такую же должность. Но, к большому разочарованию Вероники, директор с работниками фирмы ни в какие отношения, кроме деловых, не вступал. Немного поразмыслив, Вероника решила, что может так и лучше: среди сослуживцев будет меньше завистников. Здесь платят хорошо, работа знаковая, непыльная, а удачу она будет искать в другом месте. К этому времени она ушла от родителей и снимала однокомнатную квартиру: маленькую, уютную, но дорогую для нее.

Денег, как всегда, не хватало. Для выхода из затруднительного положения нужно было действовать более решительно, и безошибочно.

Выйти замуж даже за богатого человека – это означало стать домохозяйкой и быть на вторых ролях, потому что на первом месте, несомненно, будет любовница. К тому же в ее возрасте замуж еще рано. Нужно пожить, как говорится, мир посмотреть, а уж потом... Стать любовницей состоятельного мужчины – вот ее цель.

* * *

...Вероника шла в небольшое, тихое элитное кафе на свою «презентацию», немного опаздывая, чтобы не показаться нетерпеливой. Ее должны были представить директору солидной фирмы, которого она сама выбрала из нескольких бизнесменов, чьи имена мелькали в бумагах и в разговорах в их офисе. Дмитрий Николаевич Ильин, тридцать четыре года, женат, сыну десять лет, жена врач, недавно расстался с любовницей; директором фирмы работает уже пять лет, и сейчас фирма на подъеме. Вероника однажды видела его издали, и это определило ее выбор.

В кафе ее уже ждали: подруга Лиза, которая по просьбе Вероники устроила эту встречу, ее друг Антон и Дмитрий – цель прихода Вероники в кафе.

– Позвольте вам представить Веронику, – сказала Лиза, поднявшимся мужчинам, – это Антон – я говорила тебе о

нем – и Дима. Более подробно познакомитесь сами, а то шампанское греется.

– Ну что ж, выпьем за встречу, – Дмитрий и Антон подняли рюмки с водкой, женщины – бокалы с янтарным шампанским.

Полутемный зал, на потолке приглушенные блики красного света, на столе мерцающие свечи, прохладное шампанское приятно щекочет горло, рядом сидят молодые, красивые мужчины – Веронике это нравилось. Она стремилась к такой жизни.

Дмитрий, старший по возрасту и по положению, снова поднял рюмку:

– Я хочу выпить за прекрасную, пока еще незнакомую мне Веронику с надеждой познакомиться с ней поближе.

Лиза и Антон шумно согласились и пожелали ему успехов, Вероника улыбалась, смело глядя ему в глаза.

– За обворожительные серые глаза, которые меня уже сводят с ума, – это было сказано только Веронике.

Вероника томно улыбнулась и опустила глаза, давая возможность Дмитрию оценить ее длинные, загнутые вверх ресницы и умело нанесенный, почти незаметный макияж. «Завлечь просто, вот как удержать подольше?» – подумала она и посмотрела на Дмитрия долгим задумчивым взглядом.

Тот немного смутился и начал предлагать ей закуски, но она, положив свою ладонь с длинными пальцами и розовыми ногтями на его руку, тихим, мягким голосом, сказала:

– Спасибо, я ем. Вы закусывайте.

– Я полагаю, что мы встретимся еще не раз, так что давай перейдем на «ты», – Дмитрий невольно поддался таинственности ее голоса и тоже говорил полупшепотом. – Твое здоровье, – он отпил глоток.

– Твое здоровье.

Шампанское кружило голову, музыка ласкала слух, глаза блестели от пламени свечей. «Будем приходить ужинать сюда», – решительно сказала себе Вероника.

Дмитрий пригласил ее на танец, и они, держась за руки, направились на пяточок, где стояли в обнимку, изображая танец, несколько пар.

Проходя между столов, он пропустил Веронику вперед, любуясь ее стройной фигурой, достоинство которой подчеркивал прекрасно сшитый костюм. Она знала, что не только Дима смотрит на нее, – в зале было достаточно посетителей, – поэтому она шла свободно, чуть покачивая еще девичьими бедрами, поправляя на ходу прямые, слегка завитые на концах волосы.

Музыка и полумрак сблизили их, и они, как, впрочем, и все танцующие, прижавшись друг к другу, плавно покачивались, медленно перемещаясь по площадке. Вероника слегка откинула голову назад, чуть-чуть раскрыв розовые губы. Они смотрели друг другу в глаза, и в какой-то момент Дмитрий не выдержал и потянулся губами к ее губам, таким близким и, как ему показалось, доступным, но она быстро подня-

ла руку и положила тонкий, прохладный палец на его губы.

– Мы еще ничего не знаем друг о друге, и вдруг такие решительные действия... Давай не будем торопиться.

– Да, конечно. Прости. Я сейчас ничего не соображаю. Я обалдел от тебя. Мне не верится, что я танцую с такой женщиной, как ты, – тихо шептал он ей на ухо.

Они снова молча прижались друг к другу. Теперь она положила ему голову на плечо, он уткнулся в ее дивные волосы и жадно вдыхал их аромат. Музыка кончилась, но они еще некоторое время стояли, прижавшись друг к другу, не желая оттолкнуться, разъединить тела. Наконец они вернулись за столик, где весело болтали Лиза и Антон.

– Вы смотрите хорошо. По росту подходите. Вероника тоненькая, а ты вон какой здоровый. Когда вы рядом – очень красиво, – оценила их первый совместный выход Елизавета.

– Я тоже восхищался вами, – добавил Антон.

– Где ты работаешь? – спросил Дмитрий Веронику, когда общий разговор угас.

Она сказала.

– А, у Коли? Знаю его. Порядочный мужик.

– Ты знаешь Колю? – в огромных ее глазах еще ярче заблестели трепещущие огоньки свечей.

– Как у вас отношения складываются? – он улыбнулся.

– Нормально. Он руководитель – я исполнитель, – его улыбку она постаралась не заметить.

Были еще тосты, танцы, блеск глаз, пожатие рук.

– Смешно, но мне кажется, что я влюбился, – говорил Дима, целуя руки Вероники.

Вечер удался. Антон увез Лизу. Дима и Вероника подошли к машине, стоящей у тротуара.

– Ты не боишься вести машину после выпитого? – Вероника, удобно уселась на переднее сидение “Ауди”.

– Разве это выпили? Даже бутылку не докончили. Но я пьян, пьян тобою, и мне очень понравился вечер. Куда тебя доставить? Да это совсем близко, – и он плавно тронул автомобиль с места.

Машина остановилась у самого подъезда. Они немного молча посидели, глядя друг на друга, затем Дима вышел из машины и помог Веронике. Взяв за руку, поцеловал ее длинные пальцы, запястье и внимательно посмотрел ей в глаза.

– Нет, нет. Не сегодня, – отказала она его немой просьбе. – Спасибо за прекрасный вечер. Сегодня я хочу побыть одна. Мне так хорошо.

Дмитрий не настаивал.

– Я тебе позвоню. Очень счастлив, что познакомился с тобой. Спасибо за чудный вечер. До скорого свидания.

Он подождал, пока она вошла в лифт и нажала кнопку своего этажа.

* *

...Следующий вечер они провели в том же кафе, но вдвоем. На этот раз она надела белый брючный костюм, плотно облегающий бедра, и короткий жилет; на шее блестела тоненькая золотая цепочка, в ушах – незатейливые золотые сережки, зато перстень с большим фиолетово-красным александритом притягивал взгляд.

Рассказывали о себе, говорили о фильмах, книгах – оказалось, что он тоже любит читать. Она слушала его, широко раскрыв глаза и слегка приоткрыв рот, обнажив край верхнего ряда белоснежных зубов, показывая всем видом, что ей интересны его рассказы, что она готова поддержать разговор, что ей с ним не скучно. Хотя в прошлый раз он и говорил, что влюбился в нее, она все же боялась, что это не так, и прилагала все силы, чтобы не показаться ординарной, скучной, и, судя по его блестящему взгляду, это ей вполне удавалось.

В самый разгар вечера к ним подошел молодой, красивый мужчина, поздоровался, окинув Веронику оценивающим взглядом, отозвал Диму к окну. Спустя несколько минут Дмитрий вернулся подавленный и злой.

– Что случилось? Кто это? – Веронике передалась его тревога.

– Да так. Дела... А это тоже бизнесмен. Александр Столяров, “Столяр”, так мы его зовем, – немного помолчал. – Гробовщик он, а не столяр, – вдруг резко сказал он и замолчал.

Вероника вложила свою маленькую ладонь в его большую и теплую. Дмитрий сжал ее руку до боли, но она не выдержала, стерпела.

– Прости. Больно? – он погладил ее ладошку.

– Ничего. Я терпеливая, – взгляд серых глаз продолжал выражать тревогу.

– Вера, – можно я буду тебя так называть? – она кивнула в ответ, – поехали к тебе. Я не хочу оставаться здесь.

Вечер с шампанским продолжили у нее на квартире. Тихая, спокойная обстановка, доброжелательность и нежность, которой Вероника окружила гостя, – она все еще боялась, что ее избранник может уйти от нее, – успокоили Дмитрия, и он был даже весел. Увидев хозяйку, вышедшую после душа из ванной, он очень удивился: перед ним была совсем юная девушка.

– Сколько же тебе лет? – не удержался он от вопроса.

– Женщинам такие вопросы не задают.

– Я считал, что тебе лет тридцать, не меньше.

– Это комплимент такой? – она нарочно надула губки, но не выдержала и рассмеялась – в таком возрасте можно смеяться, когда тебе дают больше лет, чем на самом деле. – Я специально себя старю, чтобы не выглядеть девочкой. Что, это плохо?

– Нет, что ты. Ты и такая мне нравишься.

Он критически осмотрел обстановку и пообещал помочь сменить ее. Это ее обрадовало, и в постели она почти любила Диму – ей это было не трудно: она уже привыкла к смене любовников, хоть и не частой. К тому же, Дима был очень ласковый и милый.

Их встречи продолжались почти год, и все это время Дима не переставал радовать ее: выкупил квартиру, купил новую мебель, всегда был внимательный и предупредительный.

Хотя он ее и любил, и Вероника об этом знала, но на большее она не рассчитывала, и никогда не заводила разговора об изменении сложившихся отношений. Он ценил это. Она не хотела в него влюбляться по-настоящему, но юность и романтика взяли свое. Оставаясь одна, она в мечтах представляла его – смешно, но это было так – принцем, а себя принцессой, которую он освобождал из старого, роскошно убранного замка, в котором все двери были закрыты, а на высоких окнах весели тяжелые бордовые портьеры, не пропускающие ни лучика света. Он увозил ее ранним утром на просторный, залитый солнечным светом луг, через который протекала река с прохладной синей водой, белыми кувшинками в заводях и плакучей ивой над невысоким обрывом, роняющей струи своих зеленых слез в воду. И здесь, под ивой, под ее серебряными от росы ветвями, они подолгу сидели, любясь друг другом. Глупая детская сказка. Но она ничего не могла с собой поделать – сказка приходила постоянно.

*

*

*

...Все было хорошо, пока она случайно, как ей показалось вначале, не встретила с Александром Столяровым. Он вышел из автомашины, неожиданно остановившейся рядом, поздоровался, представился, напомнил о встрече в кафе год назад и пригласил в машину. Вероника могла и не садиться в эту огромную черную машину, но что-то, неподвластное ей, подтолкнуло ее, и она, не понимая, зачем это она делает, уселась на заднее сидение. Шофер остался курить на тротуаре – в машине они были одни.

– Не надоел тебе Дима Ильин? – после недолгого вступительного разговора о погоде, спросил Столяров.

– А почему вы об этом спрашиваете? – вопросом ответила Вероника.

– Нравишься ты мне, поэтому и спрашиваю. Ты мне еще тогда приглянулась: белый костюм, медные волосы, серые глаза, а на руке большой перстень. Видишь, не забыл, – он улыбнулся, но только одними губами.

Она не ответила.

– Предлагаю бросить его и перейти ко мне, – теперь уж без улыбки.

– Как же вы представляете себе это?

– Очень просто. Скажи ему, что уходишь ко мне. Он понятливый, хотя и упрямый, и держать тебя не будет, – снова улыбающиеся губы.

– Нет, я так не могу. Я люблю его.

– А вот любить тебе никого не нужно. Вредно тебе любить. Пусть тебя любят, а тебе не надо. Так тебе будет проще жить, – говорил он вполне серьезно.

– Я не пойду на такую подлость по отношению к Диме. И вообще, что это за разговор? Я вас не знаю, вы меня.

– Ошибаешься, я о тебе знаю все. – Он помолчал. – Значит, говоришь, подличать не хочешь? Это хорошо.

Он закурил и предложил ей, – она отказалась.

– Получается, что Ильин мешает тебе встречаться со мной, – помолчал. – Если бы ты знала, как он мне мешает, – чуть слышно проговорил он.

Глубоко затянувшись, выпустил дым в приоткрытое окно, затем открыл дверь и вышел из машины.

– Рад был познакомиться. – Он помог ей выйти и, наклонившись, поцеловал руку. – До скорой встречи.

Тогда она не очень испугалась, по-настоящему ей стало страшно позже, когда начала осторожно расспрашивать Диму о Столярове. Тот сразу же как-то сжался и неохотно поведал что-то об акуле, которая проглатывает все и всех.

– Я еще держусь, но боюсь, что долго не устою. Он на все способен, – закончил он мрачно и перевел разговор на дру-

гую тему.

Дима ходил к ней часто, они посещали свое кафе, выезжали за город. Все шло уже привычным путем, но недолго: вскоре они стали встречаться реже. Дмитрий появлялся поздно, был хмурым и раздраженным, и, несмотря на все старания, успокоить его она не могла. Как-то раз он дал ей большую сумму денег и сказал:

– Спрячь подальше – когда-нибудь пригодятся. Удачно одну сделку провернул.

– Что произошло? – постоянно спрашивала она, но он в ответ лишь грустно улыбался и переводил разговор на другую тему.

* * *

Однажды вечером Дмитрий не пришел, хотя днем звонил и обещал зайти. Она прождала его до поздней ночи. Утром пыталась разыскать, но его мобильный телефон не отвечал и в офисе никто не знал, где он. Вероника, как обычно, пришла на работу, но все валилось из рук – тревожное предчувствие томило ее. На следующий день Николай, ее шеф, пригласил Веронику в свой кабинет.

– Вера, у меня для тебя плохая новость. Для всех нас плохая, – поправился он. – Диму Ильина убили. Позавчера вечером.

Вероника смотрела на него глазами, полными ужаса.

– Это из-за меня, – прошептала она.

Потом была истерика. Она плакала навзрыд, и ее долго не могли успокоить. Давали окие-то капли, воду, что-то говорили. Все еще плачущую Веронику Николай отвез на своей машине домой, где она, наконец, перестала плакать, пришла в себя.

– Почему ты сказала, что это из-за тебя? – готовя чай, спросил Николай.

Вероника уже была в состоянии обдумывать ответы.

– Дима говорил, что на меня все заглядываются и все ему завидуют: вот я и решила...

– Ну что ты! Из-за женщин в нашем деле не убивают. Их просто перекупают. Прости, но это так, – помолчал, думая о чем-то, налил ей чаю. – Лимон у тебя есть? – Не дожидаясь ответа, открыл холодильник. – Может, у тебя и коньяк есть?

Вероника показала на шкаф. Николай налил ей и себе. Молча выпили.

В голове у Вероники гремело тихо сказанное Николаем: «Их просто перекупают. Просто перекупают. Просто». От этих слов захотелось заплакать в голос, завывать, но она сдержалась.

– Уж очень он хотел быть независимым, а у нас так не получается, – донесся до нее голос Николая. – Вот за это его, наверное, и убили. – Николай посыпал ломтик лимона сахаром и протянул Веронике.

– Его хоть не мучили? – чувствовалось, что ей трудно спрашивать об этом.

– Нет. Застрелили в машине где-то в тихом переулке, там он всю ночь и пролежал.

Вероника вспомнила фразу, сказанную Столяровым несколько недель назад. «Если бы ты знала, как он мне мешает». Но вслух сказала:

– Спасибо, Коля, за сочувствие. Мне уже лучше. Иди. Я хочу побыть одна.

– Все нормально? Ну вот и хорошо. Тогда я пошел.

В дверях он остановился и спросил:

– Столяров к тебе не подходил? О Диме разговора не было?

– Нет, – солгала она.

– Жаль Диму, хорошим был мужиком!

...Оставшись одна, Вероника вновь разрыдалась, но теперь она оплакивала больше себя. «Просто перекупают. Как просто, – думала она, – купил один, попользовался, а потом продал другому, как какую-нибудь вещь».

Она представила кучу беспорядочно наваленных вещей в магазине «Second Hand», людей, копающихся в этой куче и пытающихся найти вещь получше. Так и ее в куче таких, как она, нашел Столяров, еще не купил, но уже оценивает: стоит ли она того, чтобы купить. Для нее это было не ново, но она об этом никогда не думала, казалось, что все это относилось не к ней. Но вот коснулось ее, и удар оказался болезненным.

– А что же ты хотела? – зло спросила она себя вслух. – Ты кто? Самая обычная вещь. Продажная девка. Проститутка.

Да, да, проститутка, проститутка. За деньги ты выполняешь любую прихоть того, кто тебе платит. И нечего изображать из себя принцессу, графиню. Что хотела, то и получила.

Немного успокоившись, она еще долго тихо сидела в кресле, и слезы время от времени катились из ее потемневших глаз. Она вытирала их ладонями и вновь застывала в удобном кресле, в котором так любил сидеть Дима.

Две недели по вечерам она не выходила из квартиры. После смерти Димы на какое-то время жизнь ей стала безразличной, и охватившая апатия иногда пугала ее.

– Неужели я его так любила? – спрашивала она себя.

Но постепенно она поняла, что не только в любви дело. Ее все больше охватывал страх перед той жизнью, в которую она окунулась, где так просто могут убить человека, и никто за это не отвечает. Ее повергала в ужас предстоящая встреча со Столяровым, а что она состоится, Вероника знала точно.

«Нет, надо порвать со старым, а то меня также однажды найдут убитой. Необходимо начать новую жизнь, – уговаривала она себя. – Что мне еще нужно? Квартира, обставленная дорогой мебелью есть, работа есть. Осталось найти хорошего человека, выйти за него замуж, родить ребенка и... – на кухню. – Ей вновь захотелось пролить слезу, – оплакать себя, непутевую, – но она сдержалась. – Нет, не хочу. – Она решительно стряхнула с себя сентиментальность. – И что мне Столяр сделает, если я буду вести себя по-умному?»

Она не ждала совета ни от кого и никому не собиралась

жаловаться: у нее уже выработалась привычка рассчитывать на свои силы. Поэтому она постепенно успокоилась и вечерами как неизбежности стала ждать прихода Столярова, обдумывая свое поведение с ним.

* * *

Столяров пришел, хотя, по ее расчетам, и с опозданием. Звонок в дверь заставил ее вздрогнуть, испугавшись, она решила не открывать, но страх быстро прошел, и она, спросив: «Кто там?» – открыла дверь. Он стоял перед ней высокий, красивый, в дорогом костюме, с букетом алых, почти черных роз в одной руке и большим бумажным пакетом в другой.

– Не ждала? – спросил он без улыбки.

– Ждала. Проходите, – она пропустила его в квартиру и закрыла дверь.

Он протянул ей розы и пакет.

– Здравствуй! Принимай.

Она молча отнесла пакет на кухню, а розы поставила в вазу. Все это время он молча осматривался, наблюдал, как она бесшумно двигалась по квартире, перебирала розы в вазе.

– Это от него? – наконец заговорил он, кивнув на мебель. – Ничего, вкус есть. Ну что ж, накрывай стол.

Они перешли на кухню. Вероника вытащила из пакета бутылку шампанского, фрукты, конфеты. Александр сел на место Димы.

– Здесь он сидел?

Она молча раскладывала на тарелки принесенные им фрукты, закуски, поставила бокалы для шампанского. Столяров открыл бутылку и разлил вино по бокалам.

– Давай выпьем за более близкое знакомство.

Она выпила, не отвечая на тост.

– Мне нравится, что ты помнишь его. Но достаточно. Я дал тебе время успокоиться, и теперь воспоминания о нем я могу расценить, как неуважение ко мне.

– За что вы его убили? – задала она давно заготовленный вопрос.

– Хороший вопрос. Я ждал его. Давай все поставим на свои места. Во-первых, я его не убивал, во-вторых, как это ни прискорбно, но он, наверное, это заслужил. В наших делах за просто так не убивают. Вообще такое случается довольно часто – разборки называются. В жизни побеждают сильнейшие. Телевизор смотришь? Там об этом много говорят и показывают, – он говорил отрывисто, с остановками. – И давай на этом закончим. Вопросы есть? Все уяснила, дорогая Вероника? Ну и ладушки.

Она смотрела на него глазами, полными слез. Вся сцена этого разговора много раз проигрывалось ею, и слезы не были запланированы, но воспоминания о Диме, появившаяся жалость к себе – и слезы помимо ее воли наполнили глаза и готовы были выплеснуться наружу.

– Какая же ты красивая, даже когда плачешь, – без улыбки произнес он. – Не напрасно тебя Ильин любил. Успокойся.

– Простите, я сейчас, – она закрылась в ванной, осторожно вытерла слезы, чтобы не испортить макияж.

Когда она вернулась, он стоял в комнате, держа в руках бокалы с шампанским.

– Успокоилась? Вот и молодец. Давай еще выпьем и будем на «ты».

Она отпила несколько глотков, надеясь на то, что вино прогонит остатки страха, который она еще испытывала к новому хозяину.

Столярков позвонил по телефону, что-то сказал. Через несколько минут раздался звонок в дверь.

– Это ко мне.

С полиэтиленовым пакетом в руке вернулся в комнату. Вероника все еще стояла посередине комнаты с бокалом шампанского.

– Теперь раздевайся, – сказал он тоном, не терпящим возражения.

Она с неподдельным удивлением смотрела на него.

– Догола. Здесь. Я жду!

Не просьбы – приказы слетали с его губ. С ней еще никто так грубо не обращался, но она понимала, что выбора нет, вернее, она этот выбор сделала сама и изменить это уже нельзя. Отвернувшись, она начала не торопясь раздеваться. Он внимательно наблюдал за ее движениями и остался доволен ее видом, когда она, по его просьбе, повернулась к нему лицом и опустила руки. Налюбовавшись ее прекрасной на-

готовой, он вытащил из пакета ослепительно белый шелковый халат и помог ей одеться. Затем достал из кармана ювелирную коробочку, надел ей на шею сверкающее бриллиантами небольшое кольцо на цепочке из белого золота, и подвел к зеркалу. Колье было великолепным. Блеск камней завораживал взгляд.

– Я слышал, что тебя друзья зовут графиней. Если будешь себя хорошо вести, я сделаю тебя королевой, – угадал он ее желание.

«Он грубее Димы. Но богаче», – подумала Вероника, а сердце вдруг защемило, сжалось. Вспомнилось все: родители, детство, школа, Паша. В зеркале, словно в туманной дымке, появился Дима. Несколько мгновений она смотрела на него широко раскрытыми глазами. Усилием воли прогнала ведение – в зеркале появилась она, с колье на шее, а позади – Столяров.

«Он богат», – вновь подумала она, отгоняя другие мысли.
1998 г.

День рождения кошки

Вечеринка удалась на славу. Бывает так, что хозяева и гости стараются сделать вечер веселым и интересным – напрасно. А сегодня и без особых усилий было все прекрасно.

Михаил и Наташа давно не встречались за столом со своими старыми друзьями Николаем и Леной. На свадьбах друг у друга, да еще пару раз – вот и все за последние пять лет, хотя и считали себя близкими друзьями. Решили встретиться, посидеть за столом, поговорить. Решено – сделано. Да и повод нашелся – день рождения любимой кошки. Может кому-то и покажется этот повод несерьезным, но только не для Наташи-хозяйки кошки. Она души в ней не чаяла, и даже рождение дочери не пригасило любви к кошке, хотя и отодвинуло ее на второй план. Люси, так звали именинницу, была помесью сиамской и бирманской пород. От сиамской мамы она унаследовала черные уши, мордочку, лапы и хвост, а от бирманского папы – коричневый цвет шкурки, и характер – добродушный и ласковый. Подарки имениннице были, соответственно, кошачьи: «Вискас», целых два кг, кошачьи витамины и искусственную мышь, на которую Люси глянула только мельком. Посидев у каждого на руках и благосклонно дав себя погладить, она отправилась на свое любимое летнее место – на подоконник под открытой форточкой – и оттуда,

сквозь дрему, наблюдала за хозяевами и гостями, непонятно чему радующимися. На этом официальная часть была закончена, и они сразу же перешли к неофициальной.

За столом было весело: вспоминали учебу в институте, позабытые истории, рассказывали новые анекдоты. Двухлетняя дочь особо не мешала, а вскоре ее уложили спать. Казалось, что даже русская норма – выпить все, что есть – не могла выбить ребят из колеи и испортить прекрасный вечер. Первым на то, что норму выполнили, обратил внимание Николай.

– Пора домой, – решительно сказал он, тщательно выговаривая почему-то ставшие вдруг трудными привычные слова, и отправился в ванную освежиться перед дорогой.

– Да, пора, пора, – поддержала его жена и начала собираться.

Хозяйка ушла из-за стола еще раньше. Успокоив проснувшуюся в спальне дочь, она тут же рядом и уснула, положив голову на решетку кровати.

Михаил подошел к охорашивающейся перед зеркалом в прихожей Лене и обнял ее – вспомнились студенческие годы и их встречи: ему тогда казалось, что она любит его, но она предпочла Николая. Расслабленная от выпитого вина и тех же воспоминаний, она прильнула к нему, и поцелуй длился долго.

– Ты с ума сошел. Коля же здесь. И Наташа, – шептала она, не отрываясь от Михаила.

– Ну и пусть. Я всегда тебя любил. И сейчас люблю. До сих пор не могу понять, почему ты выбрала Николая.

– И ты мне нравился, но больно уж ты ревнивый, – говорила она, разглаживая складки на его рубашке.

– А сейчас ты любишь Николая, – грустно констатировал он.

– Да, люблю. – И снова томный поцелуй.

Где-то скрипнула дверь. словно очнувшись, Лена оттолкнула от себя Михаила и направилась к входной двери.

– Коля, я подожду тебя внизу. Жарко здесь, – громко сказала она, и, улыбнувшись Михаилу, вышла на лестничную площадку.

Николай не отозвался. Михаил заглянул в гостиную – никого. Он вышел вслед за Леной. В лифте они были одни. Михаил вновь начал целовать слабо сопротивляющуюся Лену. Но путь с шестого этажа оказался коротким, а внизу лифт ждали пассажиры.

* * *

Николай, ополоснув лицо холодной водой, пытался привести себя в нормальное состояние, но это удавалось плохо. Он присел на край ванны – она сразу стала уходить из-под него, и его потянуло в сторону. Он тряхнул головой, встал, снова умылся, крепко потер лицо полотенцем – стало немного легче. Но стоило ему остановиться, как снова все поплыло перед глазами. Николай вышел из ванной, плохо сообра-

жая, где он, и, цепляясь за стенку, дошел до первой двери и открыл ее. Свет из гостиной осветил кровать.

– Спать, спать, спать, – шептал он, с трудом передвигаясь по направлению к кровати.

Добравшись до спасительного ложа, он начал стягивать с себя одежду – привычка. Если с рубашкой он справился быстро, оторвав все пуговицы, то с брюками пришлось повозиться. Раздевшись, он лег и укрылся простыней. Его закачало из стороны в сторону; тело стало невесомым, и казалось, что вот-вот оторвется от постели и улетит, и он покрепче вцепился в подушку, натянул простыню на голову и сразу куда-то полетел, теперь уже с подушкой и постелью. Спустя несколько секунд Николай уже крепко спал, громко посапывая.

Услышав шум, Наташа проснулась, мельком глянула на спящего и, растирая щеку, вышла в гостиную. Там никого не было, кроме Люси, сладко дремавшей на диване.

– Ну вот, хозяйка называется – все проспала.

Вышла в коридор, закрыла дверь на защелку. Убирать со стола не хотелось – хотелось спать. Она в раздумье постояла посреди комнаты, выпила стакан воды и, махнув на все рукой, отправилась спать. Быстро разделась и, едва коснувшись подушки, провалилась в сон.

* * *

Михаил и Лена, разгоряченные поцелуями, вышли из

лифта и отступили в темный угол подъезда. В этот поздний час в подъезде никого не было. Николай почему-то задерживался. Скромные поцелуи перешли в жаркие: Михаил уже не сдерживал себя, но когда он начал расстегивать блузку, Лена очнулась.

– Миша, не надо. Пожалуйста, перестань. Мы как-нибудь встретимся в другом месте, – шептала она, отталкивая его от себя.

Она поправила одежду и, воспользовавшись его замешательством, выскочила на улицу. Пошатываясь, Михаил вышел следом. Лена подняла руку проезжавшему автомобилю – тот остановился. Она уселась на заднее сидение, помахала рукой Михаилу и назвала адрес – автомобиль рванулся по пустынной улице.

Лена ехала, удобно устроившись на сидении. Губы еще не остыли от поцелуев; шея, грудь, бедра хранили тепло его рук. Было радостно и немного волнительно. «Все же я его люблю, а вот замуж вышла за другого. Жизнь сложная штука, – рассуждала она, глядя на безлюдные улицы. – Что делать, если он предложит встретиться?» – Снова ощутила на себе прикосновение его губ, рук и вздохнула. Она мысленно возвращалась в лифт, в темный подъезд: все-таки он пробудил в ней воспоминания былых встреч.

– Приехали, – неожиданно раздался голос, молчавшего до сих пор водителя.

Наташа от неожиданности вздрогнула, глазами начала ис-

кать Николая и наконец вспомнила, что в машину садилась одна.

– Вот черт, мужа в гостях забыла, – пробормотала она и засмеялась.

– Вы что-то сказали? – не понял водитель.

– Ничего. Это я про себя, – проговорила она. – Вы не могли бы вернуть меня туда, где я села к вам? Ключи забыла, – соврала Наташа.

– Платите – и я отвезу.

– Конечно. Вот, возьмите, – она протянула ему деньги. – Хватит?

Водитель молча развернул автомобиль.

* * *

Оставшись один, Михаил достал сигарету, закурил, успокаиваясь.

«Горячая баба, не то, что Наташка. Жаль, что не сладилось тогда у нас. Надо бы встретиться с ней как-нибудь. Вспомнить молодость», – размышлял он, глубоко затягиваясь дымом сигареты и пытаясь хоть немного прогнать хмель.

Он выкурил сигарету, полюбовался на звезды, слабо мерцающие на городском небе, по очереди закрывая то один, то другой глаз. С одним глазом звезд было в два раза меньше, чем с двумя.

– Хорошо, что не в четыре раза, – усмехнулся он и отправился домой.

Дверь оказалась закрытой на предохранитель и ключом не открывалась. Посмотрев на всякий случай одним глазом на номер квартиры – своя, он коротко нажал на кнопку звонка. Подождал. К двери никто не подходил. Он нажал подольше – снова никого.

«Что за черт? Спит там она, что ли? – подумал он. И вдруг вздрогнул. – Там же Николай». – Хмель прошел сразу.

Он начал звонить, непрерывно нажимая и отпуская кнопку.

Наташа с трудом оторвала тяжелую голову от подушки.

– Кого это там черти принесли? – пробормотала она, пытаясь разбудить спящего рядом, но тот даже не шевельнулся. – Напьется – пушкой не разбудишь, – прошипела она и отправилась к двери, накинув халатик.

– Кто там? – спросила она сонным голосом.

– Я, кто же еще? – обиделся Михаил.

– Кто это я? – не поняла Наташа.

– Да я же, Михаил, муж твой, – сердито прокричал он.

Наташа растерянно молчала. Похоже на голос Мишки, но тогда кто же спит? Она бросилась в спальню, приподняла простыню.

– Ой, Николай!?! Боже мой. Когда же ты сюда забрался? И даже разделся, – запричитала она, пытаясь растолкать его. Тот только перевернулся на спину и громче засопел.

Звонок трезвонил теперь беспрестанно. Наташа подбежала к двери.

– Миша, я сейчас открою, сейчас.

Замок заело. С большим трудом она открыла его. Дверь распахнулась и разъяренный Михаил, оттолкнув жену в сторону, помчался в спальню, к кровати, и сдернул простыню. На кровати, разметавшись, лежал на спине Николай в одних носках. В дверях, в наброшенном на голое тело халатике, виновато стояла Наташа, из-за ее плеча с любопытством выглядывала только что вошедшая Лена.

Лениво потягиваясь, в комнату входила виновница всего произошедшего – кошка Люси.

1999 г.

Долг памяти

Анна Петровна Кружинская хоронила мужа. Ее, почти без чувств, вели под руки старые подруги, с которыми она когда-то работала. Она не понимала, что происходит, куда ее ведут, что за люди вокруг, кого там несут впереди в красном гробу. Временами сознание к ней возвращалось, и она вспоминала, что хоронят ее мужа, ее Антошу, любимого человека, зачем-то ушедшего от нее. Тогда она поднимала глаза к небу и шептала:

– Боже, за что ты меня так наказываешь? В чем я провинилась перед тобой?

Она имела право задать Богу такой вопрос. Восемь лет назад она похоронила своего единственного ребенка, своего ненаглядного сыночка Коленьку. Это неестественно, когда родители переживают своих детей. Кто это испытал, тот знает, как страшно первой бросать горсть земли на крышку гроба, а затем уходить, оставив сына под толстым слоем сырой, холодной земли. Как страшно жить, зная, что его нет с тобой, нет на этом свете. Но тогда, восемь лет назад, она должна была жить ради мужа – муж ради нее. А сейчас зачем ей жить? Ради кого? Для чего?

И все, вот уже который раз, плыло перед ней, все кружилось, ноги переставали слушаться, тело опускалось к земле.

Ей снова подносили ватку с нашатырем, махали перед лицом платком, брызгали в лицо водой. И она опять с трудом переставляла ноги, не понимая, что с ней происходит, куда направляются люди, идущие рядом. И вновь она видит впереди себя гроб, и затуманенный взгляд доносит до сознания: хоронят ее мужа.

Снова она на краю могилы, снова первая бросает ком сухой земли, и снова она слышит этот страшный глухой стук.

Теперь она совсем одна.

Анна Петровна не помнила, как она оказалась в больнице, не осознавала, что с ней делают, от чего лечат. Но через три недели она постепенно пришла в себя, вспомнила все, что произошло, и была выписана из больницы. Она вернулась в свою маленькую комнату в коммунальной квартире, где провела с мужем последние пять лет. В комнате, кроме стола, кровати и двух стульев, ничего не было. Но и эти остатки мебели часто вырывали из памяти яркие пятна прошедшей и почти забытой жизни.

Их счастливая жизнь закончилась с началом перестройки, когда люди, наделенные властью, потворствуя своим амбициям быть первыми, желая провести эксперимент над всей страной, одним взмахом подрубили под корень все устои, привычки, надежды простых людей.

Так уж совпало, что к этому времени Коленька окончил школу с золотой медалью, и захотелось ему учиться в Москве, в физико-техническом институте. И она, и Антоша

знали, как там трудно учиться, знали, что Коленька не отличался хорошим здоровьем, знали, что ему нужно хорошее питание и уход, нужны деньги, которых у них теперь не было. Знали и отпустили: не смогли погубить его мечту. Даже первый курс не успел окончить: не выдержал напряжения и скоропостижно скончался. Вот тогда и закончилась их жизнь. Нет, они не умерли, но и не жили. Ходили на работу, на свой родной оборонный завод, хотя там делать было нечего, но специфика профессии не позволила в их возрасте найти другую работу. Затем заболел Антоша. По новым порядкам, для лечения нужны были деньги, и большие деньги: даже на болезни и смерти стали наживать. Нужной суммы у них не было. Все, что оставили родители после смерти, все, что они накопили сами, «сгорело», превратилось в дым. Из ценного у них осталась лишь четырехкомнатная квартира «сталинка», хотя и на первом этаже, но в центре города. С трудом уговорила мужа обменять эту квартиру на меньшую с доплатой. Нашелся проходимец, некий Коркин, который, пользуясь ее безвыходным положением, сумел обставить дело так, что она с больным мужем очутилась вот в этой комнатке коммунальной квартиры. Денег, полученных в качестве доплаты, хватило лишь на один курс лечения. На бесконечное число последующих курсов денег не было, и муж стал медленно умирать. Протянул Антоша, уже инвалидом первой группы, еще четыре года и вот оставил ее одну.

Завод помог похоронить его, поставил памятник-пира-

мидку из железа – вот и все, чем могло отблагодарить разваливающееся предприятие сотрудника, проработавшего на нем больше тридцати лет. Мысли путались в голове, то погружаясь в далекое прошлое, то возвращаясь в эту тесную комнату с окном, выходящим на грязный, запущенный двор.

Отдохнув, Анна Петровна решила съездить на кладбище, проведать дорогих ее сердцу людей. Хотя и не рядом, но на одном кладбище похоронены ее сын и муж. Тихо, покойно на кладбище, разбитом на прямоугольные кварталы, с тесно установленными знаками последних пристанищ покинувших навеки этот мир. На всем пространстве, что охватывает взгляд, памятники, памятники. Мраморные, гранитные, очень красивые и не очень, в оградках и без них – везде памятники. Редко где затерялась могилка маленьким сиротливым холмиком, с крестом или совсем без ничего – здесь даже место могилки трудно угадать среди разросшейся травы.

Придя к сыну, она убирает с гробнички опавшие листья, сухие стебельки травы, протирает чистой тряпочкой на памятнике из мраморной крошки фотографию сына, оставшегося вечно молоденьким, долго смотрит на нее, вспоминая, каким он был. Плакать уже не плачет – нет слез. А вот воспоминаний много. Хорошо сидеть здесь, рядом с сыном, мило, уютно. Шатер разросшейся сирени укрывает ее от палящего солнца, а теплый ветерок, унося влагу недавнего дождя, омывает запахом хвои близкого соснового леса. Посидев еще немного, она вновь оглядывает могилку – все ли в порядке

– и идет к мужу.

Могила мужа еще не заросла травой, вокруг холмика еще стоят венки из искусственных цветов. Живые цветы давно завяли и засохли, и она собирает их, чтобы выбросить по пути домой. Анна Петровна бездумно смотрит на фотографию своего Антона, потом в ней что-то пробуждается. Она деловито обходит могилу, трогает крашеное железо памятника.

– Это надо красить каждый год, а иначе долго не простоит, – тихо рассуждает она. – Вон, недалеко от могилки Коленьки, такой же памятник. Восемь лет прошло, а памятник весь ржавчиной покрылся, и гробничка совсем сгнила – некому красить. Если я умру, то и этот памятник сгниет. – Щупает жесть пирамидки. – Тонкая. Нужно каменный памятник поставить, хотя бы такой, как у сына, чтобы долго стоял. Это мой долг. Долг памяти. – Оглядывает соседние могилки. – Почти все из мраморной крошки. Интересно, сколько сейчас стоит такой памятник?

Здесь, на могиле мужа, она старается не думать о деньгах, которых у нее все равно нет – это знать ему незачем.

Домой пришла поздно и сразу легла спать – устала.

Заглянула соседка, баба Маня, значительно старше ее, но довольно крепкая на вид и, как всегда, веселая и пьяная – гнать и продавать самогон дело прибыльное.

– Анюта, пойдем, посидим на кухне. Поужинаем, выпьем – тоска пройдет.

– Спасибо, но я не хочу, – тихо ответила Анна Петровна.

– Ну, как скажешь, – соседка закрыла дверь.

Мысль о деньгах на памятник не давала долго уснуть. Даже во сне, словно наяву, перед ней проходили люди, знакомые и незнакомые, с деньгами и без. И где-то вдали стоял муж, – это она знала точно, – и укоризненно качал головой. Она не слышала, что он говорит, но знала, что он ее не одобряет. Она помнила, что он, уже зная, что скоро умрет, говорил ей, чтобы она не тратилась на похороны, на памятник – зачем он ему, мертвому? Но он не прав: памятник ему, но не для него. Это память о нем, и она должна быть долгой.

Проснувшись, Анна Петровна уже знала, где возьмет деньги, вернее, попросит, и надеялась, что не откажут. Незадолго до обеда она подошла к хорошо знакомому ей дому, где в их бывшей квартире сейчас расположился один из офисов фирмы Коркина. Окно комнаты, где когда-то жил Коля, превратилось в дверь, к которой вела прямо с улицы лестница, изогнутая полукругом. На небольшом крылечке стоял верзила в темном костюме, в белой рубашке и в галстук. Она поднялась по ступенькам, держась за черные, блестящие перила. Охранник сделал шаг навстречу высохшей, плохо одетой, но еще держащейся прямо, старухе.

– Бабуля, здесь не магазин. Здесь офис. Контора. Понимаешь?

– Понимаю. Мне нужен хозяин этого офиса, Коркин Владимир Митрофанович. Скажите ему, что пришла Анна Петровна Кружинская. Он знает.

Охранник недовольно посмотрел на нее, подумал и позвонил по телефону. Получив указание, он еще раз оглядел ее и сказал:

– Пройдите по коридору и в последнюю дверь направо. Он ждет вас. – Посторонился, пропуская ее в комнату Коли, из которой был сделан небольшой холл.

«В нашей спальне сидит», – отметила она и вошла в коридор. Как здесь все изменилось. Стены с бумажными обоями, которые они с Антошей сами выбирали и сами наклеивали, исчезли. Все вокруг было отделано пластиком, все сияло и слепило глаза. Знакомым коридором – четырнадцать ее шагов – она дошла до дверей своей комнаты. Стоящий в коридоре молодой человек открыл дверь и знаком показал: входите. Комната оказалась непривычно большой. «Они убрали перегородку между нашей комнатой и родительской», – не сразу сообразила она. Навстречу встал из-за стола Коркин.

– Здравствуйте, Анна Петровна. Рад вас видеть, – говорил он, усаживая ее в кожаное мягкое кресло. – Не узнаете квартиры? Надо признаться, что ребята немного похулиганили и очень сильно изменили ее.

Анна Петровна молчала.

– Как ваше здоровье? Как здоровье мужа? – продолжал расспрашивать Коркин.

Анна Петровна по-прежнему молчала, придавленная великолепной отделкой комнаты под цвет светло-коричневого дерева. Но сквозь это великолепие она просматривала неза-

мысловатый рисунок бежевых обоев на стенах комнаты, где они прожили с мужем тридцать два года, а она всю свою жизнь. Восемнадцать лет с ними вместе жил их Коля и уехал отсюда, чтобы умереть. И Антоша скончался не в родном доме. А она, теперь нищая, пришла в этот дом просить. Она никогда не занимала денег, а сейчас она должна просить, как милостыню, потому что отдать их она не в состоянии.

– Что вас ко мне привело? – донеслись слова Коркина сквозь воспоминания.

Она оторвала взгляд от стены, у которой когда-то стояла их кровать, посмотрела на него.

– Владимир Митрофанович, я пришла попросить у вас денег на памятник мужу.

– Сочувствую вам, – начал было Коркин, но она подняла руку – не надо.

– У меня никого здесь не осталось, – продолжила она. – Я тоже скоро умру, и о его могиле некому будет позаботиться.

– Ну что вы говорите, Анна Петровна, – он встал из-за стола и сел напротив. – Вы еще поживете.

Ему было неловко, и он уже стал досадовать на то, что согласился ее принять. Но начинающаяся предвыборная кампания, к которой он усиленно готовился, заставляла смиряться с такими визитерами.

– Деньги, конечно, я вам дам. Устанавливайте памятник мужу, а сами живите еще долго, – он хотел добавить, что надеется и на ее голос на выборах, но решил, что в данной си-

туации это будет перебор. – Сколько вам?

Он вытащил из стола пачку денег и отсчитал названную сумму.

– Этого, я надеюсь, будет достаточно?

Анна Петровна молча кивнула – ей лишнего не надо.

– Возвращать не надо, – добавил он, отдавая деньги.

Не ожидая, что она так быстро получит деньги, Анна Петровна с повлажневшими глазами опустилась перед ним на колени, но как только коснулась толстого, пушистого ковра, вместо привычного тонкого, еще не совсем забытого своего, она, словно обжегшись об него, очнулась.

«Что я делаю! Перед кем я упала на колени? Он же воспользовался моим отчаянным положением и ограбил меня. Еще чуть-чуть, и я бы ему ботинки стала лизать».

Она стала подниматься с помощью Коркина.

– Спасибо, – тихо поблагодарила она, – не буду отнимать у вас время.

Анна Петровна направилась к выходу. Коркин шел рядом и на правах хозяина показывал ей комнаты, отделанные пластиком в светлые и темные тона, и что-то объяснял. Но она его не слушала и ничего не видела. В ней поднималась злоба, неведомая ей до сих пор. Злость на Коркина, на власть, на перестройку и свою неустроенность, на свою зависимость от таких, как он, на себя – бросилась на колени перед бандитом.

Коркин проводил ее до выхода и, возвращаясь в свой кабинет, думал, как впредь избежать таких просителей: «Ка-

кая же здесь реклама? Сначала выгнал из квартиры, а затем дал деньги на похороны. Думать, Коркин, надо, прежде чем принимать просителей».

Анна Петровна, выйдя на жаркую улицу из прохладных комнат, постояла на крыльце, унимая озлобление, захлестнувшее ее. Затем медленно пошла домой, бережно прижимая к груди сумочку с деньгами.

На шум открываемой двери вышла соседка.

– Вернулась? – дыхнула она перегаром. – А ко мне зашел знакомый дедок. Сватается, – пьяно хихикнула она. – Смотрины у меня. Пойдем, познакомлю тебя с ним.

Но Анна Петровна отказалась, сославшись на головную боль. Из своей комнаты она еще долго слышала разговоры и песни, доносившиеся с кухни. В голове шумело и звенело, и от гомона, заполнившего всю квартиру, боль усиливалась.

«Мне и здесь не дадут житья, если баба Маня примет к себе какого-нибудь деда», – безразлично подумала она.

Несколько дней Анна Петровна не в состоянии была выходить из дома. Но, как только ей стало лучше, она тотчас поехала в мастерские заказывать памятник и оградку. Когда она узнала, сколько должна заплатить, то растерялась: денег, так позорно выпрошенных, не хватало.

– Как же так, ведь я совсем недавно узнавала: цены были совсем другие, – слабо возмущалась она в окошко.

– Цены постоянно растут, – невозмутимо отвечали ей. – К тому же вы, наверное, узнавали про стоимость только па-

мятника, а ведь на него надо прикрепить фотографию, доставить к месту, установить и то же самое с оградой.

– Но ведь у меня больше денег нет, – со слезами на глазах жаловалась Анна Петровна.

В окошке помолчали, позвонили кому-то.

– Бабушка, – наконец обратились к ней, – вы посидите здесь, сейчас придет мастер – поговорите с ним.

Мастер, розовощекий здоровяк, весь в цементной пыли, вначале что-то говорил о стоимости, о работе и о каких-то еще затратах, но, видя ее растерянность и слезы, понял: деньги только те, которые она держит в руках.

– Ну, хорошо, бабуся, – он оглянулся по сторонам, – сделаем вам памятник. Рассчитаетесь, когда будет все готово.

Она вышла из конторки, завернула за угол и там, на скамейке, долго плакала от обиды на всех и от жалости к себе.

С памятником дело затянулось: денег было мало, поэтому, как объяснял розовощекий мастер, приходится делать внеурочно и из остающегося материала. Анна Петровна не могла требовать, поэтому она молча соглашалась, глотая слезы обиды. Наконец памятник был готов и установлен на могиле. Выглядел он ничуть не хуже, чем у других, Анна Петровна осталась довольна и в благодарность она к имеющимся деньгам прибавила большую часть недавно полученной пенсии. В тот день она долго была на кладбище, приводя в порядок могилу после установки памятника и мечтая, чтобы ее похоронили рядом с мужем – места, на ее взгляд, хватит. Было

бы кому побеспокоиться.

Дома Анна Петровна стала бывать все реже и реже: дедок действительно решил обосноваться у соседки, и она уже им мешала. Летом можно погулять по городу, лишний раз съездить на кладбище навестить сына, мужа, поговорить с ними. А что зимой? Но об этом она старалась не думать.

Гуляя по городу, она часто, не замечая того, оказывалась на тенистой, от ряда могучих лип, улице, у дома, в котором она родилась и прожила всю свою жизнь. Она хорошо помнила тот субботник, когда все жители вышли на благоустройство улицы. Перед этим разбитую каменную кладку дороги заменили асфальтом, сделали тротуар, а по его краям вырыли ямы, в которые они и посадили тоненькие хрупкие деревца, ставшие сейчас огромными деревьями. Их много раз обрезают, но от этого они становились лишь пышнее и краше. Где-то здесь и липы, которые посадила она – они немного в стороне от ее дома. Сейчас она не могла их выделить из совершенно одинакового ряда разросшихся деревьев – забыла. Вот и ее дом. Она всегда считала его своим, хотя в нем уже ничего ее не было, даже стены в квартире переместились и стали другими, чужими, но этот дом по-прежнему был ее домом. Глаза, неотрывно глядевшие на знакомые окна, подернулись влагой. «Нервы, словно решето, ничего не сдерживают, все наружу выходит», – равнодушно подумала она.

В этот момент к дому подкатил черный, блестящий от лучей солнца – глазам больно – автомобиль. Из него вышел

Коркин в элегантном светлом костюме, и помог выйти из машины молодой женщине в ярко-красном платье. Каштановые волосы, брошенные на плечи, блестели освещенные солнцем. Женщина осмотрелась вокруг, улыбнулась бело-снежной улыбкой, как показалось Анне Петровне, только ей одной. Но эта улыбка вдруг стала превращаться в злую насмешку над ней, над рано ушедшими от нее сыном и мужем, над горем, превратившим ее в старуху. Появившиеся мужчины в темных костюмах, здоровые и веселые, по очереди целовали руку женщине в красном, здоровались с Коркиным, что-то говорили и смеялись, смеялись...

«Вот оно – зло, убившее мою семью. Разве можно смеяться в такое время?» Она стояла, опершись спиной о липу, достаточно далеко от них, и на нее никто не обращал внимание. От дома все еще раздавался веселый смех, а у Анны Петровны в голове нарастал звон, и этот смех только усиливал его, заглушая все остальное – только смех и звон. Улица и дома вокруг стали перекашиваться, все потеряло форму, расплылось; группа людей у входа в офис превратилась в разноцветный медленно шевелящийся ком. Она плотнее прижалась к дереву, закрыла глаза. Так она стояла долго, пока не смолк смех, пока звон в голове не притих. У крыльца давно уже никого не было. Зло ушло ненаказанным. Оно будет продолжать смеяться над ней, над ее сыном и мужем, красиво одеваться, находиться в ее квартире. Нет, этого не должно быть. Ноги сами понесли ее в ненавистную коммуналку. По

квартире разносился запах браги, самогона; на кухне раздавался смех – все тот же издевательский смех. Там, наверное, были гости, и они веселились. Она незаметно прошла в свою комнату, опустилась на стул и долго сидела, пытаясь навести порядок в звенящей голове – не получалось. Мешали смех и разговоры, доносившиеся из кухни, которые переламывались в ее шумящей голове и превращались в смех и разговоры тех людей, у ее дома, людей, причинивших ей горе.

Анна Петровна закрыла уши, сжала голову руками и так сидела, пока звон и боль не отступили. Тогда она вытащила из-под кровати старую, потрепанную сумку. Покопавшись в ней, достала пистолет, напрягшись, попыталась прочитать знакомую надпись: «Награждается Петр Дмитриевич Кружинский...». Буквы сливались, и дальше она не смогла разобрать, да ей и не нужно это было. Она знала, что это именно пистолет отца, который, вопреки всем законам, остался у них. После смерти отца она и Антон, однажды выехав в лес, даже сделали по два выстрела. Затем пистолет затерялся в чемоданах, и вот он снова у нее в руках. Она с трудом вынула обойму – всего один патрон, зарядила и всунула пистолет в давно не закрывающуюся сумку. Выйдя на улицу, она вдохнула воздух без сивушного запаха и направилась в сторону того места, где смеялись люди, виновные в ее горе.

У входа в ее бывшую квартиру не было никого. Она снова остановилась у того же дерева, что и час назад, и стала поджидать. Долго ждать ей не пришлось. Вскоре дверь рас-

пахнулась, и на пороге появилась женщина в красном. Осторожно ступая по отделанным мрамором ступеням, она стала спускаться с крыльца. Рядом в белом шел Коркин, и что-то говорил, а женщина улыбалась. Следом шли мужчины в темных костюмах.

«Вот они, счастливые, выходят из моей квартиры и смеются, – мысли медленно вползали в ее голову. – Несчастья других они не понимают. Им весело. Как можно?».

В голове у Анны Петровны вновь стал нарастать звон и отчетливые предметы, фигуры людей стали превращаться в разноцветные пятна – превращались в зло. Анна Петровна, оттолкнувшись от дерева, направилась к пятнам, пошла к злу. Большим черным пятном подъехала машина, раскрылась дверь, и красное пятно исчезло в машине. Анна Петровна вынула пистолет, направила его в сторону белого и нажала на курок. Выстрела она не слышала. Видела только пламя, вырвавшееся из ствола пистолета. Рука дернулась вверх и в сторону, и пистолет упал под ноги. Черное пятно резко повернулось и сильно толкнуло ее на тротуар к ступенькам. Анна Петровна упала, ударившись спиной о мраморную стену, и осталась так сидеть со счастливой улыбкой на губах, – зло наказано, – наблюдая, как на белом появилось и разрасталось красное пятно, как пятна медленно начали опускаться на тротуар, как к ним бросились другие, черные. Откуда-то выскочили люди и очень больно скрутили ей руки за спиной, другие бросились к белому пятну, которое стало медленно

превращаться в молодого, мужчину с очень бледным лицом и перекошенным от боли ртом.

«Что это с ним?», – подумала Анна Петровна. Это была ее последняя осознанная мысль – снова звон колоколов и боль в голове, и от этой боли все вокруг превратилось в одну серую массу.

2002 г.

Круиз

Она узнала его сразу: те же резкие черты лица, смуглая кожа, черные глаза. Только в черных волосах, и то лишь на висках, появилась седина, и в глазах не было того блеска. Нет, лицо все же изменилось. Появились морщины, на лбу складки. Особенно глубокая над переносицей. Она их не помнила. Да что и говорить: без малого двадцать лет прошло с того, давно забытого ею лета. Но вот она увидела его, и далекое всплыло в памяти со всеми подробностями. Не забыла.

...Утром над Северным портом столицы разносились звуки марша «Прощания славянки» – очередной теплоход уносил отдыхающих из жаркого и дымного города на речные просторы. Марш отгремел. Отливая матовой белизной боков-лепестков распустившегося лотоса, теплоход, разрезая мутные воды реки Москвы, устремился к Волге. Капитан обещал двадцать интересных дней – до Астрахани и обратно.

«И счастливых, если можно», – прошептала тогда она.

К обеду она немного опоздала: первый выход в свет – нужно было подготовиться. Поэтому, когда она появилась перед указанным администратором столиком, среди сидящих за ним произошло небольшое замешательство. Мужчины заерзали на своих местах и привстали, приветствуя ее. Он уступил ей свое место у окна, из которого был виден длинный

пенный след, оставляемый теплоходом.

– Вы такая нарядная, – он смотрел на нее восхищенными глазами, – а мы без фраков.

– Спасибо, – поблагодарила она и оглядела их. «Действительно, могли одеться поприличней».

– Мне что-то не нравится мое место, – тихо возмутилась она после небольшой паузы. – Администратор плохо работает. Вон за тем столом три женщины и мужчина – надо бы поменяться.

– Администратор здесь не причем, – вступил в разговор кругленький, беленький мужчина напротив. – Моя фамилия Савенко, и она подумала, наверное, что я женщина, – захихикал он. – Так что, по ее мнению, здесь две пары.

– А вы не огорчайтесь, – сказал он только ей, – мы будем вас развлекать, будем ухаживать за вами. А там, – он кивнул на тот стол, – все придется делать самой.

– Я вижу, как вы ухаживаете. Никто даже хлеба мне не предложил. Все набросились на еду.

– Ах, извините, – и три руки разом подхватили тарелку с хлебом и поднесли ей.

– Ну, вот видите, – засмеялся он, – я был прав. Эту оплошность нужно отнести на волнение – с такой красивой женщиной за одним столом. Я прав, мужики?

– Да, конечно. Извините нас. Мы действительно немного растерялись. Обещаем – больше не повторится. Теперь все лучшее – вам.

– Ну, если так, то я, пожалуй, останусь.

Ей на самом деле уже не хотелось быть в чисто женском коллективе – достаточно работы. А эти черные глаза! Как они блестят, когда он смотрит на нее.

После обеда он проводил ее. Оказалось, что они из одного города и каюты их почти рядом. Они не договаривались о встрече, но она уже знала, что по Волге плыть они будут вместе. С ней это было впервые, но она отнеслась к предстоящему круизному роману спокойно. Жалела лишь о том, что мечте о тихом и спокойном отдыхе не сбыться. И виной всему эти блестящие черные глаза.

Так оно и случилось. Встречались они за столом ресторана, а затем шли гулять по палубам теплохода, плывущего мимо зеленых берегов, или отдыхали в креслах на верхней палубе, любуясь открывающимися просторами русских равнин, искусственных морей и друг другом.

Ах, как прекрасны были те дни. А ночи! Они любили ночами подолгу сидеть на палубе, прижавшись друг к другу, и наблюдать, как неподвижные звезды, вдруг все разом, начинали убегать то в одну, то в другую сторону, отслеживая крутые повороты реки. Августовское небо темное, и звезды яркими, гранеными алмазами висели над головами. И падали, падали.

Потом они перестали расставаться и на ночь.

...Ей вдруг показалось, что она и сейчас ощущает прикосновение его рук. Она даже сделала невольное движение

головой, словно потерлась щекой о его руку, ласкающую ее. Она вздрогнула и снова посмотрела на него, на его руки, волосы. Лица не было видно: он стоял к ней спиной. Стоял и не знал, что сзади та, с которой он проводил такие восхитительные ночи. По крайней мере, так он говорил. Он всегда много говорил, шутил – ей это нравилось. Его слова ласкали слух, а руки – тело.

Эти ночи она запомнила на всю жизнь. Она отдавалась ему с неведомой ей до этого страстью. Она даже не подозревала, что способна на такое. Это было какое-то умопомешательство.

– Это от безделья и свежего воздуха, – он смеялся.

– Нет, милый, это от любви к тебе, – серьезно возражала она.

Тогда она не могла разобраться в своих чувствах – любовь это или действительно свежий воздух. Любовь определить можно лишь в разлуке, а когда все время вместе и тебе хорошо – это еще ничего не значит. Но слова любви они шептали друг другу часто. Ночами они спали мало, урывками. Иногда утром он даже не ходил на завтрак, и она, немного стесняясь, – хотя об их отношениях уже все знали, – брала бутерброды со стола, и они пили кофе в каюте. На них никто не обращал внимания: она разведена, он неженатый – чем не пара? В начале знакомства она часто пыталась представить его в качестве мужа, – каков он? Но потом все это ушло и осталось только ожидание новой встречи.

Ночью звезды любовались только ими, днем солнце светило только для них, теплоход, плавно покачиваясь на волнах, убаюкивал их, уставших от любви, – что еще нужно женщине, у которой не совсем счастливо сложилась жизнь?

Днем они, как молодожены, взявшись за руки, гуляли по палубам, на «зеленых стоянках» купались в мутных волжских водах, но на экскурсии не ездили – слишком утомительно. Очень радовались дождю, тогда никто их ни на какие мероприятия не приглашал – можно было закрыться в каюте и днем.

Все хорошее кончается быстро; они были по-настоящему поражены и расстроены, когда впереди показались высокие дома северной окраины Москвы. Тогда она еще не знала, что вместе быть им осталось меньше суток: полдня в Москве и ночь в поезде.

За все время круиза они ни разу не говорили о своих будущих отношениях вне теплохода. Она была уверена, что, приехав домой, они будут продолжать встречаться – такое счастье не может так просто оборваться. Волнение пришло уже в поезде, когда подъезжали к родному городу: он стал молчаливым. Потом вдруг сказал:

– Знаешь, нам не надо вместе выходить из вагона. Меня будут встречать родные, и я пока не хочу знакомить их с тобой.

– Но почему? – она пыталась поймать убегающий его взгляд. – Я ведь ни на что не претендую, – выдавила она из

себя.

– Тем более не надо. Я все утрясу и позвоню.

Встречала его молодая красивая женщина. Одна. Долгий поцелуй.

Оставшись в вагоне, она хорошо видела, как он, целуясь, искал ее испуганными глазами. Долго тогда стояла она у окна, глотая слезы, пока проводник не попросил ее покинуть вагон.

Вот тогда она поняла, как он ей дорог, и с ужасом представила себя одну, без него. Но еще была надежда: утрясет, позвонит.

Не утряс. Не позвонил.

Она ждала его долго. Страдала без него. Надеялась, что он может поинтересуется – как она одна, без него?

Не поинтересовался.

Потом она узнала, что беременна. Страх, обида, радость – все было, но без него. Бывший муж был против детей, а ей очень хотелось иметь ребенка. И вот весна подарила ей двух девочек-двойняшек. Сколько трудов и здоровья потребовалось, чтобы их вырастить. Хотя родители и помогали, но девочки росли без отца. Дочки да квартира, которую ей дали как матери-одиночке с двойняшками остались на память от него. Замуж не вышла – кому нужна она с двумя детьми? Несколько раз она пыталась разыскать его, порадовать, но всякий раз женский голос заставлял ее опускать трубку телефона.

Так вот и вырастила дочерей без отца – уже в невестах ходят. А его она совсем забыла – даже отчество дочерей ей ничего не напоминало. И если бы не эта случайная встреча...

Как бы сложилась ее жизнь, если бы тогда она его разыскала? Но она не стала это делать: дурацкий характер – не доставлять людям неприятностей. Интересно, если бы он сейчас обернулся, узнал ее и предложил вновь встречаться. Согласилась бы она? А зачем? Ведь он не позвонил, не разыскал – значит, она ему не нужна.

Автобус подъезжал к очередной остановке.

– Вы не выходите? – взгляд черных глаз остановился на ее лице.

Она смотрела на забытые, но знакомые черты его лица, глаза, волосы. Как давно она их не видела.

– Вы что, не слышите? – раздражение в голосе.

Она грустно улыбнулась и молча отступила, давая ему пройти. Он не слишком вежливо протиснулся в узком проходе между ней и рядом кресел и, ворча под нос что-то о тупых людях, пошел к выходу.

Повернувшись к окну, она тихо вздохнула и несколько раз моргнула, осушая глаза от навернувшейся слезы обиды – размечталась.

Автобус двинулся дальше привычным маршрутом.

2006 г.

Местъ Немезиды

I

Студенческий вечер факультета романо-германской филологии был в самом разгаре. Здесь был девичий рай: блондинки, брюнетки, шатенки и даже с разноцветными волосами; худенькие и не очень; высокие и совсем маленького роста; у каждой – прическа, макияж, платье, идущее только ей и никому больше. Куда ни кинь взгляд – везде одни красавицы. Но кавалеров в этом Эдеме всегда не хватало, поэтому ребята с других факультетов университета были здесь желанными гостями. Пришедшие сюда в первый раз обычно терялись, не зная на ком остановить свой выбор. Но постепенно они привыкали к блеску, и он уходил на второй план: при более близком знакомстве вольно или невольно учитывались и другие качества. Но вначале был блеск.

Юрию, одному из пришедших на вечер студентов-физиков, здесь все понравилось с первого посещения, и не потому что его сразу пленил полумрак зала, бег зеркальных зайчиков, свет разноцветных прожекторов и обилие красивых, нарядно одетых девушек, а потому что он сразу же влюбился в стройную, среднего роста брюнетку. В первое посеще-

ние он увидел ее, когда она стояла с подружками у стены и с показным равнодушием рассматривала проходящих мимо ребят. Томный, немного ленивый взгляд темно-карих глаз, брошенный на него, он заметил и больше забыть не мог. Тогда он не решился подойти к ней: Юрий трудно знакомился с людьми, особенно с красивыми девушками. К тому же, возле девушек постоянно вертелся прыщеватый, долговязый юноша, который, полусогнувшись, что-то рассказывал им, бегая глазами по залу.

И вот он снова здесь и ищет ее. Она с подружками стояла у той же стены, что и в прошлый раз. Пропустив несколько танцев и убедившись в том, что она танцует только с подружками в кругу и что из ребят никто на нее не претендует, он решил действовать. Дождавшись медленного танца, он подошел к группе весело болтавших девушек.

– Разрешите пригласить вас, – негромко сказал он и протянул ей руку.

Хотя голос был тихий и обращен только к ней, его услышала вся группа, и разговор сразу оборвался. Все, кто открыто и смело, а кто незаметно, стали его рассматривать. Юрий всегда стеснялся, когда его оценивали вот так открыто, хотя и знал, что смотрится хорошо: выше среднего роста, неплохо сложен, светлые, слегка выющиеся волосы, серые глаза. Она тоже осмотрела его своими большими темными глазами, обрамленными черными, длинными и густыми ресницами. Лицо выразило легкое недоумение, темно-розовые губы снис-

ходительно улыбнулись. Оглянувшись на подруг, она вновь повернулась к Юрию уже с тем томно-ленивым выражением, которое не только не портило ее лица, а даже наоборот, делало его более привлекательным. Чуть заметно кивнув головой, она вышла из круга. Он пропустил девушку вперед и пошел следом. Стройность ее фигуры подчеркивал хорошо сшитый темный брючный костюм. «Как она хороша», – подумал Юрий, когда она остановилась и повернулась к нему. Танец был медленный, и можно было танцевать и разговаривать. Они познакомились – ее звали Таней.

– Таня, Татьяна, – повторил он вслед за ней, так как другие слова на ум не приходили.

– Обычно говорят, что имя хорошее или красивое, – подсказала она, глядя поверх его плеча в зал. – Вы не хотите это сказать?

– Да, да. Очень красивое имя, – покраснел Юра и снова замолчал.

– Знакомясь со мной, многие ребята при этом говорят: «Итак, она звалась Татьяной», – продолжала она и стала с наигранным любопытством разглядывать Юрия.

– Это Пушкин сказал, – ничего другого он не мог придумать.

– О, вы даже знаете, кто это сказал? – удивилась Таня.

– Я даже знаю, что он еще сказал: «Ни красотой сестры своей, ни свежестью ее румяной не привлекла б она очей...», – не задумываясь о последствиях, сказал он.

Таня удивленно посмотрела на него, забыв о своем имидже томного безразличия, и от этого она показалась Юрию совсем маленькой и милой девочкой.

– Это вы про меня? – Лицо вновь приняло выражение непроницаемости и отрешенности. – Спасибо за комплимент.

До него дошло, что он сказал глупость, и он снова покраснел – как он ненавидел свою способность краснеть по всякому поводу!

– А вообще... I do not have interest what Pushkin was told about Tatiana. But you are not polite.¹ Ох, простите, заучились мы здесь.

Юра не понял, что она сказала. Немного помолчав, он ответил распространенной в их среде шуткой:

– Ничего страшного, даже криволинейный интеграл не может точно детерминировать конформное отображение функции, а метод триангуляции – параллакс звезд.

Выслушав эту тираду, она открыто улыбнулась, сверкнув ослепительно белыми зубами, и сказала:

– Ну вот мы и нашли общий язык.

От этих слов и улыбки неловкость и скованность Юрия сразу пропали, он расслабился и несколько пасделал в более быстром темпе. С лица Тани сошла напускная томность и перед Юрием была красивая девушка с милой улыбкой и блестящими в лучах прожекторов глазами.

Они прекрасно провели вечер, почти не расставаясь, а по-

том он ее проводил до общежития – она была из другого города.

II

Прошло более полутора лет со дня их знакомства. Сегодня Юра спешил с работы домой: Таня прийти обещала. Он быстро навел порядок в квартире, застелил кровать, помыл скопившуюся за несколько дней посуду, вытер пыль там, где она была видна. Пылесосить он не решился: долго и хлопотно, а времени оставалось мало – успеть бы принять душ и выгладить рубашку. После трагической гибели его родителей в горах, а затем смерти бабушки он, не считая дальних родственников, остался один, и все домашние работы лежали на нем.

Но вот он готов и ждет прихода Тани. Вскоре раздался звонок, и через несколько секунд он уже обнимал Таню в прихожей. Она как всегда была одета нарядно: работа секретарем и переводчицей обязывала. Сегодня на ней был черный с белой отделкой костюм, в котором она выглядела очень эффектно. Проходя в комнату, она говорила что-то нелестное о своем начальнике, о бессовестных поставщиках, о том, что это все ей порядком надоело, – обычные слова женщины после работы. Отправив ее мыться, Юрий накрыл стол на кухне.

Таня вышла из ванной в тонком халате.

– Ты при параде, а мне не хочется надевать эти надоевшие

до чертиков костюмы. Можно, я останусь в халате?

– Конечно, можно. Тебе все можно. Можно даже без халата – это будет прекрасно!

1

– Нет уж, ужинать я буду в халате.

Таня потуже затянула поясок и уселась на свое привычное место на диванчике, поджав под себя ноги.

– Усаживайся поудобнее: сейчас будем пировать, – говорил Юрий, открывая бутылку вина. – Вот, готово. Можно приступать к трапезе. Ты извини, на большой подвиг я не способен. – Он показал рукой на стол с бутербродами и нарезанной колбасой. – Конечно, можно было рискнуть и что-нибудь приготовить, но я не решился.

Они принялись за еду, перебрасываясь редкими фразами.

– Да, Юрочка, хозяйка тебе нужна, а то ты гостей встречаешь колбасой да сыром. И сам язву заработаешь смолоду.

– Я уже сколько прошу тебя: «Будь хозяйкой в этом доме», – но ты не соглашаешься.

Действительно, Юра, влюбленный в Таню с первой встречи, уже не раз официально и не официально делал ей предложение, но она, позволяя ему все – вот и сейчас она остаётся у него на ночь, – замуж за него не торопилась.

«Куда спешить? – говорила она. – Нам с тобой и так хорошо».

– Таня, если не хочешь замуж, то переходи ко мне жить.

---

¹¹ Мне не интересно, что говорил Пушкин о Татьяне. Но вы невежливы. (Англ.)

Ты где-то у черта на куличках снимаешь комнату, а у меня трехкомнатная квартира без хозяйки, – снова уговаривал ее Юра.

Но на этот раз Таня неожиданно согласилась.

– Хорошо, я перееду к тебе, но с женитьбой – повременим. Я не могу понять почему тебе так хочется обзавестись семьей? Жена – это такая обуза, а тебе почему-то не терпится ее заполучить.

– Когда мы поженимся, то я буду точно знать, что ты моя, а так нас может разлучить малейшая ссора. Говорят, что штамп в паспорте ничего не значит. Может, штамп ничего и не значит, но он накладывает какие-то обязательства, и прежде чем разойтись, мы должны будем подумать. А без регистрации думать не надо – встал и ушел, – говорил Юрий уже много раз продуманные им слова.

– Получается, что ты мне не доверяешь. – Лицо Тани приняло обиженное выражение.

– Нет, ты же знаешь, что это не так. Я люблю тебя, а как можно не доверять человеку, которого любишь? Но ты не хочешь выходить за меня. Почему? – Юра подсел к Тане, обнял ее за плечи.

Не меняя позы, она положила голову ему на плечо. Волосы источали чуть сладковатый запах неизвестных ему духов.

– У тебя новые духи, – он зарылся всем лицом в ее волосы и несколько раз глубоко вдохнул дурманящий аромат.

– Это по случаю удачной сделки мне презент поднесли.

– Кто же это такой щедрый? Духи, наверное, дорогие? – спросил Юра, поглаживая и пропуская сквозь пальцы ее волосы.

– Коммерческий директор расщедрился, – с безразличием ответила Таня.

– Ваша фирма, видимо, процветает, – Юрий отстранил голову от ее волос.

– Нет, что ты? Дела идут неважно. Но это, говорят, из-за того, что фирма молодая и мало денег в обороте. Вот наладим связи с заграницей – тогда другое дело. Но мне кажется, что сейчас только жулики быстро богатеют, а мы не такие, – она улыбнулась, выпрямилась и, отстранив Юру, принялась поправлять прическу.

Пока она занималась своими волосами, он любовался движением ее рук, изгибами ее тела под тонкой тканью халата, меняющимся выражением совсем юного лица: оно становилось то серьезным, то недовольным чем-то, то вдруг озарялось мгновенным счастьем и вновь что-то тревожило его. Таня не обращала на Юру никакого внимания: для нее сейчас ничего не существовало – только прическа. Подождав, когда она оформит растрепанные им волосы в кокетливую прическу, он спросил:

– Ты не ответила на мой вопрос: почему ты не хочешь выйти за меня замуж?

– Сложные ты вопросы задаешь, Юрочка, – вздохнула Таня и погладила его по щеке. – Вот ты говоришь, что любишь

меня без памяти, что жить без меня не можешь, что все время только и думаешь обо мне, о нашей встрече, а я – мне даже стыдно в этом признаться – часто даже не вспоминаю о тебе. Мне с тобой хорошо, уютно: ты такой ласковый, милый. Я уж не говорю о том, какой ты красавец.

Она, замолчала, грустно глядя на него, взяла его большие ладони в свои, прижалась к ним мягкой, теплой щекой.

– Но, Юрочка, я могу жить без тебя, я иногда даже забываю, что мы договорились встретиться, а потом несую всякую чушь в оправдание. Нет, бывает, что мне очень хочется встретиться с тобой, заниматься с тобой любовью, хочется просто вот так посидеть рядышком. Но иногда тебя просто нет. Не знаю почему, но так бывает. Я начинаю себя ругать, корить за это, но угрызений совести я не испытываю. – Она снова вздохнула. – Вот видишь, какая я.

Таня подняла голову, виновато посмотрела на него, отпустила его руки и подошла к окну. Бросила короткий взгляд в каменный колодец двора и обернулась к притихшему Юрию.

– Ты прости меня, Юрочка, за эти откровения. Это когда-то надо было сказать.

Юрий резко встал, подошел к Тане и дрожащими руками сжал ей плечи.

– Но ты же сама сказала, что так бывает только иногда. Не всегда же. Ведь бывает так, что тебе хочется побыть со мной? Нужно только время, и ты полюбишь меня, так как я тебя люблю. И все будет прекрасно. – Серые его глаза подо-

зрительно заблестели и в них стали ярче отражаться огоньки соседних домов. – Я уверен, что ты полюбишь меня. Нужно только время, – повторил он, не отпуская ее.

Она покорно стояла перед ним, глядя ему в глаза.

– Конечно, конечно, – быстро произнесла она. – Поэтому я и согласилась пожить у тебя. Будем больше вместе – процесс пойдет быстрее, – она улыбнулась ему своей обворожительной, завлекающей улыбкой.

Уже потом, лежа в постели, Юрий продолжил тему.

– Мы будем каждый день ложиться спать вместе и вместе просыпаться. Утром выходные дни я буду подавать тебе кофе в постель – тебе же нравится «кофе в постель?» А ты будешь меня кормить завтраком и ужином. Ты что умеешь готовить? Яичницу? О! Это мое любимое блюдо. Я ее могу есть круглые сутки. И ем. – Он счастливо засмеялся, потому что кроме яичницы он действительно себе больше ничего не готовил.

Она лежала с закрытыми глазами, пытаясь представить их совместную жизнь. Конечно, она могла приготовить не только яичницу: живя в чужом городе в общежитии, она научилась стряпать еду из любого «подручного и подножного материала», который девчата могли приобрести на свою скудную стипендию. По ведению хозяйства у нее вопросов не возникало. Ее волновало другое: сможет ли она быть верной женой этому милому, но беззащитному человеку. Ее всегда влекло, в отличие от Юрия, в шумные компании, на вече-

ринки, которые устраивали ее друзья, знакомые. Ей нравились знаки внимания, которые ей оказывали мужчины; приятно было сознавать, что она молодая, привлекательная и что мужчины бывают от нее без ума, пусть хотя бы на один вечер. Иногда она позволяла уговорить себя провести с кем-нибудь ночь. Но это все было несерьезно. Эти короткие романы она забывала быстро и часто даже вины перед Юрием не чувствовала. Как поведет он себя, когда все это откроется?

А здесь еще на фирме, где она работала, появился новый коммерческий директор Игорь Николаевич: черноволосый, темноглазый, с тонкими чертами лица, с фигурой стайера. Тридцать два года, но уже разведенный – такого от женщин не скроешь. Немного освоившись и оглядевшись, он заметил ее и теперь старался всячески обратить на себя ее внимание. Вот и эти духи подарил – зачем она их приняла? Такой тип мужчин ей не нравился, и его настойчивость смущала и пугала ее. Вот почему сегодня она согласилась жить у Юрия в надежде, что это укрепит их отношения и позволит устоять перед напором энергичного Игоря Николаевича.

– Вечером я буду встречать тебя у «проходной», и мы вместе пойдем или домой, или в кафе, или просто гулять, – Юра продолжал устраивать семейную жизнь. – Тебе не надо будет ездить каждый день в автобусе туда-сюда – через десять минут мы будем дома.

– А ты знаешь, теперь я какой-то маленький кусочек сча-

стья потеряю, – она отогнала беспокойные мысли. – Ты не представляешь, как это распрекрасно, когда зимой намерзнешься, ожидая этот проклятый автобус, а затем войдешь в него, сядешь у окна и целых полчаса смотришь на зимний, продрогший город; в автобусе тепло, уютно, и даже шум пассажиров не мешает тебе блаженствовать и мечтать о теплой ванне, диване, чае. Вот. А теперь этого маленького счастья не будет. – Таня грустно вздохнула и прижалась к Юрию плотнее.

– Нечего, не переживай. Я могу тебе это счастье удвоить, – Юра обнял ее за плечи. – Мы можем после работы каждый день мерзнуть, ожидая это проклятый автобус, потом сядем в него – ты у окна – и поедem туда, а затем обратно.

– О, дорогой, ты настоящий друг! Так мы и будем делать, – она счастливо засмеялась, перевернула его на спину, уселась на него верхом. – Но это потом, а сейчас займемcя делом.

– Куда ты спешишь? У нас теперь все ночи впереди, – Юра прижал ее к себе, поцеловал.

– Летом ночи такие короткие.

III

Прошло больше месяца с того дня, как Таня переехала жить к Юрию. Игорь Николаевич, вопреки ожиданию, не очень часто напоминал о себе. Лишь изредка, и чаще всего по работе, он подходил к ее столу, здоровался, говорил дежурные слова, давал ей задание.

Вот и сегодня в начале рабочего дня он подошел к столу Тани и положил кипу разноцветной бумаги.

– Доброе утро, Таня. Ты сегодня прекрасно выглядишь.

– Доброе утро, – она взяла листы, не поднимая на него глаз. – Спасибо, я всегда так выгляжу, – немного пококотничала она.

– Да нет. Сегодня ты какая-то особенная. Ты вечером свободна? – тихо спросил он.

– Нет. У меня теперь все вечера заняты, – она заставила себя посмотреть на него.

Игорь Николаевич, улыбаясь, смотрел на нее черными, пронизывающими глазами. Он улыбался, а глаза нет. «Надо же иметь такие глаза, – подумала она. – Насквозь прокалывают – даже страшно».

– Ясно. Вечером занята, тогда пообедаем вместе, – словно приказал. – А сейчас займись переводом вот этих проспектов, – он кивнул на принесенную стопку бумаги. – Постарай-

ся до конца недели закончить.

Игорь Николаевич повернулся и ушел, а Таня еще долго неподвижно сидела перед сине-красно-зелеными листочками, пытаясь отогнать мысли о нем и перестроиться на работу. Несколько раз она пыталась приступить к переводу, но предстоящий обед и – она это знала точно – разговор не позволяли ей сделать это. Она боялась этого разговора, боялась Игоря Николаевича, но в то же время ей хотелось встретиться с ним.

– Глупости все это, – почти вслух сказала она. – Я себя боюсь, а не его.

Обедали они в небольшом кафе, расположенном недалеко от их офиса. Игорь Николаевич заказал себе полный обед, – хотел сегодня подольше поработать, – она – второе и на десерт мороженое. До десерта говорили о работе, о проблемах и перспективах фирмы. Когда принялись за мороженое, он, положив свою прохладную руку на ее ладонь, сказал:

– Таня, ты мне очень нравишься. Выходи за меня замуж.

Таня не одернула руки, а лишь немного напряглась всем телом. Она ожидала разговора о другом, готовилась к другому предложению, поэтому от неожиданности она некоторое время молчала. Он терпеливо ждал, глядя на нее. Она не умела и не любила быстро принимать решения, а сейчас времени на обдумывание не было.

– Я не могу, Игорь Николаевич, – наконец проговорила она и осторожно высвободила руку из-под его ладони, – у

меня есть жених, – она впервые назвала Юрия женихом.

– Я знаю. Мы у кого-то на дне рождения познакомились. – Он ложечкой брал большие куски мороженого, отправлял в рот и, почти не задерживая во рту, проглатывал. – Будем считать, что я не слышал твоего ответа. Я тебя не тороплю. Ты все обдумай и реши, какой муж тебе нужен. Я бы советовал остановить свой выбор на мне.

На его смуглом, гладко выбритом лице была улыбка, но темные, холодные глаза, пристально глядевшие на нее, были серьезными.

«Они, наверное, не могут улыбаться», – подумала Таня.

Он уже съел свое мороженое и молча смотрел на то, как она медленно снимает с поверхности подтаявший слой мороженого и долго держит его во рту. Мороженое было вкусным, и ей хотелось его съесть все, но быстро есть она не хотела – не то наслаждение, – а он неотрывно смотрел на нее. Таня слегка вздохнула и отодвинула от себя креманку.

– Больше не хочу, – сказала она, вытирая салфеткой губы. – Очень сладкое.

Он понял свою оплошность и попытался исправиться.

– Ты доедай, а я пойду куплю сигарет.

Но ритуал наслаждения мороженым уже был испорчен. Она поднялась и пошла в туалет: привести себя в порядок. Встретились они у выхода. По дороге говорили обо всем, но только не о сделанном им предложении. Лишь у самых дверей офиса Игорь Николаевич остановился, взял ее за руку и

повторил то, что уже говорил в кафе:

– Не торопись с выбором, все обдумай, загляни в будущее. Я надеюсь на положительный для меня ответ.

Таня на этот раз промолчала.

В этот день работа не ладилась. Все мысли были заняты Игорем Николаевичем и Юрой. Она сравнивала их между собой, думала о каждом в отдельности, снова сравнивала. Единственное, что она точно определила, так это то, что ни Юру, ни Игоря Николаевича она не любит. К милому, ласковому Юрочке она привыкла, и ей хорошо с ним. За прошедшие полтора года она достаточно хорошо его узнала и была уверена в том, что он ее любит, что он без ума от нее.

Игоря Николаевича она почти не знала, но перспективы его роста, его амбиции она видела. Она не привыкла купаться в роскоши, но все же... А что касается его взгляда, то к нему можно привыкнуть.

«Но ведь он даже не сказал, что любит меня. Юра постоянно об этом говорит, а он: «Ты мне нравишься». И все. Я, наверное, не смогу его никогда полюбить. Он какой-то сухой и душой, и телом, и руки у него холодные. Такие люди часто бывают злыми. А Юра такой теплый, славный. Придет время, и я по-настоящему полюблю его, а возможно, я его люблю и сейчас. Только я не понимаю, что такое любовь».

Вот с такими мыслями Таня пыталась переводить проспекты с английского языка на русский. Игорь Николаевич несколько раз проходил мимо, но ни разу не взглянул на нее,

ни разу не подошел к ней. Она понимала, что работа есть работа, но было обидно: только что сделал предложение выйти за него замуж и после этого ни разу не взглянул на нее. Она представила Юрия на его месте: несмотря ни на что он подошел бы к ней, положил руки ей на плечи или просто спросил бы о чем-нибудь. Таня вздохнула – Юрий перевешивал. Но она почему-то не была этому рада. Она еще раз вздохнула и решила: «Нет, никаких Игорей – только Юрий, Юрочка. – Подумала немного. – Юрий, Юрочка. Погадать хотя бы на ромашке, чтобы потом себя не корить».

IV

Юрий встретил Таню недалеко от офиса, поцеловал, взял ее под руку и они пошли погулять в парк. Середина сентября – пора бабьего лета. Погода действительно стояла полетному теплая, солнечная. Лишь слегка пожелтевшие и покрасневшие на деревьях листья говорили, что настоящее лето ушло, а наступившее бабье лето короткое – две недели, не более. Но об этом никто не думал, и все наслаждались теплыми днями, гуляли в парках и скверах города, выезжали в леса. Листья еще не опадали, лишь клены изредка бросали под ноги прогуливающимся свои тяжелые багрово-желтые листья, которые тут же подбирали посетители парка и составляли яркие букеты. Собрали такой букет и Таня с Юрой. Юра был весел и счастлив, что нельзя было сказать о Тане.

По дороге домой они зашли в магазин купить что-нибудь на ужин

– Юрочка, давай купим шампанского и устроим праздник.

– В честь чего праздник? – поинтересовался он.

– Потом скажу. Пока это секрет. – Таня, насколько смогла, загадочно улыбнулась.

Магазин не лучшее место для объяснений, да и беспокойство не оставляло ее. Обычно, когда человек делает выбор, он успокаивается. Значит, она еще не сделала своего выбора.

– Потом скажу, – повторила она после короткой паузы, – а сейчас давай раскошеливайся на шампанское и конфеты. Парочку апельсинчиков добавь.

Истратив приличную сумму денег на покупки, они наконец добрались до дома. Умывшись и переодевшись, они принялись накрывать «праздничный стол». Вскоре все было готово, они чинно уселись друг против друга, и Юрий открыл шампанское.

– Давай вначале выпьем за нас с тобой, – подняла бокал Таня. – За любовь.

Немного закусив, Юрий налил еще по бокалу.

– Я догадываюсь, какое событие ты решила отметить.

Таня удивленно посмотрела на него.

– Какое?

– Сегодня исполняется полтора года со дня нашей первой ночи, – он засмеялся нечаянному каламбуру.

– Ты помнишь это?

– Конечно, я отлично это помню.

– Ну ты тогда должен помнить, что это был вечер, и вся наша «первая ночь» длилась один час, на который я попросила подруг оставить нас с тобой одних. Вспомнил? – Таня смотрела на него, улыбаясь.

– Все равно это было прекрасно, и я благодарен тебе за это. – Немного помолчал. – Тогда в честь чего этот праздник? – он кивнул головой на стол.

– Сейчас скажу, – Таня слегка пригубила бокал. – Ты еще

не раздумал брать меня в жены?

Все же она решилась на этот шаг и теперь с грустной улыбкой смотрела на Юрия. Он несколько мгновений молчал, потом поставил бокал, встал, подошел к ней, взял ее за руки и опустился на колени.

– Тенечка, ты согласна? Да?

Она молча кивнула головой. Кивок получился слабым, вымученным, но Юрий не обратил на это внимания.

– Я счастлив, – радостно говорил он, целуя ей руки, губы, лицо. – Это действительно праздник. Давай скорее выпьем, чтобы закрепить наш союз.

Они выпили, поцеловались. Счастливый Юра вытащил Таню из-за стола и начал кружить ее по тесной кухне.

– Разрешите представить, – обратился он к невидимым собеседникам, – моя жена Таня, Татьяна Павловна Наумова. Ты слышишь, как это звучит? Моя жена, – он сделал паузу. – Прекрасно звучит!

Таня поддалась его настроению, повеселела и по-настоящему была счастлива. Сомнения в правильности выбора отпали – они будут счастливы.

V

В пятницу, после обеда к Тане подошел Игорь Николаевич узнать, как идут дела с переводом проспектов. Работа была выполнена, и Таня еще раз проверяла точность перевода.

– Вот, пожалуйста, все готово. – Она протянула ему две стопки: оригиналы и переводы.

Он взял их, быстро просмотрел и поблагодарил за работу.

– А как насчет моего предложения? Ты подумала? – спросил он Таню, присаживаясь к столу и продолжая просматривать бумаги, словно боясь посмотреть ей в глаза.

– Подумала, Игорь Николаевич. – Она посмотрела на него – он явно боялся ее ответа. – Я выхожу замуж за Юру.

– И когда же намечается это торжество? – Он наконец поднял голову.

В его глазах была грусть, а она думала, что его глаза ничего не выражают. До сих пор она кроме черноты в них больше ничего не видела. А сейчас такая грусть. «Неужели он так меня любит? Да нет же, нет. Он не может любить. Нравиться и любить – это разные понятия», – думала она.

Они смотрели в глаза друг другу. Первой не выдержала и опустила голову Таня.

– Так когда же свадьба? – переспросил он.

– В конце октября. По-крестьянски: когда урожай будет убран с полей, – она неловко улыбнулась.

– О, это еще больше месяца ждать. Быть может, за это время я сумею тебя очаровать своими дивными черными глазами, и ты изменишь свое решение. Ничего сейчас не говори, – остановил он ее. – Я терпелив, но настойчив. Не буду тебе надоедать, но напоминать о себе буду. Ты не обижаешься? Вот и хорошо.

Он встал и уже стоя добавил:

– Я помню, что у тебя все вечера заняты, но я надеюсь, что ты найдешь хотя бы один свободный день, который мы проведем вместе.

Поблагодарил еще раз за выполненную работу и ушел к себе.

У Тани испортилось настроение, и предстоящая свадьба сейчас не радовала ее. Быть может, потому, что она уже давно живет с Юрием и особых изменений в ее жизни не произойдет, а может потому, что она не испытывала горячей любви к будущему мужу. Она и не пыталась разобраться в этом. Но после согласия выйти замуж за Юрия, ей было приятно сознавать, что она невеста и скоро станет замужней женщиной; сегодня, как и все последние дни, с обеда она уже готовилась к встрече с Юрием, мечтала о ней; она постоянно посматривала на часы – когда же кончится рабочий день? Она предвкушала совместную прогулку по улицам и магазинам, неспешные разговоры о всяких важных пустяках; ей хо-

телось прийти домой, помыться, поужинать, посмотреть дурацкий телевизор и лечь с Юрием в постель. И вот все это сразу куда-то пропало, испарилось. И вновь в душе сомнения. Как же трудно выбирать, когда по-настоящему никого не любишь, когда надо выбирать головой, а не сердцем. Она попыталась представить, что было бы, если бы она предпочла Юрию Игоря Николаевича? Да все то же. Так же она терзалась бы сомнениями.

«Повезло же мне, – усмехнулась она, – у других ни одного жениха, а у меня целых два, но ни к кому не хочется броситься в объятия. Я, как Буриданов осел между двумя стогами сена: если не решусь, то могу остаться голодной. А может есть от обеих куч? По очереди. Но тогда о замужестве и речи быть не может. А почему нельзя? Нет, кончай дурить, – одернула она себя, – решение принято. Все».

Рабочий день кончился, и она вышла на улицу, где ее уже поджидал Юра. Они пошли навстречу друг другу. Юра обнял ее, поцеловал в губы. И вдруг она затылком почувствовала чей-то обжигающий взгляд. Это заставило ее резко оглянуться: у одного из окон их офиса кто-то стоял и смотрел в их сторону. Жалюзи не давали рассмотреть, кто это, но она знала, что это он, Игорь Николаевич. Таня подхватила Юру под руку и быстро увела его подальше от окна. «Надо же, даже металлические жалюзи не защищают от его взгляда», – мысль появилась и исчезла, но ощущение взгляда осталось.

– Ты куда? Нам же в другую сторону, – Юра ничего не

понял.

– Ничего, мы сделаем крик. Погуляем подольше, – радости в ее словах не было.

Она передернула плечами, пытаясь избавиться от неприятного чувства.

– Ты что-то сегодня не в себе, – Юра остановил ее, посмотрел в ее грустные глаза.

– Ничего особенного, – улыбнулась она. – Надоела мне эта контора, а уйти некуда. Но ничего, фирма встанет на ноги, за границу будем ездить, – зачем-то поделилась она планами Игоря Николаевича. – Тогда интересней будет. Но хватит о работе, давай о семейных делах говорить. – Она засмеялась уже весело. – Семейные дела. Смешно.

– Ничего смешного в этом нет, – серьезно поправил ее Юра, – самое обычное дело: муж, жена – семейные дела.

Разговор перешел на подготовку к свадьбе, на семейный бюджет, на гостей и прочие житейские мелочи. Несмотря на веселость, с какой она обсуждала все эти проблемы, на душе у нее было беспокойно: взгляд черных глаз Игоря Николаевича постоянно отвлекал ее от разговора, и она на мгновение замолкала, теряя нить беседы.

Дома, поужинав и убрав со стола, она, сославшись на усталость и головную боль, рано легла спать.

VI

Игорь Николаевич сдерживал свое обещание: неназойливо, но почти каждый день он напоминал Тане о себе. Утром подходил поздороваться, справиться о самочувствии, восхищаться ее видом, костюмом, пожелать успеха. Иногда он приглашал ее пообедать вместе с ним – она отказывалась. Помня обещание, он не настаивал и молча уходил. На ее столе стали появляться цветы. В комнате, где стоял ее стол, работали еще несколько мужчин и молодая женщина Оксана, с которой Таня была в хороших отношениях. Мужчины на цветы и повышенный интерес коммерческого директора к Татьяне особого внимания не обращали, но Оксана давно поняла все. Однажды, выбрав время, когда они остались одни в комнате, Оксана подошла к Тане и участливо, без всякой насмешки, спросила:

– Ну что, Танюша, стоишь на перепутье?

Та грустно кивнула головой.

– На перепутье. Правильно ты сказала. Скоро свадьба моя с Юрием, но радости нет. Тяготит меня все это.

– Мне трудно тебе советовать, да и не вправе я, но мне кажется, что тебе с Юрием будет спокойнее. Видела, какой взгляд у Игоря Николаевича – в дрожь бросает. А говорит как: два-три слова, и все – ему больше говорить не о чем.

Тебя он не трогает, а нас постоянно ругает и твердит, что мы мало работаем. Может, это только на работе так? Но мне кажется, что он всегда такой. Разве с таким спокойно можно жить? Жена от него ведь не просто так ушла. Сейчас с ребенком от богатого мужа редко кто уходит. – Помолчала, грустно глядя на Таню. – Но в плане обеспечения семьи его с твоим Юрием и сравнивать нельзя, – продолжила она. – Придет время, и он станет хозяином фирмы. По существу он и сейчас один ее вытягивает. А какие планы у него! Говорил, наверное, тебе? – Оксана оглянулась на вошедших в комнату ребят. – Да, не позавидуешь твоему положению. Но можно и с другой стороны подойти: есть выбор. Вот у меня ни одного мужика, а у тебя – два.

Проницательная Оксана, по-видимому, поняла ее состояние, поэтому она и не советовала прислушаться к голосу любви. Еще немного посочувствовав ей и себе, Оксана вернулась за свой стол, оставив Таню все на том же перепутье.

Еще долго Таня сидела, глядя перед собой в никуда. Мысли неспешно, даже лениво, сменяли одна другую – она не торопила их. Менялись мысли, менялись и образы перед ней.

Черные глаза появлялись чаще, чем серые. Почему-то вначале возникали глаза, грустные черные глаза, как в тот день, когда он расспрашивал ее о свадьбе. Затем уже виделось смуглое лицо с прямым, тонким носом, тонкими губами, чуть растянутыми в улыбке, и снова печальные глаза. Юра виделся весь, – большой, теплый. А у Игоря Николае-

веча только глаза: пронизывающие, обжигающие и в то же время притягивающие взгляд. Что скрывается за ними, что сулят они тому, кто решится связать свою жизнь с ними? Счастье ли, беду? Она не знала этого.

VII

За две недели до свадьбы Юра и его шеф неожиданно собрались в командировку в Москву на один день на какую-то выставку. Поезд уходил вечером, и Таня решила проводить Юрия.

– Я своего жениха еще ни разу никуда не провожала, – обосновала она свое решение.

На вокзал они приехали за несколько минут до отхода поезда. Здесь Таня познакомилась с шефом Юрия, Борисом Михайловичем, который был старше их всего года на три, но держался солидно.

– Не волнуйтесь, Татьяна Павловна, Юрия Романовича доставлю назад в целости и сохранности, – пошутил шеф, поднимаясь в вагон.

– Счастливого пути, Юра, – сказала она и поцеловала его в губы.

– Не скучай. Звонить я тебе не буду, так как времени в обрез. До свидания, любимая. – Короткий ответный поцелуй и Юра, уже на ходу, под ругань проводника вскочил в вагон.

Помахав вдогонку рукой, Таня пошла к выходу на привокзальную площадь. Провожающих было достаточно много, но они как-то быстро разошлись во все стороны, и на самой площади народу было мало. Ярко-оранжевый свет фонарей над

площадью отодвинул вечерний сумрак в сторону, и трудно было сказать что-то о времени: рано сейчас или поздно? Но в аллеях сквера, под кронами деревьев было уже темно. Таня не решилась идти через сквер, и пошла к остановке троллейбуса в обход по освещенной площади. Когда она вышла на улицу, возле нее остановился автомобиль, и из него вышел Игорь Николаевич.

– Добрый вечер, Таня, – он подошел к ней. – Я здесь провозжал товарища и неожиданно увидел, как ты прощалась с Юрием. Он что, в командировку уехал?

– Да, на один день со своим шефом.

– Что же мы стоим здесь? Садись в машину. Ты домой собралась? Вот я и отвезу тебя, – он распахнул перед ней дверь своей «девятки».

Ехать в переполненном троллейбусе ей не хотелось, и, чуть-чуть подумав, она согласилась. Выехав на главную улицу города, залитую огнями витрин и реклам, Игорь Николаевич остановил автомобиль у тротуара.

– Таня, у меня есть предложение, – он выключил зажигание и повернулся к ней, – давай зайдем в кафе или ресторан, посидим там немного. Мы ведь по-настоящему и не познакомились. Мы не будем говорить о любви, о замужестве, – остановил он возражения Тани, – мы просто посидим как коллеги по работе, друзья. Что тебе одной дома делать? Скучать? Здесь будет музыка, и можно будет потанцевать. закажем мороженое, – ведь ты любишь мороженое? – шампан-

ское. А после ужина я тебя доставлю, куда ты пожелаешь. Договорились?

Просто уйти Таня не решилась, – все-таки начальник, – а быстро найти убедительный повод отказаться не смогла, и она согласилась.

«Действительно, что я буду делать одна дома? Время раннее, и часик можно будет посидеть. Мороженого с шоколадом и кокосовыми орехами – давно мечтала об этом – съем две порции», – думала она, ожидая, когда Игорь Николаевич откроет дверь и подаст ей руку.

В кафе был полумрак, тихо звучала томная музыка, посетителей было немного. Они заняли столик у зашторенного окна.

– Таня, с твоего разрешения я закажу себе ужин – голоден, и тебе рекомендую. Нет, нет, я не настаиваю. Просто я знаю: здесь прилично готовят. Я заказываю шампанское. Ты не против? – уточнил он еще раз. – Отметим этот вечер?

Таня была не против. Шампанское она любила, а мороженое и шампанское – мечта.

Во время ужина Игорь Николаевич говорил мало, и Таня, потягивая коктейль из соков, оглядывала помещение. Уютный зал был почти пустой, лишь несколько столиков были заняты, да у стойки бара сидело четыре молодых любителя футбола, наблюдая за игрой по телевизору с приглушённым звуком. Из динамиков, стоящих по краям бара, доносилась тихая песня на английском языке. Женщина пела о любви,

о счастье быть любимой и обещала быть верной своему возлюбленному в разлуке. «Не к добру эта песня, – подумала Таня с грустью. – Не надо было мне соглашаться на этот вечер».

– Скучаешь? – Игорь Николаевич наконец доел отбивную. – Ты извини меня – проголодался: в обед ограничился бутербродами. Сейчас принесут нам мороженое и шампанское.

Он сделал знак рукой – на столе появилась бутылка шампанского, фрукты и мороженое. Тане поставили целую гору мороженого, залитого, как она и просила, шоколадом и густо посыпанного кокосовыми стружками. Официант разлил шампанское по бокалам, поставил бутылку на стол и удалился.

– Ну вот, теперь можно неспешно поговорить, познакомиться поближе, – он поднял бокал. – За тебя.

– Спасибо, – поблагодарила Таня и отпила несколько глотков из бокала.

Игорь Николаевич, выпив почти весь бокал, начал закусывать ананасами, а Таня наконец-то принялась за мороженое. Сегодня, несмотря на не покидающую ее тревогу, она решила, что «ice cream» съест весь, даже креманку вылизет. Она вспомнила студенческие годы, подруг тех лет: ей всегда казалось, что большую часть учебного времени они проводили за мороженым. Начав работать, она не отказывала себе в нем, и всякий раз, когда перед ней было мороженое, она мле-

ла от предстоящего удовольствия и старалась это наслаждение растянуть во времени. Какое блаженство взять небольшой, подтаявший кусочек в рот, посидеть немного, дожидаясь, пока во рту не исчезнет от него холодок и вкус. Лишь только затем можно поднести ко рту следующую порцию и не сразу слизнуть ее с ложечки, а немного подержать во рту, вдыхая его аромат. Вот теперь можно прижать прохладный комочек к небу и ждать, когда он совсем растает, и тихо и томно упиваться растекающимся по всему телу его вкусом. Такой церемониал позволял девочкам наслаждаться порцией мороженого ровно одну пару занятий.

Игорь Николаевич, словно понимая ее, неторопливо ел фрукты и, стараясь не спугнуть снизошедшее на нее вдохновение, негромко рассказывал о себе. Оказывается, он окончил тот же университет, что и она, только химический факультет и семью годами раньше. Затем работал на оборонном предприятии, защитил кандидатскую диссертацию. Были большие перспективы роста по руководящей линии, но в начале перестройки он, бросив все, ушел в коммерцию и добился кое-каких успехов.

Она слушала молча, целиком сосредоточившись на мороженом и шампанском. Но напряженность, которую она всегда испытывала при встрече с Игорем Николаевичем, прошла. Он оказался интересным рассказчиком и, как выяснилось, удачливым предпринимателем.

О семейной жизни он не говорил, а она не спрашивала.

А зачем? Она ведь не собиралась связывать свою судьбу с ним. Захочет – сам расскажет. Шампанское шумело не только в бокале, но и в голове. Все стало проще: Игорь Николаевич уже не казался таким строгим, глаза были не страшными и притягивали взгляд не загадочностью, а своей блестящей чернотой.

«Почему я его боюсь? – спрашивала себя Таня и отвечала: – Ничего подобного, не его я боюсь – себя. Боюсь, что, будучи невестой одного, окажусь в постели другого. И это может оказаться не коротким романом, а длинной историей с неизвестным концом. А сейчас, ну и стерва же я, жду приглашения поехать к нему домой. Но только на одну ночь – не больше. – Таня почти не слушала, о чем говорил Игорь. – Я не только не люблю его, он мне даже не нравится. Нет не по мне он, но переспать с ним даже интересно. Чудные эти мужики: думают, что они меня покоряют. Не замечают того, что вначале я их покоряю, а уж затем позволяю им меня соблазнить. Смешно. До того бываю обычной женщиной, а затем становлюсь самой очаровательной, самой милой; руки у меня самые красивые, кожа нежная, пальцы длинные; у волос такой запах, что с ума сводит. Редко кто устоял перед моими чарами, – не без гордости думала она, не забывая про мороженое. – На следующий день «соблазнитель» ходит героем. Еще бы, переспать с женщиной, которую он с таким трудом завоевал. Еще ни один мужчина, который мне не нравился, меня не завоевал. А вот Игорю Николаевичу я вроде бы и не

собираюсь подавать повод. Здесь он меня соблазняет по собственной инициативе. Хотя, если подумать... Но все равно это действительно интересно». – Вот такие мысли витали у Тани в голове, просветленной шампанским.

– Вот и заканчивается наш вечер. Кафе уже закрывают, – Игорь Николаевич с грустью смотрел на нее.

Она выдержала его взгляд, не опустила глаз.

– Мне еще выпить хочется, но нельзя – за рулем. Может, продолжим вечер у меня дома?

Таня промолчала

– Возьмем шампанского – оно здесь хорошее, – посидим, поговорим о работе, о перспективах фирмы. Ты о себе расскажешь – а то я весь вечер болтал, а ты молчала.

– Мне надо домой. Завтра на работу – опаздывать нельзя, – она улыбнулась, – начальник ругаться будет.

– Не волнуйся, я с ним договорюсь.

Он смотрел на нее своим черным, но теперь не пугающим, а немного несчастным и молящим взглядом. Таня молчала, глядя на него с чуть заметной улыбкой своего превосходства.

– Да, предложение интересное: мужчина приглашает к себе женщину на ночь поговорить о работе.

Она знала, что вечер кончится таким предложением, и в душе она уже была готова ехать к нему, но соглашаться не торопилась. Виной этому был не Юрий, нет: ей просто хотелось поиграть с Игорем Николаевичем, посмотреть на его способность уговаривать женщину.

– Почему, только о работе? – слегка смутился он. – Есть много проблем, о которых можно поговорить. О любви, например. – За весь вечер он впервые коснулся этой темы. – О твоей любви. О моей. – Помолчал. – Знаешь, чем ближе ваша свадьба, тем больше я хочу, чтобы ты была моей и только моей. Это желание нарастает, как снежный ком, и я не знаю, что с этим делать. К тому же, я убедил себя в том, что ты Юрия не любишь. Ты ведь не собиралась так быстро выходить замуж. Потом вдруг, словно испугавшись чего-то, решилась. – Он внимательно смотрел ей в глаза. – Ты же не любишь его?

– Ну почему же, – Таня сделала обиженное лицо, опустила глаза, – мне с ним хорошо.

– Когда с ним даже очень хорошо – это еще не любовь. Вот когда без него ужасно плохо, то это уже ближе к любви. – Игорь Николаевич смотрел поверх ее головы. – Скажи, что мне сделать, чтобы ты ушла от него?

Таня молча вертела креманку. Ее поразила простота и верность его рассуждений: без любимого плохо. Она вспомнила Юру: с ним хорошо, но она никогда не чувствовала, что без него плохо. Как верно сказал Игорь Николаевич! «А как быть с вами, Игорь Николаевич, если мне без вас лучше, чем с вами? – хотелось спросить. – Хотя, надо быть справедливой, сейчас мне не плохо. Но это только сейчас. Потом, может быть, я буду жалеть об этом. Но это будет потом».

Игорь сидел, не меняя позы. Тане стало жаль его, она по-

гладила его по темным, слегка вьющимся волосам – неожиданно для нее они оказались мягкими. «Характер жесткий, а волосы мягкие», – подумала она, а вслух сказала:

– Ну что вы так расстраиваетесь, Игорь Николаевич, не сошелся же на мне клином белый свет? Таких, как я, много. Еще встретите лучше меня. Успокойтесь. – И немного погодя: – Поедем к вам.

Он поднял голову, посмотрел на нее долгим взглядом.

– Таня, мне не одна ночь, мне нужна вся жизнь.

– Это условие?

Тане сразу стало грустно: ей не хотелось снова оказаться на перекрестке.

– Нет, что ты? – быстро ответил он. – Что ты? Ни каких условий я не выдвигаю. Я просто хочу, чтобы ты это знала.

– Я знаю, – отгоняя от себя невеселые мысли, сказала Таня. – Поедем.

Игорь Николаевич подозвал официанта, что-то ему сказал – тот ушел. Таня еще не успела справиться с вновь нахлынувшими на нее сомнениями, как официант вновь подошел, неся коробку из-под вина с чем-то тяжелым. Игорь Николаевич расплатился, и они вышли из кафе, захватив коробку.

VIII

Игорь Николаевич жил на окраине города, но они доехали быстро, так как время было позднее и машин на дорогах поубавилось. По дороге он о чем-то рассказывал, не требуя ответа у Тани, что соответствовало ее настроению: ей хотелось помолчать. Таня любила ездить на машине, особенно когда она сидела на переднем сидении и смотрела вперед. А вечером, когда уже горят фонари и окна пролетающих мимо домов освещены, сидеть в машине так уютно. Кажется, она мчится по длинному тоннелю, где стенами являются дома, а сводом – темное небо с прикрепленными к нему фонарями-звездами. Если расслабиться и чуть-чуть прикрыть глаза, то свет ламп сливается в единую желто-голубую ленту, которая мчится тебе навстречу, прерывается над крышей и вновь появляется сзади автомобиля.

Дома, распаковав коробку – в ней было две бутылки шампанского, фрукты и коробка конфет, – он принялся накрывать стол. Все это время он говорил о своей неустроенной жизни, о том, как трудно одному, что нужна хозяйка в доме и все в таком духе.

Таня в это время осматривала квартиру.

– Ты ищешь присутствия женщины? – поинтересовался Игорь Николаевич, высунув голову из кухни. – Прошло пол-

года, как мы с женой разменяли старую квартиру, и я поселился в этой, но еще ни одна женщина здесь не ночевала. Если ты останешься, ты будешь первой, и мне хочется надеяться, единственной.

– Я просто смотрю. Мебель очень даже ничего.

– Это пока. Потом, когда мы развернемся, подыщу жилье лучше и поближе к центру. И мебель куплю соответствующую новой квартире.

– Мне все равно. Я ведь не собираюсь оставаться здесь навсегда.

– Ну хорошо, не будем об этом. Сейчас нас ждет стол, правда, на кухне. Гостиной, как ты уже поняла, у меня нет. Ты можешь снять жакет: здесь тепло.

Стол получился очень похожим на тот, что был в кафе: с шампанским и фруктами. Они еще раз, теперь уже здесь, выпили за себя.

– Таня, мы уже давно знакомы, и мне будет удобнее, если мы перейдем на «ты».

– Попробую, Игорь Николаевич, – она улыбнулась, – Игорь. Как-то не привычно. Ничего, если я буду ошибаться?

– Тебе я все прощу, потому что я люблю тебя.

Он потянулся обнять ее, но она отстранилась, погрозив пальчиком с розовым ноготком.

– За столом нечего обниматься, для этого, я надеюсь, есть другое место, а за столом надо есть. Кстати, я проголодалась: у меня после шампанского появляется зверский аппетит. Вы,

то есть, ты поел в кафе, а я только мороженым наслаждалась да бананчик съела. Как козочка в детской сказке: «Бежала через дубовый мосточек, съела кленовый листочек...».

– Прости, я забыл, что ты ничего не ела. Я сейчас.

Игорь из холодильника достал колбасу, масло, нераспечатанную баночку красной икры. Скоро Таня с удовольствием ела бутерброды, которые он готовил. Она ела не торопясь, старательно раскусывая каждую икринку, и наслаждалась разлетающимися во рту брызгами сока. Игорю, по-видимому, было приятно и интересно смотреть, как она ест, но чтобы не смущать ее, он сам стал жевать банан, изредка поглядывая на Таню. Насытившись, она кивнула на бутылку с шампанским.

– Наливай, запить бутерброды нужно. – Выпив полный бокал, сказала: – Сыта.

Таня с наслаждением потянулась, выгибаясь в спине и искоса поглядывая на Игоря Николаевича, нет, на Игоря. Тот с улыбкой смотрел на ее прогиб, на оголенные плечи, розовое после вина лицо, рубиновые губы, и в нем возникало желание обладать ею. Он знал, что это случится обязательно, но ему хотелось этого сейчас же, здесь, на кухне, не дожидаясь постели. Она, почувствовав его состояние и дразня его, растянула несколько пуговичек на блузке – жарко. Если бы она знала, как ему жарко. А оттого, что в проеме блузки показались небольшие холмики с нежной, ослепительно белой кожей, у него помутилось в голове. Он с трудом взял себя в

руки, налил в бокал минеральной воды и выпил. Успокоившись, встал из-за стола.

– Ванная – вот здесь, а я пока займусь постелью. Так? – он вопросительно посмотрел на нее.

Она, улыбаясь, кивнула головой, встала и направилась в ванную комнату. Раздвинув диван и постелив постель, Игорь подошел к ванной – за дверью слышался шум воды. Он отошел от двери, снял рубашку, прошелся по комнате и снова подошел к двери, за которой была она. Шум воды не прекращался. Игорь потянул ручку – дверь открылась. Таня стояла в ванной и, глядя на него смеющимися глазами, направляла струю воды из душа на грудь, живот, бедра. Вода омывала ее молодую, стройную фигуру, оставляя капельки на лице, на грудях с темными пятнышками сосков, на бедрах. Дав ему немного полюбоваться, она, демонстрируя свое тело, повернулась к нему боком и запрокинула голову, слегка прогнувшись. На фоне темного кафеля ее фигура с тонкой талией, с упругими ягодицами и приподнявшейся грудью смотрелась безумно привлекательно. Таня направила поток воды на шею и свободной рукой, прерывая ручеек струившейся по впадине между бугорками груди, провела по телу сверху вниз. Он зачарованно следил за движением ее руки: вот она коснулась груди, переместилась на бедра, смахнула капельки воды с слегка напрягшихся ягодиц и снова то же движение сверху вниз.

У него перехватило дыхание от вида ее обнаженного, та-

кого близкого и влекущего к себе тела, от призывной улыбки ее губ и глаз. В голове зашумело, в ушах раздался серебряный звон – контроль над собой был потерян. Он не помнил, как разделся и очутился рядом с ней под одной струей воды.

...Потом, нежно целуя, словно извиняясь за содеянное, он завернул ее в большое полотенце и отнес на постель. Потрясенная произошедшим, Таня безмолвно лежала, глядя в потолок: она была изумлена не его грубостью, а своими ощущениями, которые она испытала там, в ванной. Она считала себя опытной в сексуальных утехах и всегда наслаждалась, получая, как она думала, полное удовлетворение. Но сегодня весь ее опыт был перечеркнут: такого сладострастного безумия она никогда не испытывала. Это было буйство наслаждений, охвативших ее тело до последней клеточки, и длилось, как ей казалось, бесконечно долго, поднимаясь все выше и выше, пока не обрушилось лавиной все разом. Она не чувствовала боли и неудобств, хотя они были, – это она осознала сейчас, лежа на постели, – она ощущала только неопишное блаженство. Припомнив случившееся, она даже испугалась: ей нужна грубость, боль, нестандартность.

«Мазохистка какая-то, – подумала она, – не хватало еще, чтобы меня били плетью». По коже пробежали мурашки от испуга – плетью по голому телу, а может быть, от предвкушения блаженства – плетью по голому телу. Она не смогла до конца разобраться в своих чувствах.

Пришел обернутый полотенцем Игорь.

– Ты извини меня, Таня. Я не смог удержаться, когда увидел тебя голенькую в ванной – уж очень ты соблазнительна. Впредь я постараюсь быть более сдержанным. Я сделал тебе больно?– спросил он ее.

– Ничего. Все нормально, – тихо проговорила она. – Все было прекрасно. – Но счастья в ее словах не чувствовалось.

Игорь был зол на себя – снова не удержался, снова был груб. Он чувствовал, что Тане это понравилось, что она никогда не испытывала такого наслаждения; но вот оно прошло, и она тихо лежит на постели – все прекрасно. Прекрасно ли? Может, это их первая и последняя ночь?

Они полежали еще некоторое время молча. Затем он повернулся к ней, поиграл разбросанными по подушке волосами – она не отстранилась. Он стянул с нее и сбросил на пол полотенце – мокрое, – и начал аккуратно, лишь слегка дотрагиваясь до кожи, целовать ее тело.

– Та прости меня, я был несдержан, – говорил он, не переставая целовать ее. – Разве можно грубо обращаться с таким нежным и прекрасным телом? Оно создано только для любви, для ласки.

«Оказывается, этому нежному телу нужна грубость, – подумала Таня. – Никогда не мыслила, что мне такое понравится».

– Тело с такой бархатистой кожей, с такими изумительными формами можно только лелеять, целовать, восхищаться, а я ему делал больно, издевался над ним, – продолжал он

целовать его.

Игорь еще долго губами и руками ласкал и изучал ее тело, пока оно не откликнулось на его призывы. Но здесь, в постели, все произошло просто и обыденно. Так показалось Тане.

IX

Через две недели Таня и Юра поженились. Свадьбу, по просьбе Тани, устроили скромную: были приглашены родные и самые близкие друзья. Свадебного путешествия не было, но была неделя отпуска за свой счет.

– Самые счастливые дни в моей жизни, – сказал Юра в конце отпуска.

Таня тоже была счастлива. Хотя их отношения остались почти такие же, как и до свадьбы, но ей нравилось быть женой и хозяйкой. В ее распоряжении оказалась трехкомнатная квартира – целое хозяйство. Делай, что хочешь, переставляй мебель, как тебе вздумается. Кухня была полностью в ее владении. Можно готовить не только яичницу, но и любые другие блюда, было бы из чего. Кухня многое значит для женщины: если она ей по душе и хлопотать здесь то же нравится – она хозяйка во всем доме. Правда, скоро Таня поняла, что это не ее призвание. Ее больше привлекал пассивный отдых, а не смена деятельности, но все равно было занято чувствовать себя женой и хозяйкой.

На работе ее поздравили сослуживцы, пожелали счастья в новом качестве. Подошел Игорь Николаевич, также поздравил и, подождав, когда все разойдутся, сказал:

– Поверь мне, Таня, я от всей души желаю тебе счастья,

потому что я люблю тебя по-прежнему. Я уважаю твой выбор и больше подходить с этими вопросами не буду. Только работа. Но я хочу, чтобы ты знала, если тебе будет трудно – приходи ко мне совсем или на одну ночь. Я ни на чем настаивать не имею права, но буду ждать тебя всегда. Договорились?

Таня кивнула головой.

– Спасибо, Игорь Николаевич, я буду это знать.

Несколько мгновений он не отводил от нее печально-задумчивого взгляда, затем грустно улыбнулся и ушел к себе. У Тани повлажнели глаза от появившейся жалости то ли к Игорю Николаевичу, то ли к себе и, чтобы никто этого не заметил, она уткнула лицо в алые, с тонким ароматом розы, преподнесенные ей коллективом фирмы.

...Прошла длинная, с оттепелями и морозами, с дождем и снегом зима, наступила весна. В лесах расцвели подснежники. Их голубые глаза выглядывали из-под снега на маленьких проталинках; полянки побольше выглядели голубыми пятнами на фоне потемневшего и осевшего снега. Таня любила весну за ожидание перемен, за эти голубые цветы, за быстрые изменения в природе: неделю назад все было белым-бело, а сегодня все потемнело, оголилось, – ну и что ж, что грязь, – завтра нежные и хрупкие подснежники, а затем и липкие бирюзовые листочки, дрожащие на прохладном весеннем ветру. И солнце, солнце, солнце... Жизнь начиналась заново.

Она каждую весну ждала перемен в своей жизни и радо-

валась им. Но не в эту. Сейчас она боялась их. Ведь с Юрой все сложилось хорошо: она привыкла к нему, к дому, к положению жены и хозяйки, и ей казалось, что она даже любила его – ей без него уже было плохо. И когда она думала о переменах, а ей казалось, что они обязательно наступят, то их она всегда почему-то связывала с Игорем Николаевичем. За зиму воспоминания о ночи, проведенной с ним, притупились, сгладились, и она почти никогда ее не вспоминала. Почти. Но иногда все же она думала об этом, даже пыталась восстановить в памяти те ощущения, которые она испытала. Но с каждым разом они были все расплывчатее и туманнее. В конце концов в памяти осталось только то, что та ночь была.

Игорь Николаевич, как и обещал, кроме работы с ней больше ни о чем не говорил. Вот и сейчас.

– Здравствуй, Таня. – Он подошел неслышно, и от неожиданности она вздрогнула. – Ты что, испугалась?

– Конечно. Никого нет, и вдруг – здравствуй. Как гром среди ясного неба, – виновато сказала она.

– Извини. В следующий раз я буду подходить с шумом, – он улыбнулся как обычно одними губами. – У меня есть хорошая новость. Намечается командировка за рубеж, в Германию: выходим на прямые связи с германскими фирмами. Ты же знаешь немецкий?

– Не так чтобы очень, но изъясняться могу.

– Мне нужен переводчик и человек, который в курсе всех наших дел по закупкам – это ты.

Таня уже успела подзабыть языки, но зато, подготавливая всякие договоры, она была достаточно хорошо осведомлена о прохождении товара через фирму.

– Если все сладится, – продолжал Игорь Николаевич, – то через месяц, если ты согласишься, мы будем пить пиво и гулять по Мюнхену.

– Мы поедем вдвоем? – осторожно спросила Таня.

– Да, вдвоем. – Он посмотрел на нее. – Есть проблемы?

– Нет. Но можно мне взять денек на размышление?

– Я понимаю тебя. Думай, но только не затягивай с решением. Нужно еще оформлять документы, визу. И еще, если решишь ехать, а мне бы очень хотелось, чтобы ты поехала, то проштудируй этот самый немецкий, – сказал он и, неожиданно оборвав разговор, ушел.

Таня осталась одна. Вновь ей надо сделать выбор. Как она не любит выбирать!

Она понимала, что там, в Германии, они вновь сблизятся. Она знала наверняка, что не сможет отказаться вновь испытать уже забытые, безумные минуты блаженства. Здесь она заставляет себя пройти мимо него, не отозваться на его молчаливые взгляды, но там, в чужом городе, где они все время будут вместе, она не сможет удержаться. А после поездки их любовная связь будет продолжена здесь. Та ночь ни к чему не обязывала, но повторение ее, да еще при таких обстоятельствах, свяжет их крепко и надолго. Желает ли она этого?

Вспомнился муж, милый, ласковый Юрочка, который

очень ее любит, но она его так и не полюбила по-настоящему. Просто привыкла к нему, и поэтому ей бывает плохо без него. Наверное, так можно прожить всю жизнь и при этом быть счастливой, умиротворенной, рожать детей, радоваться вместе с мужем. По-видимому, это и есть любовь. Может, так и надо жить и больше ничего не надо желать? Но, называя Юру любимым, она при этом всегда испытывала чувство вины перед ним: зачем она обманывает его? Может, оборвать это, пока не слишком привыкли друг к другу, уйти к Игорю Николаевичу?

«Но ведь я и его не люблю. Я никого не люблю, – с отчаянием констатировала она. – Где ты мой рыцарь, и есть ли ты вообще?»

Она решила прекратить самоистязание и переговорить с Юрой. Но о чем она будет говорить с ним? О том, что он не доставляет ей такого наслаждения, как Игорь? Рассказать о связи с Игорем Николаевичем и попросить разрешения продолжать ее? Нет, она просто поговорит с мужем и тогда решит – ехать или нет. Да и это не нужно, напрасный будет разговор, так как она уже знала, что поедет в эту самую Германию.

Юра задержался на работе, и домой она шла одна. Дома она успела приготовить ужин, убрать разбросанные в утренней спешке вещи. О предстоящем разговоре она не думала. Наконец пришел Юра.

– Здравствуй, моя родная, – с порога, еще не раздевшись,

поздоровался он.

Таня вышла в прихожую, обняла его, поцеловала.

– Привет. Что так долго?

– Работу одну закончили и отметили это событие. Вот по столько, – показал он на пальцах. – Бутылку на троих. По сто пятьдесят каждому. Нет, побольше. Пятьсот на троих не делится без остатка, но мы, математики, разделили.

– Какие вы молодцы! Пошли закусывать, математик. Я картошку со свининой пожарила. Жаль только, что нет огурчика солененького, – она поставила на стол тарелки с жареной картошкой.

– Ничего, твою картошку я и без огурца съем.

Только за чаем Таня начала разговор о предстоящей командировке.

– Мне предлагают съездить в командировку в Германию, – сказала она.

– Это же здорово в Германии побывать! – обрадовался Юра.

– Не одной, а с коммерческим директором Игорем Николаевичем, – поправила Таня, глядя на него и пытаясь понять, как он отреагирует на это. – Ты с ним уже знаком.

– Ну и хорошо. Вдвоем не так будет страшно и скучно среди незнакомых людей, – довольно ответил тот.

– Да, в этом ты прав. Скучно не будет, – ответила она и отвела глаза в сторону.

Муж еще долго говорил что-то о Германии, о немцах, о

пиве, но она его почти не слушала.

«Значит так и должно быть», – грустно подумала она, убирая посуду со стола.

– А сейчас я пойду спать. Что-то я устала сегодня, – сказала она, сидящему перед телевизором мужу. – Ты можешь посмотреть свой ящик. Спокойной ночи, – и легкий поцелуй.

Юра так же пожелал ей спокойной ночи, не отрываясь от телевизора. Ей стало обидно, что он даже в шутку не приревновал ее к молодому мужчине, с которым она должна провести неделю.

«Это что, он так мне доверяет или считает, что на меня никто не позарится? – последняя мысль была обидной, и она, уткнувшись лицом в подушку, немного всплакнула. – Начал бы ревновать, и я сразу бы отказалась ехать. Самой неудобно – с чего бы это вдруг? – оправдывалась она перед собой. – Да и зачем противиться тому, что все равно рано или поздно случится? Ведь я этого хочу, а повод для встречи всегда найдется», – она вздохнула и свернулась калачиком. Скоро мысли стали путаться, и она уснула спокойным сном.

...Таню и Игоря Николаевича пришли проводить сослуживцы и Юра; все были немного возбуждены: громко говорили и смеялись. Игорь Николаевич на Таню старался не обращать внимания. То ли это подчеркнутое равнодушие, то ли его молодость и уверенность в себе, но что-то насторожило Юру. Он как-то сник и не участвовал в общей беседе. Видя это, Таня отвела его в сторону.

– Ты что такой кислый? – она погладила его по волосам.

– Я ничего. Грустно расставаться.

– Я же ненадолго.

– А он тебя... не обидит? – смущенно спросил Юра.

– Нет, Юрочка, он меня не обидит. Давай прощаться. –

Она торопливо, чтобы он не задавал больше вопросов, поцеловала его в щеку, стерла ладошкой след от помады. – До свидания. Не скучай здесь без меня. Через неделю я буду дома. Пока, – и она быстро, не оглядываясь, вошла в вагон.

Проводник попросил пассажиров пройти в вагон. Игорь Николаевич, попрощавшись со всеми, подошел к Юрию.

– До свидания, Юра. Не волнуйся, мы скоро вернемся. –

Пожал руку и поднялся в вагон.

Таня уже была в вагоне у окна и, улыбаясь, махала рукой. Поезд тронулся. Все остающиеся что-то весело говорили отъезжающим, размахивая руками, а у Юры почему-то сжалось сердце.

Х

Ровно через неделю рано утром Юра, с ярко-красной розой в руке, встречал Таню. Она вышла из вагона первой. Супруги обнялись, поцеловались, Юрий отдал ей розу и взял ее вещи.

– Как я соскучился по тебе, – прошептал он ей на ухо. Затем поздоровался с Игорем Николаевичем, который вышел на платформу вслед за Таней.

– Как поездка, Игорь Николаевич, удачная?

– Да, очень удачная. Я сам такого успеха не ожидал. Удалось все. Теперь мы будем работать напрямую с немецкими фирмами, и не будем зависеть от поставщиков. Мы там хорошо поработали, правда, Таня? – обратился он к державшейся за Юрину руку Тане.

Она молча кивнула головой и, взяв мужа под руку, потащила к выходу на привокзальную площадь. Игорь Николаевич догнал их.

– Меня должны встречать на машине. Я подвезу вас до дома. А вот и водитель. Здравствуй, Коля. Как здесь, все в порядке? Ну вот и хорошо. Поехали? – вновь обратился он к семейной паре.

– Спасибо, мы доберемся сами. Нам недалеко и совсем в другую сторону, – Таня шла не оглядываясь.

– Юра, повлияйте на жену. Зачем вам в транспорте толкаться? На машине через пять минут будете дома.

Мужу не пришлось влиять на жену: она неожиданно развернулась и пошла к машине. По дороге Таня разговаривала мало, отвечала односложно. Путь был недолгим, и скоро Юра и Таня были дома.

– Ты представить себе не можешь, как мне было плохо, – говорил Юра, обнимая и целуя Таню в прихожей. – Я целыми днями только и думал о тебе, не мог сосредоточиться на работе, дома не мог заснуть. А ты вспоминала обо мне? – заглядывал ей в глаза Юра.

– Конечно, милый. Мне там тебя не хватало. Я скучала без твоих ласк, без твоих слов, без твоей нежности.

– Я чувствовал, что ты тоже думаешь обо мне, я даже знал, когда это было. Вечерами. Правда ведь? – Юрий не выпускал ее из своих объятий.

– Да, вечерами я вспоминала тебя. Каждый вечер. Это правда.

– Ну, хватит здесь стоять. Ты устала с дороги. Тебе надо принять ванну, отдохнуть. В вагоне, даже если всю дорогу лежишь, все равно устаешь. Вот твой халат, полотенце – иди, мойся. Вещи потом разберешь. Пока ты помоешься, я приготовлю тебе яичницу с местным беконом – специально на рынок ходил.

Он набрал воду в ванну, раздел ее, помыл, беспрестанно целуя ее тело. Вымыв ее, он побежал готовить яичницу.

Когда она вышла из ванной, лицо и тело, выглядывающее из распахнутого халата, были розовыми, с капельками влаги, которые она постоянно вытирала полотенцем. Стол уже был накрыт: в центре красовалась большая сковорода с шипящей яичницей и поджаренными кусками свинины; здесь же была бутылка вина и большая зеленая бутылка с надписью «Sprite». Выпили за встречу, за любовь. Юра весь светился радостью и все говорил и говорил о том, как он проводил дни и вечера без нее, как он скучал, как вспоминал первые встречи с ней, не замечая, что Таня не разделяет его радости. Она сидела грустная и почти не говорила. Наконец яичница была съедена, и Таня, сославшись на усталость, ушла спать.

– Я посплю часик, другой, а ты сходи на рынок, купи стандартный набор для борща, побольше картошки и все, что тебе захочется.

Юрий отмерил себе два часа, чтобы дать ей отдохнуть, потом подождал еще немного, и осторожно, чтобы не разбудить ее, открыл дверь и тихо пробрался в спальню. Она еще спала, безумно красиво разметав свои темные волосы на белой подушке. Как он любит это лицо, немного тронутое загаром, которое без макияжа выглядело еще прекраснее, эти припухшие детские губы, слегка шевелящиеся во сне, эту тонкую шею с бьющейся голубой жилкой, которая вызывала сейчас жалость, и ему захотелось дотронуться до нее. Он какое-то мгновение постоял над ней, затем быстро разделся и, стараясь не разбудить ее, пробрался к ней под одеяло, но она

проснулась, испуганно открыла глаза, узнав его, улыбнулась и прижалась к нему всем телом.

– Уже вернулся? Долго я спала?

Он сказал.

– Ой, так мало? Я хочу еще спать.

– Спи, любимая, – Юра погладил ее шею, поцеловал. – Спи, а я буду охранять твой сон.

Он провел своей большой, теплой ладонью по ее волосам, по спине. Таня устроилась удобней и притихла, но сон уже пропал: ей снова надо делать выбор – Юра или Игорь? Лежа сейчас в постели с Юрой, она вспоминала, как хорошо было с Игорем. Хорошо и немного страшно – страх, который в нее вселился с первых дней их знакомства, так и не проходил. Хотя сейчас это страхом назвать было нельзя – это было чувство превосходства его над ней. Она чувствовала себя рядом с ним ребенком, и ее, как ребенка, тянуло к нему, и как ребенок, она боялась его и уважала. Он был занимательнее Юрочки, с большим жизненным опытом; он, так же, как и она, любил рестораны, и, как ни странно, веселые компании. Несомненно, с ним было интереснее проводить время.

Юра. Это он лежит рядом с ней, такой большой, теплый и мягкий. Чтобы еще раз убедиться в этом, она плотнее прижалась к нему – еще какой мяконький. И характер у него такой же. А ей иногда хотелось, чтобы он хотя бы голос повысил, но ему это не дано – он всю жизнь будет с нее пылинки сдувать.

И вот она лежит и в сотый раз анализирует положение, в которое она себя завела. Раньше она думала, что выйдет замуж и все образуется: у нее будет один мужчина. Но вот она замужем, и что же? Сейчас самый разумный выход – развод с Юрой. Как ни трудно будет Юре, но по крайней мере будет честно. Все это нужно сейчас объяснить Юре. Она глубоко вдохнула, уткнулась лицом в его грудь – как уютно так лежать!

Соскучившись по ней, по ее телу, он понял это по-своему. Хотя его ласки не трогали, она постаралась сделать все, чтобы он не заметил ее холодности.

Обед Таня приготовила с особой тщательностью – может быть, в последний раз. Пообедав, они уселись перед телевизором. Показывали какой-то детский фильм, но она, глядя на телевизор, ничего там не видела. Глаза ее медленно наполнялись слезами. Юра увидел слезинки у нее на щеках, забеспокоился.

– Что с тобой, родная? – он подсел к ней поближе, обнял – она разрыдалась.

Он стал ее расспрашивать, вытирая слезы, но она не могла говорить, только громко всхлипывала. Он долго ее успокаивал, принес воды. Наконец она с остановками, невнятно произнесла:

– Юрочка, я подлая баба. Я тебе изменяю.

Он притих, осторожно поставил стакан на стол. Помолчал. Она сквозь слезы испуганно смотрела на него.

– Я догадывался, что командировка для этого и была задумана, – безжизненно произнес он.

Затем с надеждой в голосе спросил:

– Он тебя обижал? Он принудил тебя?

– Нет, Юра, я сама этого хотела, – призналась она. – И первый раз это случилось здесь, не в Германии, – она вытерла слезы и почти успокоилась. – Видишь, какая я плохая жена. Живя с тобой, я бегала к Игорю Николаевичу.

Юрий отрешенно смотрел в пол, лицо его было бледным. Опущенных глаз она не разглядела, но ей показалось, что в них стояли слезы. Она виновато сидела рядом, боясь шевельнуться. Наконец он поднял голову – слез не было.

– Ведь это была ошибка? И ты мне все рассказала, чтобы я простил? Ты больше никогда не будешь встречаться с ним? – Юрий просительно смотрел на нее.

Серые его глаза заблестели. Она сама готова была вновь разрыдаться от жалости к нему, и, торопясь, пока этого не случилось, она прошептала:

– Нет, Юрочка, я ухожу к нему.

Он удивленно посмотрел на нее.

– Я не понял. Куда ты уходишь?

– Я хочу развестись с тобой и уйти к Игорю Николаевичу, – проговорила она громче.

– Он тебе все еще Игорь Николаевич, – задумчиво произнес Юрий. – Чем же он лучше меня? – задал он стандартный в таких случаях вопрос.

Ну что ему ответить, этому милому мужу? Не оскорблять же его мужское самолюбие, не рассказывать же, что он не способен давать ей те наслаждения, к которым она уже привыкла, не говорить же, что он для нее неинтересен. Поэтому на его вопрос она прямо не ответила.

– Юрочка, ведь я тебе никогда не говорила, что люблю тебя. Я ведь всегда тебе говорила, что ты только нравишься мне, и что больше никаких чувств у меня к тебе нет, – напомним она ему, не зная, смягчила удар или усилила. виновато посмотрела на него. – Я обещала тебя полюбить, но видно не судьба. Прости. – Помолчала. – И если не Игорь Николаевич, то кто-нибудь другой нашелся бы. Сколько я ни старалась быть тебе хорошей женой, все равно я ждала другого. И искала. Извини за откровенность.

– Но ведь это неправда. Ты сейчас все нарочно придумываешь, чтобы я отпустил тебя. Но я не хочу тебя отпускать. Ты изменила мне – ну и пусть. Мы с тобой еще и года не прожили вместе. Давай еще попробуем. У нас все получится. Мы ведь с тобой ни разу не поругались за это время. Мы научились понимать друг друга, а это уже что-то значит. Ты сменишь работу, а можешь вообще бросить работать. Мы начнем все сначала, – говорил он, держа ее за руки, глядя ей в глаза и пытаясь разглядеть в них понимание.

В какой-то миг у нее промелькнуло желание остаться, но она тут же его прогнала: «Не долго удержусь».

– Нет, Юрочка, зачем это оттягивать, зачем мучить себя

ожиданием? Смотреть каждый день вот так в глаза или куда-то в сторону, терзаться вопросом: «Изменила сегодня или нет?» Это будет висеть над тобой все время, пока мы вместе. Лучше покончить с проблемой сразу.

– Я не могу тебя отдать этому человеку. Ведь он злой, жестокий – это сразу видно. Тебе с ним будет плохо. В конце концов я просто не хочу тебя терять. Я без тебя жить не смогу и не буду. Если ты уйдешь... Но ты ведь так не сделаешь? Ты останешься? – вновь просительный взгляд в глаза. – Я прошу тебя. – Уже более решительно. – Да я просто тебя никуда не отпущу.

На него было жалко смотреть: большой, сильный, он вдруг как-то сник, сжался, по щекам стекали редкие слезинки. Ей стало, по-настоящему, жаль его. Что она с ним делает? Ведь он действительно ее любит. А Игорю Николаевичу она нужна больше как женщина, а не как жена. Как долго продлятся их отношения, она не знала. Она только знала, что и его она не любит и не полюбит: за неделю совместной командировки она даже не привыкла к Игорю. И уход к нему от Юры плохой, даже очень плохой вариант. Но так хочет Игорь, и она, как кролик, загипнотизированный удавом, поползет к нему. С ужасом в глазах, но поползет. Может воспротивиться, остаться?

– Хорошо, Юра, я не уйду от тебя, – неожиданно для себя, сказала Таня. – Давай попробуем все сначала. Я постараюсь тебя не огорчать. Только не надо меня благодарить, –

прервала она Юрия, который начал ей целовать руки и что-то говорить в благодарность.

Он сразу притих, ушел в ванную и долго там умывался. Остаток дня они провели вместе, но как малознакомые люди – общего разговора не получалось.

Утром, как будто ничего и не случилось, Юрий готовил ей кофе, говорил о работе, о предстоящем вечере. Таня, хотя и старалась вести себя как обычно, но на душе у нее было тяжело. Теперь ей предстояли объяснения с Игорем.

XI

Игорь Николаевич, конечно же, был недоволен.

– Таня, мы же договорились, что ты уйдешь от него сразу, – раздраженно говорил он за столом в кафе. – Зачем это затягивать? Чем быстрее ты это сделаешь, тем лучше будет для всех нас.

– Но я не могу его вот так бросить: он такой несчастный. Пройдет некоторое время, он смирится с этим, и я спокойно, без сцен, уйду, – оправдывалась она.

– А как мы жить будем это некоторое время? Встречаться будем урывками в обед? Я так не могу, зная, что ночью ты с ним, а днем со мной.

– Мы это время не будем встречаться, – предложила она, – я буду жить у Юры. Так нам будет проще.

– Проще не будет. – Он был зол. – Ты же первая прибежишь ко мне, а я еще подумаю: принять тебя или нет. Твой характер не соответствует твоему имени – устроительница. Ты ждешь, когда за тебя другие все решат.

На глазах у Тани появились слезы, она полезла в сумочку за платочком.

– Зачем ты так, Игорь? – готовая зарыдать, спросила она. – Мне и так тяжело. Ты хочешь поссориться?

– Прости меня, Танюша, – он взял ее за руки. – Я не хотел

тебя обижать. Но ты должна понять и меня: я уже свыкся с мыслью, что ты моя и только моя, а ты не решаешься уйти от него. Поэтому я такой сердитый. Прости, – он улыбнулся губами. – И не слушай меня – приходи, когда захочешь, я тебе всегда буду рад. Я хорошо помню ночи в Германии. Их забыть нельзя и хочется повторения. Ну, вытри свои слезки, улыбнись. Тебе не идет плакать. Вот так.

Он взял у нее платок и начал аккуратно промокать слезинки с уголков совсем потемневших глаз.

...В тот день Юрий пришел, вернее, его привел сосед, домой пьяным. Такого она его еще не видела. Он что-то бормотал в свое оправдание, просил, чтобы она не бросала его. Трезвый он всегда был добр и послушен. Сейчас же какое-то возбуждение охватило его, и она не могла его успокоить и уложить спать. Он вставал, ходил по квартире, что-то искал, снова обращался к ней со словами любви, плакал. Уснул он далеко за полночь.

Таня его понимала – уязвлено мужское самолюбие, и не понимала – стоит ли из-за такой дряни, как она, расстраиваться.

Утром он проснулся с тяжелой головой. Она отпаивала его кофе.

– Ты прости меня, что я так вчера напился, – невозможная головную боль, говорил он. – Мне очень обидно, что ты меня бросаешь. Я не представляю себя без тебя. Я же тебя так люблю.

– Успокойся, Юрочка, – она провела рукой по его волосам, – я же не ухожу.

– Правда? Ты остаешься, да? – Обрадованный и растерянный, Юра не знал, что говорить, что делать. – Ты остаешься навсегда?

– Нам надо сейчас на работу, – ушла от ответа Таня. – Поговорим вечером. У тебя не будет головка бу-бу, и ты будешь хорошо соображать. А сейчас тебе даже говорить трудно.

– Да, конечно, вечером. Ты вернешься вечером домой? – с надеждой спросил он.

– Вернусь, вернусь. Ведь я здесь живу, не так ли?

– Конечно здесь. Тогда до вечера.

– Ты только не напивайся. Хорошо? – попросила Таня его.

– Если у нас все будет хорошо, то зачем мне пить? Никогда не буду, – пообещал Юрий.

...Работа, как говорится, валилась из рук, настроение было прескверное. Она понимала, что после признания об измене оставаться с Юрой нельзя – прежние отношения не вернутся. Но и покинуть его сейчас она не решится. В начале рабочего дня Игорь Николаевич, проходя мимо, поздоровался и внимательно посмотрел на нее – она виновато опустила глаза. Теперь она ждала обеденного перерыва, чтобы попытаться еще раз объяснить свое поведение.

Они вышли из офиса, но вместо того, чтобы отправиться в кафе, где они всегда обедали, он усадил ее в машину и повез к себе домой.

– Таня, так нельзя, необходимо решиться. Ты же делаешь больно всем. Меня ты заставляешь ждать, а ему даешь какую-то надежду. Зачем это?

– Игорь, я не знаю, как лучше.

– Лучше – сразу, – недовольным тоном сказал он и на перекрестке на большой скорости повернул направо – колеса завизжали.

Тане нравилась быстрая езда, но сейчас ей было не до вос-торгов.

– Там я жена, – продолжила разговор Таня, – а здесь я кто? Юра любит меня, а ты нет.

– Почему же не люблю? Люблю. Зачем же я перед тобой тогда расстилаюсь. Я тебе и выйти за меня замуж предлагал, но ты решила, что пока это не нужно. Меня и это устраивает. Ты меня не любишь – в этом все дело. Если бы любила – бросила бы все и прибежала ко мне сразу.

Таня молчала: «Игорь прав: она никого не любит».

– Ты вспомни, как нам было хорошо вдвоем, – продолжал Игорь. – С Юрой разве так бывает? Тебе совсем другой тип мужчины нужен. Может, даже грубее, чем я. Да и богатый муж тебе нужен: помню, как горели у тебя глазки в магазинах в Германии. Ты говоришь, что не привыкла к роскоши – привыкнешь. Отвыкать трудно, а привыкать легко. Я не прав?

«Ты прав, Игорь, прав. И муж мне другой нужен, и я всегда хотела быть шикарной женщиной», – подумала она, а

вслух сказала:

– Не знаю. – Помолчала и вновь вернулась к разговору о Юре. – Я не могу его сразу бросить. Он вчера пришел совсем пьяный. Мне жаль его.

– Нормальная реакция у мужика. Женщины плачут в таких случаях, а мужики пьют, а иногда и морду бьют женам. – Усмехнулся. – И любовникам, но реже.

– Он такой раздражительный, нервный стал, – Таня пропустила замечание Игоря. – Я его таким никогда не видела и не знала, что он может быть таким.

– Умеет себя контролировать. А расслабился – и все наружу.

– Неправда, он не такой, – заступилась за мужа Таня.

– Ну, хватит о нем. Мы приехали. – Игорь Николаевич подъехал к подъезду своего дома. – Выходи.

– Зачем? Нет, я не могу, – заметив усмешку у него на губах. – Правда, я не могу. Вчера расстроилась, и у меня раньше времени... наступили «критические дни».

– Что же ты сразу не сказала? – обиделся Игорь.

– А ты меня не спрашивал. Зато поговорили без свидетелей.

– Поговорить-то мы поговорили, да решения не нашли и без обеда остались.

XII

Юра не встречал ее с работы. Она подумала, что он снова напился, но он ждал ее дома и был трезв. Никакой радости он не проявил, когда она вошла в квартиру; был сдержан, чмокнул в щечку, взял сумку, подождал, пока она переобуется. Вечер они провели, почти не разговаривая. Она несколько раз пыталась заговорить с ним, но он коротко отвечал на ее вопросы и вновь умолкал.

Так прошло несколько дней. Все эти дни она обедала вместе с Игорем Николаевичем в ближайшем кафе. Он не навязчиво, и вроде бы не ей, доказывал преимущества таких мужчин, как он, перед всеми другими: они деятельны, умеют зарабатывать большие деньги, могут постоять за себя и за других, и если что-то решают, то раз и навсегда – без колебаний. Все это она слушала с тоской в душе.

Юрий больше не приходил домой пьяным, но прежние отношения не возвращались,

«Может, это и к лучшему, – думала Таня. – Легче перенесет мой уход».

К интимной близости Юрий никакого интереса не проявлял, и это также облегчало ее положение. Все шло к тому, что Юрий в конце концов согласится с бессмысленностью дальнейшего затягивания их семейных отношений. Она немного

успокоилась и однажды согласилась на предложения Игоря съездить к нему домой в обеденный перерыв. С этого дня такие поездки стали чуть ли не ежедневными.

В один из таких дней Юра пришел домой вновь пьяным.

– Юрочка, ты же обещал больше не пить, – начала укорять его Таня.

– Я обещал, ты обещала, он обещал, мы обещали, – мрачно проспиртовал Юрий. – Правда, очень богатый и гибкий русский язык? Можно обещать все, что от тебя требуют – и не выполнять. Но ничего хорошего не получается, по крайней мере, для меня. Ты обещала не встречаться с ним, а встречаешься.

– Но я же по работе с ним встречаюсь, – она неуклюже попыталась оправдаться.

– Вы работаете в машине или у него дома? – он начал говорить с надрывом, раздраженно. – Я догадываюсь, какая у вас работа.

– Ты что, следишь за мной? – возмутилась она. – Это подло следить за человеком. Какое ты имеешь право?

– Пока ты мне жена – я хочу знать: изменяешь ты мне или нет?

– Да, я изменяю тебе. Изменяла и изменяю. Я уже не считаю себя связанной с тобой какими-либо обязательствами – я свободна и живу, с кем хочу.

– Ты шлюха, проститутка. – Удар по щеке был не сильным, но от неожиданности она отшатнулась и чуть было не упала.

Таня настолько растерялась, что молча уставилась на него широко открытыми глазами, наполняющимися слезами. Такого она от Юры не ожидала. За время, которое они были знакомы, он ни разу не повысил на нее голоса, а сейчас... Но в то же время, где-то в глубине души, у нее начало появляться уважение к Юрию – он пытается подчинить ее себе, показать свою волю.

– Тебя мало избить, тебя убить надо, – он в возбуждении быстро ходил по комнате, – чтобы таких подлых людей не было на свете.

Он подскочил к ней, схватил за плечи, но, увидев слезы, струйками вытекающие из таких милых и дорогих ему глаз, остановился.

– Таня, ты плачешь? Что я сделал? Тебе больно. Где тебе больно? – Он начал целовать ее мокрое от слез лицо, руки, неподвижные губы. – Прости меня. Я сам не знаю, что делаю. В глазах потемнело, все куда-то поплыло. Я не хотел. Прости меня. – Она стояла неподвижно, с безвольно опущенными руками. – Я ведь люблю тебя, и мне тяжело переносить то, как ты поступаешь со мной. Я не хочу никому тебя отдавать. Я люблю тебя, люблю!

Его пьяное бормотание с трудом доходило до нее. «Что со мной происходит? Меня бьют, и мне нравится это. Нет, не то, что пощечина понравилась, а то, что он это сделал: проявил характер. До сих пор он был мягким, миленьким, но, оказывается, может быть и жестким и по морде дать. Смешно.

Нормальные женщины бегут от таких мужей, а у меня снова сомнения – нужно ли уходить? Может, все образуется, и мы снова будем счастливы. Что он говорит?» – очнулась она.

– Прости меня, прости, такого больше не повторится. Но ты тоже должна измениться. Бросить его. Я не хочу тебя делить ни с кем. Ты слышишь меня? – он встряхнул ее.

– Слышу, Юрочка, слышу. Я обещаю измениться и бросить его. – Она взяла его за руки. – Успокойся. Тебе сейчас нужно поспать, отдохнуть.

Он, продолжая что-то говорить и оправдываться, покорно пошел за ней в спальню. Она помогла ему раздеться, уложила его на кровать, и он сразу уснул. Она же долго не могла забыться: вновь она на перекрестке. Как ей все это надоело: выбор, выбор, выбор. Один раз она уже поспешила, поэтому сейчас она спешить не будет. Уйдет от него она немного позже, когда определится в своих отношениях с Игорем: стать его женой или остаться любовницей? Пока она предпочитала последнее.

Юра был прав, когда говорил, что штамп в паспорте накладывает определенные обязательства. Но ей не хочется ограничивать себя никакими трудно раздвигаемыми рамками, ей не хочется спокойной жизни: ее прельщают вечеринки, рестораны и волевые, сильные мужчины. И, что самое ужасное, разные. Так что, вероятно, и Игорь будет не последним. При всем ее безволии она не желала в этом вопросе накладывать на себя строгие ограничения. Ей не хотелось про-

жить всю жизнь вот с таким пентюхом, которого никуда из дома не вытянешь, а если и уговоришь, то от скуки можно помереть: весь вечер будет держать за руку. Но она не хочет подчиняться этому. Она, словно норовистый конь, который, если не любит, то уважает и подчиняется сильному, умелому седоку, даже если тот применяет плеть. А с Юрием она чувствует себя старой кобылой, которая должна фыркать и подергивать шкурой от удовольствия, когда ее ласкают.

Утром Юра вновь униженно просил прощения, ужасался своего поступка, заверял, что он даже голос повышать на нее никогда не будет. О том, что он просит ее остаться, не говорил, но по его виду и разговору эта просьба чувствовалась.

– Все нормально, – успокоила его Таня, – Что не случается между мужем и женой? Сейчас обсуждать это некогда. Вечером встретимся и поговорим.

– Да, да. Вечером. – Он, словно боясь показать свою радость или неверие, быстро попрощался и ушел.

XIII

Несколько дней она отказывалась даже обедать с Игорем Николаевичем, хотя тот настойчиво приглашал ее и в кафе, и домой.

– Не торопи меня, – объясняла она свое поведение, – все будет так, как мы решили. Только вот сразу, как ты хочешь, у меня не получается. Действительно, я тебя так не люблю, чтобы бросить все и прибежать к тебе. Я иду к тебе, только медленно, – улыбнулась она хмурому коммерческому директору. – И я надеюсь, что приду.

– Ну, ну. Смотри, не опоздай.

Встал и ушел. Это насторожило ее, но на душе стало как-то спокойнее.

«Может, в самом деле лучше опоздать? Уйти от Юры и не прийти ни к кому – стать совершенно свободной. Простая мысль, лежащая на поверхности, а всегда приходит трудно. Да, да, свобода – вот что мне сейчас нужно. Снять квартиру или комнату и пожить там некоторое время. Постепенно Юра смирится, и все решится само собой», – вот такие мысли занимали ее все послеобеденное время.

Она почти успокоилась и остаток рабочего дня провела за разбором бумаг, подготовкой писем, переводами.

– Ну что, Таня, никак не разрешишь свои проблемы? –

это подошла Оксана.

– Да, проблемы есть, – она вспомнила прошлый разговор на эту тему и беззаботно ответила: – Не так уж и плохо иметь двоих мужчин – есть выбор.

– Ой ли? – покачала головой Оксана. – Это сейчас хорошо, а потом? Ты не боишься мести Немезиды?

– Это почему же? – заинтересовалась Таня.

– Эта древнегреческая богиня наказывала всех, кто строил свое счастье на несчастьи других.

– Не знаю. Я не такая счастливая, чтобы меня за это наказывать. Да я об этом стараюсь и не думать.

Немного обиженная таким предупреждением, Таня начала убирать со стола бумаги, показывая, что больше говорить не желает.

– Обиделась? Прости, я не хотела. Мне просто жаль тебя. Ты всегда в напряжении, всегда чего-то ждешь и не дожидаясь, – Оксана встала, собираясь уходить.

– Ничего. Все в порядке. Со мной все будет хорошо.

Приняв решение, Таня наконец успокоилась, и несколько дней у нее было прекрасное настроение. Эти дни она не только не встречалась с Игорем Николаевичем, но и не видела его: он был занят работой в филиалах фирмы. Юра приходил домой трезвым и даже несколько раз встречал ее с работы: у него затеплилась надежда на хороший конец этого, как он думал, недоразумения. Но супружеские отношения не налаживались: она уже не считала себя его женой, хотя об этом

они и не говорили.

...Прошло еще несколько дней, Игорь Николаевич на фирме по-прежнему не появлялся. Это обеспокоило Таню: она хотела воплотить в жизнь свои замыслы с его согласия. Но вот наконец после обеда он приехал на фирму и прошел в свой кабинет. Выбрав момент, когда он остался один, Таня зашла к нему.

– Здравствуй, Игорь. Можно к тебе? – спросила она, закрыв за собой дверь.

– Конечно можно. Садись.

Он показал ей на кресло у столика и сам сел с другой стороны.

– Игорь, что случилось? – в голосе чувствовалась тревога. – Мы уже неделю не виделись.

Он протянул ей сигарету, поднес огонек зажигалки, закурил сам и сделал несколько затяжек, выпуская дым в сторону.

– Да, Таня, ты права, случилось. – Он посмотрел на нее.

Она сидела, сжавшись в предчувствии удара, сигарета в ее руке слабо вздрагивала в такт биения сердца.

– Ко мне вернулась женщина, которую я знаю давно. – Он снова затянулся, стряхнул пепел в пепельницу из черного граненого стекла. – Ты долго выбирала. Я не смог столько ждать. Прости.

Она молчала, глядя застывшим взглядом перед собой. Пепел с нетронутой сигареты упал на колени – не заметила. По-

дождав немного, он дотронулся до ее плеча.

– Ты слышишь меня, Таня?

– Не трогай меня, – она стряхнула его руку. – Ты поступил со мной подло. Ты мог бы поговорить, предупредить, а не вот так – сразу все.

– Извини, ты не права. Я тебе давно говорил, что поступать так, как ты, нельзя. Нужно было давно определиться. Не может быть так: со мной хорошо в постели, а с ним – в кресле перед телевизором за разговорами. В жизни не бывает так. Не должно быть так.

Он встал, затушил сигарету, налил воды в стакан.

– Будешь?

Таня не ответила.

– Как хочешь. – Он выпил до дна. – А насчет предупреждения – я не мог. Она неожиданно пришла ко мне домой, мы вспомнили молодость, и я попросил ее остаться. Теперь мы живем вдвоем в моей квартире. Может, я и жалею, что так поступил, но возвращаться к неопределенности – не хочу.

– Что же мне прикажешь делать? – она стряхнула с себя окаменелость. – Я порвала с Юрой.

– Ничего страшного. Он у тебя покладистый – простит.

– Это у тебя все просто: да – нет. Без середины. А вся жизнь проходит между этими: да и нет.

– Мне кажется, что ты даже не пытаешься приблизиться ни к одной из этих границ – так и остаешься между ними. –

Его начинал раздражать этот разговор.

– Ума хватило. – Она резко встала, бросила сигарету в пепельницу и пошла к выходу.

– Таня, – его оклик остановил ее у самой двери, – еще один момент. Нам обоим будет лучше, если ты уйдешь из этой фирмы. Я помогу тебе устроиться в другом месте.

Она, не оборачиваясь, вышла из кабинета. Усевшись за свой стол, Таня погрузилась в размышления.

«Ну вот, и осталась я, как Буриданов осел между двумя охапками сена – голодная».

Игорь Николаевич вышел из кабинета, попрощался со всеми и уехал на своей «девятке».

«Помчался к ней», – безразлично подумала Таня.

Посидев еще немного, она решила, что уволенной здесь делать нечего, и ушла, сославшись на головную боль.

Она ушла и не видела, как через некоторое время в сквере, недалеко от их офиса, появился Юрий. Он уселся на скамейке, откуда хорошо были видны двери, из которой недавно вышла Таня. Это место ему было уже привычно: он отсюда часто наблюдал за передвижениями любовников. Но сегодня он их не дождался и решил, что они уже давно уехали на квартиру к Игорю Николаевичу.

Таня долго гуляла по улицам, заходила в кафе, но мороженое, которым она хотела охладиться, не успокоило ее. Хотелось с кем-нибудь поговорить, поплакаться. Она зашла к подруге, с которой прожила четыре года в студенческом об-

щежитии и с которой давно не виделась. Подруга была счастлива с мужем и маленьким сыном. Поговорив за чашкой чая, в основном о ее семье и уяснив, что она очень изменилась и не поймет ее, Таня попрощалась и ушла. У подруги тихая, спокойная и счастливая жизнь. А что хочет она?

Домой идти не хотелось. Она завернула в сквер, в котором студенты любили отдыхать в ожидании занятий. Села на скамейку под знакомыми березами. Мимо торопливо проходили прохожие, – сквер был «проходной», – но они ее не интересовали. Ее внимание привлек опавший березовый листочек: зацепившись за тонкую паутину, висевшую на ветке, он отчаянно вертелся и раскачивался, пытаясь вырваться из пут и продолжить предопределенный природой путь. Но тонкая паутинка крепко держала его на короткой привязи и не отпускала. Вот так и она никак не могла вырваться из того плена, в который она попала – плена собственной нерешительности. Прав Игорь: давно нужно было сделать шаг в какую-нибудь сторону – и все проблемы были бы решены. Но она откладывала в надежде, что все образуется само собой. Иногда ей казалось, что она сама не желает выбраться из угла, куда она сама себя загнала, и что ей нравится сложившееся положение.

Посидев еще немного, Таня направилась домой. Во дворе дома она появилась, когда уже стемнело, и сразу увидела машины скорой помощи и милиции и небольшую толпу людей, собравшуюся как раз под их окнами. У нее защемило серд-

це. Медленно, боясь узнать что-то страшное, она приблизилась к ним. Через головы она увидела лежащего на асфальте двора Юру. Водитель скорой помощи и санитар не спеша готовили носилки. У нее потемнело в глазах, но она удержалась, не упала, а только прижалась лбом к прохладному боку машины.

– Месть Немезиды, – прошептала она. – Вот она месть Немезиды!

Кто-то тронул ее за плечо. Это был мужчина, который представился следователем.

– Вы жена погибшего? – спросил он и, не дождавшись ответа, попросил подняться в квартиру.

– Зачем он это сделал? – почему-то спросила она у следователя, будто он лучше ее знал ответ на этот вопрос.

– Она не знает, почему он выбросился из окна! – саркастически воскликнул один из соседей.

Таня, не глядя ни на кого, двинулась к подъезду. Жильцы дома, кто сочувствуя ей, кто презирая, расступились, пропуская ее в дом.

1999 г.

Ночь Полной Луны

Она лежала на спине с открытыми глазами, словно стараясь увидеть на потолке что-то важное для себя. Там перед ней, будто голографические картинки, проходили дни ее замужней жизни. Она пыталась остановить их, разобраться в них, но напрасно: дни проносились не задерживаясь. Почему, почему она не может выделить ни одного, чтобы лучше рассмотреть его? Что это? Неужели у нее не было ни одного дня, на котором можно было остановить взгляд, вспомнить все случившееся по часам, по минутам? Ведь было у нее время, когда она была счастлива, было. День свадьбы, когда он вносил ее на руках в дом: тогда она словно парила над всеми, и ей не было дела до гостей, зевак – только она и муж. И больше никого. А первые годы совместной жизни, полные любви и понимания? Но картинки этих лет быстро проплывают, сменяя друг друга.

А рождение дочери? Любимой и единственной. Хотела еще и сына – но не судьба. И это промелькнуло. Многие дни она пыталась задержать на освещенном бликами полной луны потолке, но все летело куда-то в сторону от нее и наплывало настоящее. Снова и снова пыталась воскресить в памяти давно прошедшие годы, но напрасно. И она сдалась. Недавние дни надвинулись, застыли где-то под потол-

ком: смотри, вспоминай, раскладывай все по полочкам.

Вот муж, счастливый и возбужденный, пришел домой: с другом открыли свое дело. «Открыли дело» – русские слова, а звучат не по-русски. Ей хотелось радоваться вместе с ним, но он в ее участии не нуждается. И пошло-поехало: работа, банкеты, поздние приходы домой. Позже появились другие женщины. Он даже и не скрывал этого: «Так надо». Чем лучше шли дела, тем меньше она была ему нужна. Он постоянно подчеркивал свое превосходство.

Вспоминала времена, когда в минуты отчаяния она могла успокоить, приободрить его, поверить в себя. Но прошлое ускользало и появлялось сегодняшнее, а здесь он ее уже не слушал, даже когда дела шли совсем плохо. Он замыкался в себе: на нем словно броня появлялась. Нет, он не гнал, не одергивал – он ее не замечал. По-прежнему он ей на праздники дарил – теперь уже дорогие – подарки. Вот и последний подарок на годовщину свадьбы преподнес. Очень дорогую и красивую брошь: большой изумруд, обрамленный маленькими бриллиантами. Но она была холодной, блестела, словно иней в морозный день – и не красила ее. «Бриллианты красят только счастливых людей. Может, я сама не хочу, чтобы эта брошь была украшением?» Сверкающая драгоценными камнями, с зеленым глазом в центре, брошь заняла весь потолок. Она уже не помещалась в комнате, но все увеличивалась и увеличивалась в размере, и вот она своей холодной тяжестью навалилась на нее. Дышать стало трудно.

Она сжалась в комок, и чуть было не закричала. Усилием воли оттолкнула от себя это чудовище, и брошь быстро уплыла, превратившись в хрустальную люстру, слабо блестящую в отраженном лунном свете.

Настоящее наплывало и останавливалось. Смотри, анализируй, разбирайся, думай.

Хотела вернуть былое доверие, стать участницей в его делах, просилась даже на работу в его фирму – но нет: вежливо, но категорично он дал понять, что о его делах ей не надо ничего знать. В доме появилось две жизни: его, покрытая коммерческой тайной, и ее с дочерью. Все чаще стал приходиться домой пьяным. Поужинав, а иногда и нет – сыт, он садился на диван перед телевизором и засыпал. Она его расталкивала, и он, не просыпаясь, переходил на кровать.

Она старалась приспособиться к новой жизни, убедить себя, что все в порядке, что так и должно быть. Пыталась привыкнуть к новому слову «дорогая» вместо старого – «любимая», но ей это удавалось плохо. Ей мало было общения с дочерью, с сотрудниками по работе, со знакомыми. Ей хотелось теплых и нежных слов мужа, его объятий, его ласки. Как давно это было. Редкая и холодная близость уже не приносила ей былого удовлетворения. Она начала свыкаться с мыслью, что стареет – середина четвертого десятка жизни. Иногда казалось, что ей это удастся. Но сейчас горячие волны одна за другой накатывались на нее, наполняли тело истомой и даже горькие воспоминания не могли избавить ее

от этого. Обнаженному телу было жарко под легкой простыней, и она сбросила ее. Пьяного мужа не разбудить, да ей и не хотелось его. Как-то постепенно он переставал быть для нее мужчиной.

Легкая прохлада из раскрытого окна слегка успокоила. Она решительно повернулась на бок, свернулась калачиком, закрыла глаза. Тут же перед ней проплыли обрывки лет и остановились на сегодняшней ночи. Вот она лежит нагая, с нестарым, страдающим телом, и никто не может ей помочь. Стало жаль себя, чтобы не расплакаться, она вновь легла на спину, вытянулась – так чувствуешь себя не такой несчастной. Обида отодвинулась, уступив место горячему телу и воспоминаниям. Провела руками по груди, животу, бедрам. Легкая дрожь пробежала по телу, грудь высоко поднялась и с тихим стоном опустилась. Она испугалась – не разбудила ли?

«Нет, так нельзя. Надо встать, умыться, успокоиться. Все войдет в уже ставшую привычной колею. Сейчас я усну, а утром встану, приготовлю завтрак мужу и дочери, провожу их из дома и сама пойду на работу. Эта кошмарная ночь забудется, следующая ночь будет спокойной, и меня не будут мучить видения, и тело не будет так гореть. Мне приснится сон: я среди цветов на лесной поляне. Голая. О Боже! Что со мной?»»

Она встала и, не одеваясь, подошла к окну. Высоко в небе светила полная луна; звезд было мало, и все они были каки-

ми-то блеклыми, и лишь у горизонта ярко сияла Венера – даже полная луна, залившая все вокруг матовым, белым светом, не смогла затмить Богиню Любви. «Ведьмина ночь, – почему-то пришло на ум это сравнение. – Ведьмина ночь». Постояв еще немного у окна, она прошла в ванную, открыла кран с холодной водой и пока вода «остывала», стала рассматривать себя в зеркало.

«Интересно, бывают ли ведьмы с зелеными глазами и каштановыми волосами?» Она встряхнула головой – длинные прямые волосы закрыли плечи, грудь. «Хотя в наше время меняют цвет не только волос, но и глаз. И все это делают без всякого колдовства». Большие, зеленые, чуть удлинённые глаза придавали лицу задумчиво-грустное выражение. Даже когда она улыбалась, в глазах была грустинка. Покусила полноватые губы – показались бледными. «Как давно он их не целовал». Она даже слегка вздрогнула от воспоминания о том, как они целовались, как при этом они вжимались друг в друга, по всему телу распространялось приятное тепло, голова кружилась, и счастье заполняло ее всю. Как давно это было...

Подняла волосы вверх, привстала на цыпочки, прогибаясь, потянулась, поглядывая в зеркало на себя сбоку. «Животик просматривается. Не то, что раньше, когда гимнастикой занималась». Она попробовала втянуть живот – талия стала тоньше, но... «И не такая уж старая: фигурка еще не потеряла стройности. Талия, бедра, длинные ноги, бархатная кожа

– все в норме». Провела рукой по еще упругой груди. «Конечно, уже не торчат так вызывающе, как в те счастливые восемнадцать лет, когда впервые он их увидел, но выглядят все еще привлекательно. Так мне кажется». Все тело смуглое от загара, и лишь небольшие белые треугольники от купальника на груди вокруг сосков да еще внизу на интимном месте. Соски большие, торчащие. «Когда-то они ему так нравились. Как он их целовал! А я их стеснялась и никогда без лифчика не ходила. Даже тонкие облегающие свитера старалась не носить – боялась, что будут видны». Потрогала один сосок, другой. Они набухли от прилившей крови и стали еще больше. Руками сжала груди вместе до боли и медленно отпустила. словно нехотя они распрямились. Соски грустно смотрели в стороны. Розовые соски на пятнышках белого, незагорелого тела. «Неужели он нашел лучше? И чем лучше? Ведь я любила его и всегда была ему верна. Он мой единственный мужчина».

Несмотря на внешнюю ласковость и притягательность зеленых с поволокой глаз, она считалась недотрогой. Мужчины, дойдя до незримой, но жесткой границы, встречали холодный зеленый блеск – и отступали. Никогда никакого повода на надежду она никому не подавала. Ничего, кроме комплиментов и цветов, не принимала. Но сейчас, кажется, она жалела об этом. Странная ситуация: ей нужен мужчина, и на кровати лежит ее мужчина, но он ей не нужен. Да.

Взгляд опустился ниже. Живот подтянут, даже не ска-

жешь, что родила, только вот появился жирок, и пупок как бы погрузился в тело, выглядел большим, а фигура от этого стала более привлекательной, женственной. «Как сейчас говорят, сексуальной». Она невесело улыбнулась. Повернулась к зеркалу спиной, посмотрела через плечо. И здесь все прекрасно. Тонкая талия плавно переходит в бедра, которые хотя и стали мягче и в весе добавили, но остались в пределах стандарта – 90 см. В местах, где ягодицы переходят в спину, ямочки стали выделяться резче. «Он в первую же их близость обнаружил эти впадинки – тогда они были еле заметные. А сейчас они вон какие». Но бедра по-прежнему выглядели удлинненными. «Как заметены белые следы от купальника. Неужели он такой маленький? Он же ничего не прикрывал ни спереди, ни сзади, а я лежала на пляже в таком виде, разбрасывала ноги, чтобы загар был равномерней. О Господи».

Что там ниже? Стройные ноги. Под коленками припухшие подушечки. «Почему они так нравятся мужчинам?» Немного полноватые икры не портили вида и выражение «точеные ножки» им вполне подходило, когда она была в туфлях на высоких и тонких каблуках. А босые ноги выглядели мягкими и гибкими. Она провела руками от талии вниз по животу, бедрам и остановилась на ягодицах. Гладкая, прохладная кожа сейчас была чувствительна даже к ласкам своих рук. От их прикосновения по коже пробежали мурашки, дыхание стало глубоким. «Боже мой. Это же безумие

какое-то. Я так с ума сойду».

Вода давно «остыла». Она несколько раз протерла мокрыми, холодными ладошками лицо, шею, грудь, живот. Это принесло успокоение. Не вытираясь, она подошла к окну. Огромный диск луны притягивал взгляд. «Сейчас бы метлу да на шабаш». Луна наплывала и уже занимала почти полнеба, и ей вдруг показалось, что это она мчится навстречу луне. Голова закружилась, и она оперлась о подоконник. «Говорят, что у рожденных под знаком Рыб в полнолуние прилив энергии. Это точно. С ума сойти можно от этого прилива».

Мертвая луна умертвила все кругом: звезды, деревья, дома, машины у подъезда. Свет от фонарей тоже мертвый. Ей показалось, что и в ней все остановилось, замерло. Остановилось дыхание, сердце. Прислушалась. Нет, она дышит, и сердце бьется, но медленно-медленно. И ее движения стали замедленными, растянутыми во времени. Она заставила стряхнуть с себя это наваждение. Все встало на свои места – луна, ночь и она нагая у раскрытого окна. Одна. Удушливая теплота вновь поднималась в ней, медленно обволакивая ее прохладное и еще влажное от воды тело. Внутри у нее все сжалось в комок, а тело, наоборот, стало большим-большим и горячим. Она дотронулась до груди, живота: кожа была прохладной. Он всегда восхищался этим ее состоянием – скрытый темперамент. «Какой же он скрытый?» Горячая волна поднялась выше, затуманила голову. Она уже ничего не видела и не чувствовала – только тело. Большое, охвачен-

ное истомой тело.

«Что же делать?» Перед ней проплывали лица знакомых и незнакомых мужчин. Промелькнуло лицо молодого человека, жившего на этом же этаже. Она попыталась прогнать его, но не получилось. Их знакомство можно было назвать «лестничным». Они часто встречались утром, но только на лестнице. Здоровались, перебрасывались ничего не значащими фразами и на улице расходились. Женское чутье подсказывало – она ему нравится. Вспомнились его короткие, но многозначительные взгляды, букеты цветов, подаренные им на 8-е Марта и на день ее рождения. Обручи сжали грудь сильнее. «Его квартира через лестничную площадку, и живет он один».

Оглянулась на спящего мужа. «А что муж? Он на меня никакого внимания не обращает», – мелькнула успокаивающая мысль.

Еще какое-то время она бездумно смотрела на сияющий диск в небе, затем набросила халат и вышла в пустой коридор. словно боясь, что передумает, она почти подбежала к его двери, сразу нажала на кнопку звонка и остановилась напротив глазка. Дверь открылась быстро, словно ее уже здесь ждали. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Он все понял и первым протянул руки навстречу ее рукам. Она вошла и вздрогнула, когда за ней захлопнулась дверь. Ноги стали тяжелыми, непослушными. Мужчина подхватил ее на руки и отнес на кровать. Он целовал ее, ласкал ее тело,

что-то шептал на ухо. Она, словно сделав трудное и важное дело, успокоилась, расслабилась и с закрытыми глазами доверила свое слабое, измученное ожиданием любви тело его сильным и ласковым рукам и горячим губам.

Через час она стояла в ванной и снова рассматривала себя. Она хотела возненавидеть свое красивое и податливое тело, но не смогла. Сожалений тоже не было. Успокоенное тело счастливо молчало и лишь глубоко в душе, на самом ее доньшке, беспокойно ворочался вопрос: «Что дальше?»

За окном по-прежнему разливала белый матовый свет луна. «Ведьмина ночь», – вновь подумала она, теперь уже спокойно.

1998 г

.

Привычка

Только гении делают великие открытия до тридцати лет. Обычные люди делают их всю жизнь. Так было и со Степаном Ивановичем Урывским, главным бухгалтером небольшого завода по выпуску металлических изделий. Он сделал два открытия за одни сутки: одно вечером, другое, совершенно противоположное, утром следующего дня.

Но все по порядку.

Как обычно, его жена с младшим сыном на зимние каникулы отправилась к маме в деревню, а Степан Иванович остался в городе: профессия бухгалтера и отдых на стыке двух годов не совместимы. Сам он считал, что его жизнь сложилась, в общем, не плохо: у них с женой два сына, старший уже служит в армии, в сорок девять лет он всеми уважаемый главный бухгалтер завода, имеет квартиру, машину, теща и тесть живут в деревне. В общем, все хорошо.

Завод, как и большинство предприятий, больше простаивал, чем работал, но отчет есть отчет, тем более у плохо работающего предприятия. Вот и в этот раз все были в заботах по встрече Нового года, а Степан Иванович со своим немногочисленным коллективом – в отчетах. Но женщины, готовя отчет, готовились и к празднику. Особенно старалась Галина Васильевна, Галочка, как нежно называли ее мужчины

из соседних отделов. Разведенная уже со вторым мужем, Галочка на них внимания не обращала. Взор ее был нацелен на Степана Ивановича. Виной всему, по-видимому, была плохая осведомленность о семейной жизни ее начальника.

Сам он особо не распространялся об отношениях со своей супругой. Да и что хорошего он мог рассказать о семейной жизни простого советского, а затем российского бухгалтера в годы перестройки: работа на заводе, дома – диван и хлопоты по хозяйству, летом добавлялась еще дача за пятьдесят километров от дома. Были размолвки с женой, – у кого их не было, – но крупных ссор удавалось избежать. В молодости они любили друг друга, а была ли сейчас у них любовь или это уже была привычка? Кто знает? Но семейная жизнь больших проблем у него не вызывала и вполне устраивала его.

Нежелание Степана Ивановича говорить о своей семье навеяло Галочке мысль, что в нынешнем положении Степан Иванович несчастлив, и она решила сделать этого солидного, всегда одетого в белую рубашку и темный костюм мужчину счастливым в семейной жизни. Решение это пришло уже давно, когда на дне рождения одной из сотрудниц бухгалтерии, устроенном на рабочем месте после трудового дня, Степан Иванович на прямо поставленный Галочкой вопрос: «Вы счастливы со своей женой?», неожиданно стушевался и как-то неопределенно и философски ответил: «Вы скажите, что такое счастье, и я скажу, счастлив ли я». Вот тогда Галочка и решила убедить его понимать счастье так, как пони-

мает его она.

Сейчас, накануне Нового года, сидя за праздничным столом в бухгалтерии, она делала все, чтобы Степан Иванович согласился прийти к ней и встретить Новый год в кругу близких ей людей. Ее настойчивость и фраза «Ну что вы будете делать дома один?» – позволили ему убедить себя в том, что ничего предосудительно в этом визите не будет.

Галочка, в нарядном платье, встретила Степана Ивановича с радостным блеском карих глаз и с обворожительной улыбкой. Степан Иванович даже слегка растерялся: такой красивой он Галю еще не видел, а может быть, не обращал внимания? Галя дома была одна. Как оказалось, в последний момент близкие друзья не смогли прийти к ней, и теперь они будут встречать Новый год вдвоем. Отступить было неудобно, и он остался. Обменялись подарками. Гале Степан Иванович подарил духи, а ему был вручен красивый махровый халат. Садясь за праздничный стол при свечах, накрытый на двоих с разными деликатесами и охлажденным шампанским, и принимая из рук хозяйки тарелку с необыкновенно вкусно пахнущими салатами, Степан Иванович в этот вечер сделал свое первое открытие: надо же, какие красивые и хозяйственные женщины есть. В невольном сравнении жена оказалась в проигрыше во всех отношениях. Новогодние поздравления, шампанское, водка, вкусные закуски еще больше убедили Степана Ивановича в превосходстве этой над той. Ему в какой-то момент даже показалось, что он по-

пал если не в рай, то в место, расположенное где-то рядом с раем. Галины рассуждения о новых счастливых семьях, вначале показавшиеся ему нелепыми, стали приобретать смысл, наполняться реальным содержанием. Правда, в постели он чувствовал себя не так уверенно, как за столом. Он понять не мог, в чем здесь дело, потому что до сих пор никаких проблем с этим у него не было, а тут...

– Ничего, – успокоила его Галя, – привыкнешь, и все войдет в норму.

Она была почти уверена, что Степану Ивановичу придется менять привычки. Но его эти слова не успокоили, а даже немного разволновали. Почему, он не понял, но долго не мог заснуть. Но утром он проснулся в хорошем настроении, голова не болела; Галя была на кухне, что-то готовила и тихо напевала незнакомую ему песню.

– Дорогой, – донеслось с кухни, – ты уже проснулся? Иди умойся, почисти зубы: я тебе там новую щетку с голубой ручкой приготовила и полотенце свежее повесила.

Степан Иванович потянулся до хруста костей, встал. На стуле весел подаренный халат, возле стула стояли новые мягкие тапочки – точно по его размеру.

«Надо же, – подумал он, – пустяк, а приятно».

Он почистил зубы, умылся и пошел на кухню – здесь его ждало продолжение вчерашнего застольного блаженства. Все прекрасно, не то, что... Да.

– Милый, ты зубную щетку ставь щетинкой в чехольчик:

меньше пылиться будет, – сказала Галя, выходя из ванной. – И полотенце распрямляй, чтобы просыхало.

– Я машинально. Как получилось... – Степан Иванович немного растерялся. У себя дома он даже не помнил, как ставил щетку и распрямлял ли полотенце.

– Ничего, милый, понемногу привыкнешь. Я буду тебе напоминать, подсказывать.

И вдруг Степану Ивановичу словно чем-то острым пронзило грудь: вот что его беспокоило ночью – «привыкнешь». «Двадцать лет я свыкался и жил с одними привычками или вообще без них, а теперь придется привыкать к другим? Нет, возраст не тот, чтобы менять привычки. Еще случится инфаркт», – грустно размышлял Степан Иванович, допивая кофе и глядя перед собой в одну точку.

Второе открытие, сделанное им за эти сутки, было более категоричным: с женой, если не лучше, то привычнее.

2002 г.

Снова Праздник!

Боже мой, уже почти шесть часов. Когда же я успею стол накрыть? Видите ли, Крымовы не могут прийти в субботу, как все приглашенные на день рождения мужа. Теперь для них надо отдельно стол готовить. «Чисто символически!» Легко сказать. Даже на двоих и то нужно что-то приготовить.

Куда же транспорт подевался? И почему он всегда в обратную сторону идет? Ну, слава Богу, поехали.

Так, что поставить на стол? «Ограничимся бутербродами». Так я и поверю. Придут, и сразу же к столу: что там? Конечно же, программу придется урезать, но желательно не слишком: Крымов все-таки начальник мужа. Нашли начальника. Ну да ладно, это их дело. Продолжим. Колбаса, мясо для нарезки есть, рыба для бутербродов тоже, – догадалась купить заранее. Огурцы, помидоры и все прочее для салата есть. Но это же все надо приготовить. Надеюсь, муж про торт не забудет. А если забудет, то пусть пьют чай, как в лучших домах: сидя в креслах и держа чашки в руках. А что на горячее? Нужно что-то мясное. Говорят, что от мяса быстро стареют – это точно, зато дольше живут. Конечно, картошка с огурцом полезнее, чем бифштекс с яйцом, но ведь не поймают.

Ну вот я и дома. Осталось полтора часа. Так, почистить

картошку, отбить мясо, нарезать все, что есть, накрыть стол. Боже мой, сколько работы. Чем меньше времени остается, тем больше надо сделать. Как в очереди: чем ближе к прилавку, тем больше впереди вас стояло. Ох, эта картошка! И как всегда: старые перчатки выбросила, а новые не купила, а после чистки картошки без перчаток руки становятся такими, что можно ими ржавчину с железа очищать. И лак с ногтей сползает.

Так, картошка в кастрюле, мясо в духовке, шампанское и водка в холодильнике, стол накрыт – пусть кто-нибудь другой попробует накрыть стол так быстро и ... О, Господи! Пустой стол. Надо чем-то заполнить. Так, там где-то есть шпроты; про лимон и апельсины забыла; хлеб надо нарезать. Нарезку на две тарелки разложить, а вазочку с маслинами вот сюда. Еще тарелочку ассорти из целых помидорчиков и огурчиков с петрушечкой и укропчиком. Вот так! Теперь и места мало. Ох, там же еще бананы есть, а ставить их некуда. А, пусть полежат в холодильнике. Не пропадут. Вот и накрыла стол. Все когда-нибудь кончается.

Пора заняться собой. Легкий душ, – и к зеркалу. Мужчине неважно, как он выглядит – главное быть молодым, хотя бы духом. А женщина должна быть молодой и красивой, хотя бы на вид. За пятнадцать минут молодой не станешь, тем более красивой. У, не лицо – африканская маска. Выжатый лимон! Но другого нет – будем трудиться над этим. Даже из выжатого лимона можно приготовить хорошие цукаты. Так, при-

чески аккуратнее, пробор ровнее – мне это нетрудно. Мне ничего нетрудно! Ресницы подправим, чтобы в глаза бросались. Губы. Губы должны быть ярко красными: ведь я решительная, уверенная в себе женщина. Да, да, я решительная и уверенная. Очень уверенная! Пусть все это знают! А какая я на самом деле, знаю только я.

Платье. С платьем вопрос давно решен. Новое платье не готово – ничего страшного: старое платье я надевала всего пару раз. Не думаю, что Крымовы его запомнили. Легкое, светлое платье – лето ведь. Вот сюда небольшой красный бантик – под цвет губ, – а пуговицы сверху я совсем не буду застегивать. Сколько застегнуть снизу? Не продумала. Застегну две. Ну а если уж очень скромно будет – расстегну. Шутка. Смешно.

Духи, духи, духи. Знойным женщинам – экзотические запахи. Ну не знаю, что в этих духах экзотического? Сойдут.

Так, портрет, кажется, набросан. Даже немного лучше, чем у Пикассо, – лицо не перекошенное. Это уже неплохо.

Теперь туфли. Какой идиот придумал их такими узкими и на высоких каблуках? За день ноги так отекают, что ношение их превращается в пытку – испанские сапоги святой инквизиции, а не туфли. Почему нельзя в мягких, легких, таких привычных тапочках?

Ох, как же я устала. Мне бы сейчас прилечь хотя бы на пять минут, вытянуться, закрыть глаза, расслабиться. Но как раз этого делать не надо – будет хуже. Сейчас я как беговая

лошадь, сделавшая разминочный круг перед скачкой: теперь застаиваться нельзя – только вперед. Когда это кончится, не представляю. А чем кончится, я отлично знаю. Крымовы уйдут, и муж начнет объясняться в любви. Приятно, что тебя любят, очень любят, ну очень-очень. Но надо же будет доказывать, что и ты его любишь. У мужа, как выпьет, начинается прилив нежности и возможности, а мне в такие дни после первой же рюмки спать хочется. Одной. И чтобы меня до утра никто не трогал.

Чу! Звонок. Туфли – надеть! Что там в зеркале? Ну и ну. Так, взбодриться и вперед с обворожительной улыбкой. Гости пришли!

2003 г.

Ходики с хромотой

Двадцатипятилетие окончания университета физфаковцы решили отметить широко – с официальной и неофициальной частью. Торжественную часть решили провести в своей любимой 408-й аудитории. Это была уютная комната с рядами столов, спускающихся уступами из-под потолка к длинному столу, к кафедре, к большой, коричневой доске. Тогда в этой аудитории с трудом помещались все студенты физфака, а сейчас она не была заполнена и на четверть.

Располневший, с увеличившейся на всю голову лысиной и в неизменных очках с сильными стеклами, но теперь в золотой оправе, постоянный староста факультета, Николай Степанов, пытался навести порядок. Наконец шум немного утих, и он начал переключку по алфавиту. Когда была названа фамилия Коршунов, то никто не откликнулся.

– Коршунов, поднимись, – уже громче прокричал староста. – Он подходил ко мне, отметил, – словно оправдываясь, говорил Степанов.

– А Пономарева здесь? – спросила миловидная женщина. – Какая у нее теперь фамилия?

– Пономарева-Сорокина Светлана Николаевна, ты где? – староста снизу осматривал присутствующих. – Ее тоже нет, а ведь была.

– Ну вот, снова, как и двадцать пять лет назад, их нет на собрании. Не забыли привычки.

– Это чистое свинство, – возмутился староста. – Собрались, чтобы пообщаться всем вместе, а им дела нет ни до кого.

Немного пошумев о прошлом, аудитория успокоилась, и староста продолжил переключку-представление с комментариями.

А бывшая Пономарева и Коршунов Владимир Степанович, как и в то далекое время, сидели в небольшом сквере на высоком берегу реки. Разговор не складывался, поэтому они больше молчали, думая каждый о своем, о тех прошедших невозвратно студенческих годах, когда они вот так же, плюнув на лекцию или собрание, уходили сюда или куда-нибудь еще и наслаждались жизнью, своей любовью, друг другом. Тогда было много тем для разговоров, и их тела касались друг друга. А сейчас... Светлана даже сумочку поставила так, чтобы она их разделяла, хотя за ним пошла сразу, не раздумывая, стоило ему позвать ее.

И вот они, двадцать пять лет спустя, снова сидят в этом сквере с видом на противоположный берег реки, теперь застроенный новыми, ослепительно белыми в лучах летнего солнца, домами.

– Подумать только, – Светлана огляделась вокруг, – столько лет прошло, а сквер почти не изменился. Скамейки только другие, – помолчала, подбирая слово, – неудобные.

– Да, что-то меняется, а что-то остается тем же, – вздохнул Владимир. – Как ты живешь? – вновь попытался завязать разговор.

– Нормально. На судьбу не жалуясь. А ты?

Он молчал, глядя вдаль сквозь листву разросшихся деревьев.

– У тебя как жизнь сложилась? – снова переспросила Света. – Я ведь о тебе почти ничего не знаю. Только по слухам от старых друзей. – Она повернулась к нему в пол-оборота и убрала, теперь уже мешающую сумочку. – Что молчишь?

– Мне плохо без тебя. Очень плохо, – сказал он, не меняя позы.

– Здравсте. Через двадцать пять лет он мне говорит это! Где ты был тогда? Почему ушел после распределения и даже не попрощался со мной? – она отвернулась от него, пытаясь сдерживать слезы. – Что мне было думать?

– Я не ушел тогда – сбежал. Я тогда сбежал от тебя. Я даже не стал ждать прямого поезда до Москвы, а сел на первую же электричку и уехал, – говорил он, не отрывая глаз от дальнего берега, от небольшой рощицы среди новых домов, что уцелела с тех далеких времен.

Что он сбежал, она догадалась сразу, хотя и не хотела верить в это. Сейчас она ожидала, что он будет все отрицать, оправдываться, а он сам признался. Светлана даже слегка растерялась и не знала, что ему ответить. Она тогда любила его без памяти, знала, что и он ее любит. Но он предал ее.

При распределении он нарушил их уговор и, пользуясь правом отличника, выбрал город в Сибири, где была только одна точка, и, не дождавшись ее, исчез. А она надеялась, что они будут вместе: все знали об их отношениях и никто не был бы против, если бы они попросили направить их в один город. Но он сбежал. Сбежал!

– Зачем ты это сделал? – наконец собралась она с мыслями. – Я разве заслужила это?

От воспоминаний, от давно забытой обиды, вдруг всплывшей из затаенных уголков памяти, у нее из глаз потекли слезы. Она достала платочек, прижала к глазам.

– Дурак, потому что. Дурак! – он повернулся к ней. – Ты плачешь? Ну что ты, не надо. Не стою я того.

– Я не тебя жалею – себя, – отняла платок от глаз. – Ну вот, тушь размазала. Посмотри.

Он достал очки, надел.

– Нет, ничего. Вот только чуть-чуть.

Он взял у нее платочек и слегка промокнул под глазом. Не удержался и погладил ее волосы.

– Такие же мягкие, только цвет другой – ярче. И духи другие.

– Не забыл? – удивилась она.

– Я все помню, потому что я до сих пор люблю тебя. Безумно.

– Кто же в этом виноват, что все так получилось? Мы же любили друг друга.

– Поэтому я и сбежал, – он резко выпрямился, положил правую руку на спинку скамьи. – Я тогда поставил себе цель – достичь вершин в науке. Ты знала об этом, соглашалась, но мешала. Много позже я понял, что не все так просто в этой жизни. Сбывшаяся мечта не принесла мне счастья, потому что рядом не было тебя. А тогда я рассуждал совсем по-другому, – он усмехнулся. – Я думал, что наша любовь будет мне обузой. И это действительно было бы так. С тобой я бы не достиг того, что достиг без тебя. Находясь рядом с тобой, я бы не смог ночами сидеть в лабораториях по полгода, а иногда больше, бывать в командировках, на полигонах, в экспедициях. Я бы не смог уходить от тебя так надолго, оставлять тебя одну, – Владимир сделал небольшую паузу. – Я не мог ничего делать рядом с тобой: я мог только любить тебя. И я страдал от этого, хотя и не говорил никогда.

Очки показались ему грязными, и он начал тщательно протирать их платком.

Воспользовавшись этим, Света сказала:

– Я догадывалась о причине твоего исчезновения: еще в студенческие годы, когда тебе нужно было что-то сделать, ты исчезал и не появлялся по нескольку дней. Даже на занятия не приходил. А на летних каникулах ты то на вулканы лазил, то в тундру уходил – и никаких писем от тебя. Возвращался всегда бородатый, чужой, – на лице Светланы появилась нежная улыбка воспоминания.

– Это я проверял – смогу ли без тебя. Мне тогда казалось,

что смогу. Первые годы я был настолько увлечен работой, что о тебе вспоминал редко. Затем затосковал, – Владимир спрятал чистые, но ненужные очки в футляр. – Я ведь через четыре года – это было в семидесятом – приезжал к тебе поделиться своей радостью: окончил аспирантуру, защитил кандидатскую. Но я опоздал: ты была уже замужем. Я видел, как светилось счастьем твое лицо, когда ты гуляла с дочкой. Я так решил, потому что ребенок был весь в розовом. Я побоялся к тебе подойти: не хотел тебя расстраивать. Уехал. А через два года и я женился. Женился на дочери ректора местного университета. Стервой была, но меня это не очень волновало: открывались двери для спокойного занятия наукой. Я перешел из НИИ в университет на преподавательскую работу, получил лабораторию и начал работать над докторской диссертацией. По-прежнему месяцами проводил на полигонах, в командировках. Родилась и у меня дочь. Я хотел Светой назвать, но меня и слушать не хотели. Они решили, что лучше Аидой. Сейчас ей семнадцатый год. Красавица, но капризная – жуть. Меня любит... – он замолчал, провожая взглядом прошедшую мимо женщину с ребенком. – У меня с дочерью отношения складывались очень трудно. Несмотря на взаимную любовь, мы не всегда понимаем друг друга. Говорят, что если после рождения ребенка в течение двух часов его не прижать к груди, то потом матери установить с ним контакт будет очень трудно. А я практически года три не брал дочь на руки: мне постоянно нужно было работать на

радиотелескопах, локаторах, со спутниками – по всему свету мотался. Затем пришлось долго устанавливать контакт с ней. Но ничего, выросла и поняла меня, дурака. Да она и сама такая, как я, – увлекающаяся.

– Но я долго не выдержал в этой семье, – продолжал он, – хотя дома и редко бывал. Разошлись мирно, но работа над докторской затянулась: потерял поддержку ректора. Да и самому хотелось что-то необычное сделать, поэтому я все по несколько раз переделывал, постоянно добавлял новый материал. Знаешь, все, что я делал, посвящал тебе. Всегда мысленно спрашивал тебя: «Хорошо? Тебе нравится?»

– Ну и что я отвечала? – улыбнулась Светлана.

– Ты молчала. Я ведь не знаю твоих новых интересов, слов, которые ты сейчас используешь при разговоре, поэтому ты тактично молчала. Мне стало недоставать тебя, я весь извелся, ничего не мог делать. Мне казалось, что я должен срочно к тебе приехать, поговорить, увезти с собой. И вот через семь лет я вновь в вашем городе, и вновь ты счастлива с маленьким ребенком, теперь он во всем голубом. Разве я мог к тебе подойти? Если ты рожаеть второго ребенка, значит счастлива. Зачем же я буду разрушать твоё счастье?

– Да, правда, я родила сына, когда дочери было семь лет и она готовилась к школе.

Они помолчали. Над городом опускался вечер. Солнце уже спряталось за высокие коробки домов, и в сквере все стало серым, бирюза листьев постепенно превращалась в обыч-

ную темную зелень, но на том дальнем берегу его свет еще отражался от белых стен и окон домов, вытянувшихся в линию вдоль набережной.

– Ты правильно сделал, что не подошел. Я тогда еще не забыла тебя, но к мужу я уже привыкла, и мне с ним было хорошо. Так что ни к чему было напоминать о себе. Да и сегодняшняя встреча лишняя.

– Почему лишняя? Может, она будет самой главной в нашей жизни. Ведь ты помнишь меня, любишь. Я чувствую, что любишь, – взял он ее за руки.

Она не знала, что ответить. Конечно, она его помнила, помнила свою любовь к нему, но это было в прошлом. Любит ли она его сейчас?

– У меня есть предложение: давай все бросим, уедем вдвоем куда-нибудь и до конца дней своих будем вместе. Что ты на это скажешь? – он по-прежнему держал ее руки в своих руках.

– Скажу, что ты как был каким-то ненормальным, так и остался им. Это для вас, мужчин, легко семью бросить, потому что вы все эгоисты. Вы о других не думаете: лишь бы вам хорошо было, – она освободила руки. – У женщин совершенно другой склад ума. Ну как я, уважаемая всеми женщина, преподаватель, хорошая жена, мать двоих детей, брошу все это и в свои сорок семь лет убегу с каким-то обормотом, хотя и доктором наук. Ты подумай своей умной головой. Нас же никто не поймет. Дураки, скажут, старые.

– Я так и знал, что ты это скажешь. Ты всегда была рассудительной и осторожной.

– А ты никогда не обдумывал то, что делал.

– Ну, не будем ссориться, – он как-то неловко обнял ее за плечи. – Предложение оставляю в силе. Подумай.

– Да и думать я не буду. Двадцать пять лет назад предложил бы мне это – не задумываясь, бросилась бы вслед за тобой куда угодно. Но не сейчас. Мне самой очень жаль, но все в прошлом, – она осторожно, по очереди сняла его руки со своих плеч. – Правда, мне бы хотелось совершить какой-нибудь безрассудный поступок, но не осмелюсь.

– Тогда у меня есть другое предложение: пойдём ко мне в гостиницу, – он встал и протянул ей руку.

Она несколько секунд смотрела на него, потом подала ему правую руку с обручальным кольцом на безымянном пальце. Не его кольцом.

В гостинице Владимир занимал двухкомнатный люкс – доктор наук все же. В холодильнике стояла бутылка шампанского, бутерброды, фрукты. На столе цветы, приборы на двоих.

– Ты был уверен, что я приду, – сказала немного раздосадованная на себя Светлана.

– Надеялся, – весело сказал он. – Умыться можно вон там, а я займусь столом.

Они выпили за встречу, с удовольствием поели. Потом снова разговор о студенческих временах – другой общей те-

мы у них не было. От шампанского, от воспоминаний кружилась голова, и она не противилась его поцелуям, его ласкам. В постели они чувствовали себя, как в те, давно ушедшие годы. Прошлое вернулось, и они были счастливы. Немного успокоившись, он сказал:

– Светик, – так он звал ее тогда, – ты знаешь, запах твоего тела преследовал меня все эти годы. Бывало, сижу один или, прости, с другой женщиной, и вдруг – твой запах. Мне иногда казалось, что я с ума схожу. Мне становилось тоскливо и страшно хотелось тебя: звериный инстинкт какой-то – на запах.

Она лежала, глядя в потолок, молча. В глазах стояли слезы. Он заметил это.

– Ты что, плачешь?

– Нет, просто мне хорошо. Мне давно не было так хорошо, – чему-то улыбнулась. – А ты помнишь, как мы искали место, где можно было уединиться? В твоём общежитии ребята нас понимали, но мне было стыдно, и ничего хорошего не получалось. А у нас девчата были вредные: или от зависти, или действительно соблюдали моральный кодекс, но уговорить их уйти погулять было невозможно, – и весело добавила: – Зато в колхозе нам было раздолье. Почти каждую ночь в стогу сена ночевали. Помнишь?

– Помню, – подумал, вспоминая. – Однажды пьяный сторож нас застукал, но не прогнал, а пообещал нас охранять. Храп был! Помнишь?

– Конечно. Но чаще всего я вспоминаю комнату, которую я снимала последние два года, и хозяйские ходики на стене. Ты всегда их сдвигал так, чтобы они стучали неравномерно: ты не любил монотонность. В этой комнате я по-настоящему была счастлива с тобой.

Она замолчала, глядя на стену, словно пытаюсь разглядеть там часы-ходики с большими бегающими глазами совы. Молчал и он.

– А еще помню, сколько я ждала, когда ты предложишь выйти за тебя замуж, но ты не сделал этого. Ты всегда убегал от всего, – она оторвала взгляд от стены, укрылась простыней до подбородка. – Ты ведь не знаешь, что я аборт сделала перед последним курсом. Ты, как всегда, где-то был, и мне не с кем было посоветоваться. Я тогда очень испугалась: не знала, как ты отнесешься к этому. Ты ведь всегда был против раннего ребенка. Подруги – они умные и все всегда знают – заставили сделать. Как мне было стыдно! Но я прошла сквозь это, чтобы тебя не потерять – и все же потеряла.

– Это правда? Почему ты мне не сказала об этом? Хотя ты права: я бы тогда еще раньше убежал от тебя – *у меня была цель!* Идиот. – Некоторое время они лежали молча. – Да, я достиг кое-чего в науке, даже больше, чем мечтал. Таким трудом давались ступени, что когда преодолевал очередную, то радоваться не было сил. Но счастье оказалось не в этом. По-настоящему я был счастлив только с тобой, но тогда я этого не понимал.

– Ну а если бы все сначала? – она не стала продолжать, боясь, чтобы он не подумал, что она сейчас согласна уйти с ним.

– Ты хочешь знать, как бы я поступил сейчас? – его глаза застыли на невидимой точке на потолке. – Я часто об этом думал, так что твой вопрос не застал меня врасплох. Не буду тебя обманывать – так же. Прости.

– Вот видишь. Все было бы, как было. Зачем же нам все менять?

– Старое менять не надо, – он повернулся к ней. – Изменим нынешнюю жизнь. Начнем новую жизнь с сегодняшнего дня. Сейчас, – он, замолчав, уткнулся лицом в ее грудь.

– Нет. Не будем и говорить об этом. Я не могу, да и не хочу.

Она ласкала его тело своими нежными, такими знакомыми ему руками, гладила начавшие сесть волосы, пыталась разгладить, как в те далекие времена, складку над переносицей, и как тогда, спрашивала: «Чем же ты сейчас озабочен?»

– Значит, снова я один, – он взял ее руки, сложил их лодочкой, уткнулся лицом в них и долго лежал молча.

Она, отвернувшись от него, смотрела в потемневшее окно. Ее глаза повлажнели. Почему? Что с ней происходит? Что ей до того, что он не изменился? Но глаза уже наполнились слезами. Почему она так расстроилась? Жаль себя или его? Ведь они оба по-своему счастливы: она в своей семейной жизни, он в своей работе. А кто знает, как сложилась

бы их совместная жизнь? Это он только говорит, что будет счастлив с ней. Он, может, и будет, только не она. Еще в студенческие годы она поняла, что он не создан для дома, для семьи. Для него жизнь – это работа. Он на многие годы вычеркивал бы ее из своей жизни. Затем возвращался бы на короткое время и снова уходил. В молодости она его любила и готова была к такому – он не захотел. Теперь, пожив в другом мире, когда муж постоянно был рядом, деля с ней ее заботы, она не хотела испытать и части того, что ждало бы ее с Владимиром. Но слезы уже текут по щекам. Неужели она жалеет, что тогда он уехал без нее? Ведь она же совсем забыла о нем. У нее муж, дети, работа. Все устроено, и она счастлива. Но слезы стекают по щекам на шею. Ах, как давно это было, но она помнит, как ее пьянили встречи с ним, как прощала его внезапные исчезновения – ведь за ними были радости встреч, свиданий. С мужем такого никогда не было: вся их совместная жизнь протекала тихо и спокойно. Им все завидовали, и она считала себя счастливой. Но вот вновь появился он, и она плачет, как давно не плакала. Плачет от радости встречи с ним, от воспоминаний, от огорчения, что тогда не сложилась их совместная жизнь, плачет от сознания того, что она прожила совсем другую жизнь. Слезы текли и текли – слезы облегчения. Она чувствовала, как ей становится легко и радостно. Почему?

Он отнял ее руки от лица, посмотрел на нее.

– Ты плачешь, любимая. Прости, прости меня, что вновь

тебя расстроил. Прости меня, болвана старого, и не плачь. Я не достоин твоих слез, – шептал он и целовал ее лицо, шею, грудь, – прости.

Она молча лежала, стараясь успокоиться, и обессиленной рукой гладила его волосы.

– Все хорошо, дорогой мой, все хорошо. Это я от счастья плачу. Глупая я. Мне тебя убить бы надо за прошлое, а я радуюсь встрече с тобой. Правда, говорят, что бабы дуры. Вот и я не исключение, – говорила она уже без слез. – А ты счастлив?

– Счастлив ли я? Да, сейчас я счастлив. Я много лет ждал этой встречи, и вот мы встретились.

Он лег на спину, разглядывая лепные украшения вокруг люстры, плохо различаемые в слабом свете настольной лампы.

– А что такое счастье? – спросил он. – Извечный вопрос. Человек может быть счастлив какое-то мгновение, час, день. Ну, несколько дней. Потом острота ощущений притупляется, и ему хочется нового счастья. Постоянно можно быть счастливым только в раю, если, конечно, он есть.

– Почему ты так сурово относишься к понятию счастья? Ведь говорят же: «Они прожили долгую и счастливую жизнь», – вступилась она за счастье. За свое счастье.

– Это только говорят. На самом же деле это не так. Счастье – это всплеск эмоций. Импульс. А импульс имеет максимум и минимум, и время действия. Долго тянущийся всплеск

эмоций вскоре станет привычным, и человек уже не будет его ощущать как счастье. Чтобы быть счастливым всегда, нужны все новые и новые всплески, а такое в жизни невозможно. Так что всегда будут отрезки времени, когда человек не сможет сказать, что он счастлив. Но это не страшно. Новые всплески будут чувствоваться сильнее. Нормальные люди счастливые периоды запоминают лучше, чем обычные, поэтому может показаться, что человек бывает счастлив если не всю жизнь, то достаточно долго. Счастье понятие конкретное и определяется в пространстве и времени, как все остальное.

– Ну ты и определил счастье. Как-то вдруг сразу стало неинтересно быть счастливой в пространстве и времени. Видно, что ты ученый-математик. Неужели ты свое счастье так определяешь?

– Нет, конечно. Я принимаю его без всяких определений – счастлив, и прекрасно. А такое определение счастья – это привычка все объяснять с научной точки зрения.

– Я никогда не могла, даже и не пыталась объяснить, что такое счастье. Когда мне хорошо – я счастлива. А оказывается, это всплеск эмоций, который скоро проходит. Интересно, как теперь я буду воспринимать счастье?

– Когда ты будешь счастлива, ты про эмоции вспоминать не будешь. Ведь когда ты спешишь и срезаешь угол, ты не вспоминаешь, что гипотенуза короче двух катетов. Так и здесь. Ведь ты счастлива, что мы вместе?

– Да, я счастлива. Но, по твоей теории, всплеск пройдет, и я снова окунусь в свою, теперь уже не счастливую жизнь. Что делать, чтобы быть счастливой? – она с улыбкой смотрела на него, разглаживая упрямые морщины на лбу.

– Например, вновь встретиться со мной.

– Легко сказать: «Вновь встретиться». Мне стыдно за эту встречу, а ты предлагаешь встретиться вновь.

Помолчали.

– А чем ты занимаешься сейчас? – сменила она тему.

Он повернулся к ней, прижался к плечу.

– Сейчас пишу очередную книгу. Зачем мне это нужно? Я не знаю. Но я уже не могу без этого – запрограммирован.

– Какую книгу, если не секрет? – спросила она, пропуская сквозь пальцы его поседевшие и поредевшие волосы.

– Названия еще не придумал. Про электромагнитные колебания.

– У меня все колебания всегда ассоциировались с часами-ходиками. Тик-так, тик-так. Немножко с хромотой, – она засмеялась все тем же милым смехом.

– Вот, точно! Колебания с хромотой. О них и их хромоте я и пишу. Теперь я ее закончу быстро – заряд энергии получил.

– Получил, и хватит. Мне пора в свою гостиницу.

– Зачем? Оставайся здесь.

– Нет, нет. Там же девчата наши. Я в одной комнате с Катей Осокиной и Ниной Лукиной. Они, наверное, уже пришли с банкета. Помнишь их? Ну вот, ты, наверное, никого

не помнишь, – говорила она, одеваясь.

– Кое-кого помню. Степанова, например: стипендию у него получал, когда хвостов не было. – Он посмотрел на часы. – По-моему, банкет еще в самом разгаре. Пойдем в ресторан.

Он смотрел, как она причесывается у зеркала, красит губы. Хотелось запомнить каждое ее движение, каждый изгиб тела.

– Ты что так смотришь? – спросила она его через зеркало.

– Ты такая же стройная, как и была.

– Ну что ты! С тех пор я пополнила на десять кг.

– Я заметил, но это то, что надо, – говорил он, натягивая брюки. Немного погодя сказал: – Я хочу с тобой встречаться.

– Что ты говоришь? Я и так сгораю от стыда: мужу изменила, а ты – встречаться.

– Я прошу тебя. Хоть изредка, хоть раз в год.

– Не мучай меня. Не проси. Я не смогу.

– Я буду приезжать в твой город, останавливаться в гостинице на одну ночь. Ты придешь ко мне вечером на два часа, как сегодня, а затем я уеду еще на год. Ну, пожалуйста. Мне тяжело вдвойне, потому что я виноват в том, что мы не вместе, – говорил он, целуя ей руки, шею.

– Ну, хорошо, – согласилась она, – только ты приедешь, когда я позову.

... Через полгода они встретились в ее городе, недалеко от гостиницы, в которой он остановился. Был конец декабря,

канун Нового года, и в эти часы на улице было многолюдно. Владимир провел ее в свой номер, помог раздеться, согрел поцелуями, вином. За столом он протянул ей книгу.

– Вот, недавно издали. «К вопросу изменения электромагнитных колебаний при прохождении сквозь сильно ионизированные слои земной атмосферы». Раскрой.

– Ты и вправду сумасшедший. «С.Н. в благодарность за помощь посвящается». Если С.Н. это я, то скажи, пожалуйста, какую помощь я тебе оказала?

– На третьей странице, внизу, вот здесь, читай.

– «... Как сказал один мой коллега, электромагнитные колебания – это колебания маятника часов-ходиков с «хромотой». Тик-так. Последние данные по изучению изменения этой «хромоты» при прохождении радиоволн сквозь атмосферу Земли легли в основу этой книги», – прочитала она. – Ты действительно сошел с ума. Разве можно в серьезной книге такую глупость писать? Здесь одни формулы и – «тик-так».

– Мне можно. Я доктор наук, ведущий специалист в этой области, поэтому я могу иметь свое мнение, – он положил свои большие ладони на ее маленькие и хрупкие. – Я все свои книги имел моральное право посвящать тебе. Все свои работы за двадцать пять лет я выполнял вместе с тобой. Я писал их для тебя, советовался с тобой, хотя ты и молчала, тебе первой разъяснял свои новые идеи, замыслы. Ты вдохновляла меня. И, пусть я буду банальным, спасибо тебе за

ТО, ЧТО ТЫ ЕСТЬ В МОЕЙ ЖИЗНИ.

2001г.

Шашлыки из соловьев

Шашлыки экспромтов не любят. К ним надо готовиться заранее. Так было и в этот раз: не нарушая традиции, ехать на дачу на шашлыки готовились Владимир, хозяин дачи, с Ириной и Александр, друг Владимира, с женой Мариной. Готовились к поездке основательно: Ирина как самая деятельная возглавляла весь этот процесс – она всегда делала проблемы из ничего и всегда решала их шумно, показушно.

С Ириной Владимира познакомила Марина через год после его развода с женой. Вначале он был ошеломлен ее темпераментом, строгой, нестандартной красотой, с которой во все не совмещался ее шумный, взбалмошный характер. В поведении Ирины, в ее лице, в тонкой, гибкой фигуре было что-то цыганское: черноглазая, со смуглой кожей, длинными, окрашенными под цвет темного каштана волосами, с алыми губами, она любила шумные компании, песни, танцы. Владимир до встречи с Ириной вел скромный образ жизни, но, познакомившись с ней, решил, что сорок лет это не такие уж годы, чтобы сидеть дома: здоровье и силы еще есть, так почему же не пожить весело – и он принял ее образ жизни. Теперь на шашлыки они ездят вчетвером.

Был май, время, когда цвели черемуха и сирень, когда в садах начиналось цветение яблонь, груш, слив, а тюльпаны

уже отцвели и их стебли стояли прямо, не склоненные под тяжестью ярко-красных, желтых, с черными прожилками лепестков. Ближе к вечеру начинали опробовать свои голоса соловьи, чтобы ночью исполнять сольные песни, уступая на короткое время друг другу ночную тишину.

Вот в это время и решили друзья выехать на природу и отведать шашлыков. Отъезд был назначен на вечер пятницы, и ничто не предвещало изменений, но Ира вдруг отказалась ехать, уговорив остаться дома и свою подругу Марину. Та, соответственно, не отпустила мужа. Владимиру причина такого решения была ясна: вчера провожали на пенсию сотрудника отдела, и он, задержавшись на работе дольше обычного, пропустил очередное свидание с Ириной.

И вот Владимир остался один на один со свиной, замоченной в лимонном соке, с вином и водкой в холодильнике.

* * *

Пока Владимир раздумывал, что же делать с этими шашлыками, ставшими вдруг ненужными, к нему подошла Оксана, работающая в этом же отделе. Тихая, спокойная, с мягкой, не бросающейся в глаза красотой, она не привлекала к себе внимание, и редко кто из мужчин-сослуживцев оглядывался ей вслед, хотя все знали, что она уже давно ушла от мужа. После развода Владимира сослуживцы пытались сосватать их, но ему такое сводничество не понравилось, и он сказал, чтобы к нему с этим не приставали, хотя Оксана ему

и нравилась. Если бы не назойливая активность сослуживцев, он, возможно, сам сделал бы шаг навстречу ей, но он прилюдно отказался от нее, и теперь изменять своему решению было, как ему казалось, не по-мужски.

Оксана отдала ему отчет о проделанной работе за неделю и пошла к своему столу. Владимир посмотрел ей вслед: красивая, чуточку полноватая фигура, мягкая походка, легкое покачивание бедер; длинная юбка скрывала ноги, но он догадывался – красивые. Симпатичная, приятная на вид и в общении женщина.

«Почему она до сих пор не вышла замуж? – оторвался от шашлыков Владимир. – Неужели теперь, после неудачного замужества, она ненавидит всех мужчин? Но сказать, что она затворница – нельзя. Участвует во всех «мероприятиях», проводимых в отделе; даже как-то весь коллектив отдела – уже после ее развода – был у нее дома: праздновали ее тридцатипятилетний юбилей. Неужели ей никто не предлагал выйти замуж? Может, надеется, что я поддамся на уговоры сослуживцев и сделаю ей предложение? Да, сомнения у меня предостаточно, – усмехнулся он. – Странно устроены люди. Работаем вместе давно, а о личной жизни ее почти ничего не ведаю. Знаю, что есть дочь, и то лишь потому, что подписываю по долгу службы больничные листы».

Ее овальное лицо, полные, окрашенные серебристо-розовой помадой губы, серые с грустинкой, но добрые глаза, небольшой нос, русые волосы, гладко причесанные и собран-

ные на затылке в пучок, долго стояли перед глазами.

Владимир никогда не изменял жене, не изменял и Ирине, но, вспоминая частые размолвки с Ириной, ее постоянно меняющееся настроение – от беззаботности до истерики – и глядя вслед удаляющейся Оксане, он подумал: «А не пригласить ли мне Оксану? Она свободная женщина, и у меня нет никаких обязательств перед Ириной. Но неудобно как-то, вот так вдруг подойти и пригласить, даже не в кафе или погулять, а на дачу с ночевкой. Как она отнесется к этому? Пошлет куда подальше, а мне с ней все же работать. А как я с Ириной буду объясняться?»

Долго сидел Владимир за своим широким столом, заваленным книгами, бумагами, чертежами, пытаясь самому себе обосновать неожиданное желание. И только в конце дня, после еще одного, безответного звонка Ирине, он решил подойти к Оксане. Это далось ему с трудом: краснея и чуть ли не заикаясь, он попытался объяснить ей свое предложение:

– Понимаешь, Оксана, так сложились обстоятельства, что друзья не смогут освободиться от своих дел, и вот я не знаю, что делать с этими шашлыками. – Сказать, что он готовил их для нее, он все же не смог. – Я давно хотел тебя пригласить куда-нибудь, чтобы побыть вдвоем, но никак не получалось, – почему-то бессовестно солгал он, – а здесь такой случай. Поедем ко мне на дачу? Там будут шашлыки, соловьи. И только мы вдвоем.

Оксана удивленно смотрела на него блестящими, широко

раскрытыми серыми глазами. От изумления она даже приоткрыла рот. Он, чувствуя непонятную слабость в ногах, опустился на стул у ее стола и стал нервно перебирать какие-то бумаги, временами взглядывая на нее. Молчание длилось долго, и он уже решил отказаться от своего намерения. Он думал, что она скажет, что не может поехать из-за множества дел по хозяйству в эти выходные. Но она, вопреки его ожиданию, вдруг промолвила, немного сдавленным голосом:

– Хорошо, Владимир Павлович, я поеду. Когда?

– Сегодня, сразу после работы. Я на машине. Мы заедем к тебе домой, и пока ты соберешься, я съезжу, заберу все, что заготовлено, а затем за тобой, и – в путь, – говорил он облегченно, даже немного радостно. – Договорились? Ты не волнуйся, там у меня две комнаты, – добавил он и тут же подумал: «Идиот, какие-то намеки. Зачем?»

Но она спокойно, без всякого смущения, ответила:

– Я не волнуюсь.

Она сидела чуть скованная и даже немного побледневшая, – так показалось ему, – и лишь в глазах, в этих больших, серых, влекущих к себе глазах, стало больше блеска.

– Да мне и собираться особо нечего. Разве что предупредить домашних да купальник захватить – у тебя, говорят, там речка есть. Может, что-то захватить к шашлыкам из соловьев? – натянуто пошутила она.

– Нет, шашлыки из свинины, – не сразу понял шутки Владимир, а потом, когда смысл сказанного дошел до него, он

засмеялся легко и счастливо: – Нет, ничего не надо к шашлыкам из соловьев. Все есть. Ну что, встречаемся за проходной? Договорились?

И он, словно на крыльях, как бывало в далекой молодости, когда у него получалось то, что он задумывал, быстро ушел к себе, стараясь, чтобы никто из сослуживцев не заметил его состояния. Радовался он больше оттого, что одержал над собой небольшую победу – переборол свою робость перед женщиной. А то, что он уговорил поехать с ним Оксану, было где-то на втором плане.

* * *

Владимир с Оксаной приехали на дачу, когда солнце еще ярко освещало и дом, и деревья в саду, и дорогу, ведущую к реке. В середине мая солнце уже не торопится покидать небосклон. Оно медленно катится за горизонт и оттуда долго освещает небосвод своим оранжево-красным светом. Только ближе к полуночи заря исчезает совсем и то лишь на короткое время, чтобы вскоре появиться золотистым свечением на востоке, совсем рядом с тем местом, где она погасла.

...Замоченное мясо уже перетомилось и жаждало превратиться в другое качество – в шашлык. Всем известно, что шашлык – слово мужского рода, поэтому настоящий шашлык могут приготовить только мужчины. Они знают не только способы его приготовления, но и слова, которые необходимо произносить шепотом или громко, колдуя над манга-

лом, и временами, спасая шашлык от жарких дубовых углей, поливать его вином. Этим и занимался Владимир, пока Оксана накрывала стол в беседке под блестящими, светло-зелеными молодыми листьями винограда.

Готовя угли из сухих дубовых чурок и нанизывая мясо с луком на шампуры, Владимир наблюдал за Оксаной. Она, словно хозяйка дома, ничего не спрашивая у него, быстро находила все необходимое для стола в том бардаке, который уже давно обитал на даче, лишенной женских хозяйских рук. Посматривая на Оксану, Владимир начал вновь сомневаться: правильно ли он сделал, что пригласил ее. «Ну, съедим мы шашлыки, а дальше что? Как себя вести? Притвориться пьяным и начать приставать? Как она это воспримет? Не касаться этой темы – может подумать, что я ее как женщину не воспринимаю. Проблема!».

Накрыв на стол, Оксана села на стул и стала следить, как чародействует Владимир над мангалом. Владимир, взглянув на Оксану, оставил угли, достал из сумки вино, водку и подсел к столу.

– К приему шашлыка надо подготовиться. С ходу, с колес у него не тот вкус. Его надо ожидать, как опаздывающую на свидание женщину – с волнением. Говорить о нем, чтобы он, слушая разговоры, не пережарился, не подгорел, – говорил Владимир, улыбающейся гостье. – Ты что будешь пить? Вино так вино, а я горькую. Ну что, за знакомство? – Владимир поднял рюмку.

Она молча кивнула головой в знак согласия.

– Мне стыдно признаться, но я о тебе знаю очень мало, хотя и работаем вместе уже много лет, – добавил он, выпив рюмку водки.

Пока шашлыки, шипя и брызгая соком, вбирая в себя запах углей, доходили до готовности, они еще успели выпить за открытие сезона шашлыков и просто за хорошую погоду. Затем были шашлыки, покрытые румяной корочкой, мягкие и настолько сочные, что можно было захлебнуться этим соком; куски мяса, вперемежку с луком, легко соскакивали с шампура и просто таяли во рту. После уничтожения шашлыков они посидели, поговорили о всяких пустяках. Постепенно перешли к обсуждению служебных проблем, а затем, через воспоминания о детстве, к разговору о личной жизни. Тихий, завлекающий голос Оксаны располагал к откровенной беседе, и скоро они узнали друг о друге больше, чем за все годы совместной работы.

...Солнце зашло. Яркие краски мая посерели.

– Да, я чуть было не забыл. В доме еще холодно: надо включить обогреватель. Я немного согрею свою комнату, а на ночь обогреватель поставлю у тебя. Все будет хорошо. А сейчас мы погуляем перед сном.

– Ты обещал соловьев, – напомнила ему Оксана.

– А ты разве не слышишь, как они поют?!

– Слышу, но мы же не в ресторане, где певцов слушают за едой. Хорошего певца надо только слушать – и ничего боль-

ше. Пойдем поближе к ним.

Песни соловьев доносилось со всех сторон. Они шли по дороге к реке, прислушивались к пению, пытаясь определить местонахождение самого голосистого певца. Останавливались, слушали его рулады и шли дальше, к другому, который, оказывалось, пел еще лучше и громче. Вечер выдался теплым, безветренным, на небе ни облачка. Было новолуние, и тонкий серп луны на бледно-оранжевом небе выглядел изумительно красиво. Темная полоса близкого леса придавала еще большую красочность молодому месяцу и нежность небосклону, на котором, непонятно каким образом мог висеть он тоненькой, ослепительно яркой скобочкой. Гуляли долго, пока месяц, спешащий за солнцем, не покинул небосклон, и ночь не натянула темное, усыпанное звездами покрывало над всей землей. Небо стало равномерно темным везде, и лишь в южной стороне полыхало желто-оранжевое зарево огней далекого города. А соловьи к ночи только лишь распелись, и их голоса стали более громкими и насыщенными красотой своего звучания.

Стало прохладно. Они ничего теплого с собой не взяли, и Оксана совсем озябла.

– Давай я тебя согрею.

Владимир обнял ее, прижал к себе и начал целовать: сначала несмело щеки, лоб, шею, а затем, почувствовав, что она не отстраняется, в губы. Оторвавшись от губ, он спросил с улыбкой:

– Так теплее?

Она, ничего не ответив, теснее прижалась к нему. Обнимаясь и целуясь на пустынной в этот час дороге, они добрались до дому. В обогреваемой калорифером комнате было тепло.

– Сейчас я перенесу обогреватель в твою комнату.

– Я боюсь спать одна, – она снова прижалась к нему. – Не прогоняй меня в ту комнату. Там холодно, темно и, наверное, там мыши.

Они снова целовались до головокружения...

– Боже мой, как мне хорошо, как я счастлива. Сколько лет я ждала этой минуты, – говорила она шепотом, лежа в постели и прижимаясь к нему всем телом. – Может быть, это наша первая и последняя ночь, но я ни о чем не буду жалеть.

Он молча лежал на спине и гладил, обнимая еще прохладное после прогулки, чудно пахнущее незнакомыми духами, ее тело с гладкой и нежной кожей. Он повернулся на бок и уткнулся лицом в ее грудь: ему стало так спокойно и уютно, а она такой родной и желанной, что он готов был заплакать. Он не сравнивал ее ни с одной из женщин, которых он знал, не мог: так хорошо и счастливо он не чувствовал себя ни с кем. Разве только с женой в далекой юности.

А за окном пели соловьи.

Она гладила *его* лицо, *его* жесткие короткие волосы, целовала их, целовала *его* лоб, губы и шептала, шептала...

– Ну почему все устроено так несправедливо? Ведь мы со-

зданы друг для друга – я знаю это, я чувствую. Я в тебя влюбилась, стыдно даже признаться, еще при муже – а встретились только сейчас. Почему ты на меня никакого внимания не обращал? Ведь после развода ты долго был один, и все говорили, что мы – хорошая пара, и что нам надо быть вместе, но ты меня не замечал. А я так страдала. Всех женихов отваживала, ждала тебя, а ты все не шел и не шел.

Она все говорила, и говорила. Он лежал и почти не слушал, да ей это и не нужно было: она была с ним, и ей было хорошо.

А ему?

За окном заливались соловьи.

Не хотелось сравнивать, но сравнения приходили сами. С Ириной ему никогда так хорошо и уютно не было. Она вечно была чем-то озабочена, вечно была недовольна всем, всегда куда-то спешила, а если оставалась на ночь – спала всю ночь. Времени, поговорить один на один, у них никогда не было. Он, думая об Ирине, часто вспоминал строчки стихотворения Константина Симонова:

*... Злую, ветреную, колючую,
Хоть ненадолго, но мою.*

Первое время Владимир был даже доволен таким знакомством, но со временем все это стало ему в тягость. Он вдруг неожиданно понял, что он и не знает, о чем бы говорил с

Ириной. На вечеринках, в ресторанах или кафе они никогда вдвоем не бывали, поэтому там темы бесед были общими. Когда же они оставались вдвоем, им не о чем было говорить, разве что о недостатках знакомых. А Оксана нашла общие интересы, разговорила его. Так откровенно о своей жизни он уже давно ни с кем не говорил. Действительно странно: работали столько лет рядом, а никогда даже не поговорили наедине. Все разговоры сотрудников, что якобы они пара, только отдаляли его от нее. Ему было стыдно подойти к ней по подсказке, как ему казалось, почти по требованию окружающих. И он не подходил.

В эту ночь они не спали, но не потому, что песни соловьев, врывающиеся в комнату даже через закрытые окна, волновали их, пробуждали желания, а потому, что у них оказалось много общего в жизни, и они старались все это обсудить, обменяться взглядами. Заснули они, когда розовый рассвет стал пробиваться сквозь зашторенные окна, а уставшие соловьи уже не пели непрерывно, а лишь изредка и несмело, не доводя начатую трель до конца, когда на смену ночным певцам проснулись дневные птицы.

* * *

...Выспаться им не дали. Еще не было и девять часов, когда к дому подъехала машина и из нее вышли Саша с женой и Ирина. Ирина, на правах хозяйки, открыла калитку, и первая вошла на участок, по пути заглянула в занавешенное ок-

но, постучала и подошла к двери.

– Открывай, соня! – громко крикнула она.

Через некоторое время на застекленной веранде показался заспанный Владимир.

– Кто там?

– Сюрприз! Ты что, не узнаешь уже! Или вчера перепил? Один за всех старался, – тараторила Ирина, входя на веранду. – Долго спишь – солнце вон уже как высоко поднялось.

Застигнутый врасплох, Владимир смущенно топтался на веранде.

– Еще рано, – глянул он на часы-ходики. – Сегодня же выходной.

– Я хотела еще вчера приехать, но вот их не смогла уговорить. Ты как здесь, не скучал один?

Владимир не знал, что отвечать, но в это момент дверь комнаты открылась, и на пороге появилась Оксана.

– Доброе утро! – она догадалась, кто приехал, и решила не прятаться – только хуже будет. – Он не один здесь был, а со мной.

Ирина настолько оторопела, что некоторое время не могла вымолвить ни слова.

– Кто это? – наконец очнуться она.

– Сюрприз, – мрачно произнес Владимир. – Познакомьтесь, это Оксана. – Помолчал. – А это Ирина, – обратился он к Оксане, – Сашу и Марину ты знаешь.

Приехавшие растерянно смотрели на Владимира. Он гля-

нул на Оксану, на ее встревоженные глаза. Даже на расстоянии почувствовал идущее от нее к нему тепло, уют.

– Это Оксана, – повторил он и неожиданно даже для самого себя добавил, – моя жена.

Молчание на веранде затянулось.

Первой пришла в себя Ирина и, наступая на Владимира, зашипела:

– Это когда же вы успели пожениться? – в глазах блеск молний.

– Да вот, ночь провели вместе и поняли, что мы созданы друг для друга. – Владимир старался казаться безразличным к происходящему.

– Переспали, это будет точнее, – зло поправила его Ирина.

– Ну, если тебе хочется, можно сказать и так: переспали. Но нам это так понравилось, что мы решили больше не расставаться, правда, Оксана?

Оксана смотрела на него удивленно-восторженными глазами.

– Ну что вы молчите? – обернулась Ирина к Марине и Саше. – Скажите же ему что-нибудь.

Марина молча пожала плечами, а Александр не к месту весело заметил:

– А что здесь нужно говорить? Все ясно!

– Я же просила вас поехать вчера вечером, а вы все: «Поздно уже». Вот и опоздала. Два года наших встреч псу под хвост. А с ней один раз переспал и – к венцу, – зло бро-

сала она Владимиру. – Как это можно назвать?

Владимир молчал, стоя рядом с Оксаной и держа ее за руку, словно ждал родительского благословения.

– Ты чего молчишь? – Ирина подступила почти вплотную к Владимиру.

– Я слушаю, что ты говоришь.

Владимир казался спокойным, но Оксана почувствовала, что он может сорваться. Она положила руку ему на плечо: «Не надо», – не сказала она, но он услышал ее и отошел от Ирины.

Ирина повернулась к Марине, но та – «я-то тут причем?» – смотрела в окно. Поняв, что не находит поддержки даже у своей подруги, Ирина расплакалась и сквозь слезы спросила:

– Ну а как же я? Что мне теперь делать?

– Что делать? – Владимир на мгновение задумался и, не жалея ее, сказал: – Тебе остались только шашлыки. Раз уже приехали – жарьте, ешьте, пейте, а мы, чтобы вам не мешать, пойдем погуляем.

2003г.

В оформлении обложки использована фотография автора Jude Beck с сайта <https://unsplash.com/photos/103bWC9Cr48>